

Департамент по науке и инновациям ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт филологии

Н. Б. Кошкарева,
Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков,
О. А. Казакевич, С. И. Буркова,
Н. А. Муравьев, Е. М. Будянская

**ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ,
РАСПРОСТРАНЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

Под общей редакцией д.ф.н. Н. Б. Кошкаревой

Калининград

РОСТ-ДОАФК
— ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ —

2017

УДК 811.511 '28
ББК 81.66-025.7
Д 44

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»,
Ученым советом Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Д 44 Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Н. Б. Кошкарева [и др.] / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Калининград: Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК», 2017. – 256 с. – ISBN 978-5-9500671-3-6

В «Диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» представлены данные по двум самодийским (ненецкому и селькупскому) и двум финно-угорским (хантыйскому и коми-зырянскому) языкам, бытующим на данной территории. На картах отражаются зоны распространения отдельных лексических явлений в этих языках, в описаниях к картам даются комментарии по поводу специфики каждого из этих языков в соответствующей области.

В атласе представлена информация по следующим семантическим блокам: название народностей, терминология родства, обозначение частей тела человека, бытийные, акциональные и статальные глаголы, лексика, связанная с оленеводством и традиционным ведением хозяйства, лексика, обозначающая предметы традиционного быта, фауна, флора, обозначение сторон света, лексика, обозначающая предметы окружающего мира, явления природы, цветообозначения, качественно-оценочная лексика. Приводятся данные о социолингвистической ситуации в регионе.

Для лингвистов – специалистов в области уральской диалектологии и лексикологии, а также для всех интересующихся языками и культурой уральских народов, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

УДК 811.511 '28
ББК 81.66-025.7

Рецензенты:

д-р филол. наук Н. Н. Широбокова
д-р филол. наук, профессор И. В. Шапошникова
д-р филол. наук, доцент В. Н. Соловар

- © Тексты, авторские материалы – авторы, 2017
- © Составление, оформление – ООО «Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК», 2017
- © ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2017
- © Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2017

ISBN 978-5-9500671-3-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Языковая ситуация в этно-локальных группах ненцев, селькупов, хантов и коми-ижемцев на территории Ямало-Ненецкого АО	8
Названия народностей: <i>ненец, селькуп, ханты, коми-зырянин, русский</i>	22
Терминология родства: <i>мать, отец, родители, бабушка, дедушка, сестра (младшая и старшая), брат (младший и старший), дочь, сын, муж, жена</i>	32
Обозначение частей тела человека: <i>глаз, нос, рот, ухо, лицо, щека, язык, нога, рука</i>	59
Бытийные глаголы: <i>жить, умереть</i>	79
Акциональные и статальные глаголы: <i>помочь, плавать, болеть</i>	84
Лексика, связанная с оленеводством и традиционным ведением хозяйства: <i>аркан, нарты и их разновидности, каслать, стрелять</i>	95
Лексика, обозначающая предметы традиционного быта: <i>нож, ножницы, ружье, топор, деньги, жилище, стол</i>	106
Лексика, обозначающая объекты фауны: <i>животные – медведь, волк, лиса, заяц, олень (гипероним); рыбы – щука, язь; птицы – птица (родовое название), гагара, куропатка, глухарь, орел, ворона, ворон, чайка, журавль</i>	125
Лексика, обозначающая объекты флоры: <i>ягода, брусника, морошка, клюква, береза, трава</i>	159
Явления природы: <i>снег, град, дождь</i>	171
Лексика, обозначающая предметы окружающего мира: <i>солнце, луна, вода, земля, камень, лед</i>	178
Обозначение сторон света: <i>север, юг, запад, восток</i>	192
Цветообозначения: <i>белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый</i>	201
Качественно-оценочная лексика: <i>острый / тупой (кончик), острый / тупой (лезвие); горячий, жаркий, теплый; прохладный, холодный; шершавый, скользкий; красивый</i>	216
Заключение	248
Список использованной литературы	251
Список условных сокращений и обозначений	255

ВВЕДЕНИЕ

В данном атласе представлены материалы по четырем уральским языкам, распространенным на территории Ямало-Ненецкого АО: ненецкому, селькупскому, хантыйскому и коми-зырянскому (ижемский диалект). Актуальность этой работы связана с особенностью социолингвистической ситуации в регионе. Четыре языка, сложным образом взаимодействующих на территории одного ареала, представляют собой интересный феномен для изучения языковых контактов. Коренное население Ямало-Ненецкого АО является многоязычным; дву- и полиязычие распространено широко, однако до сих пор оно не было предметом самостоятельного углубленного изучения. В разных районах региона ведущую роль в многоязычии играют разные языки. В то же время три из четырех уральских языков, распространенных в Ямало-Ненецком АО (за исключением коми-ижемского), относятся к числу языков коренных малочисленных народов Севера, находящихся под угрозой исчезновения, и сохраняются в первую очередь у представителей старшего поколения (последнее верно и для говоров зауральских коми-ижемцев). У молодежи владение языком поддерживается там, где стабильно сохраняется традиционный образ жизни, прежде всего оленеводство (в большей степени у ненцев, в меньшей – у хантов и селькупов).

В условиях активного промышленного освоения территории, миграции населения, приводящей к смешению языков и диалектов, скорейшая фиксация языкового материала – в том числе и контактно обусловленных процессов – является неотложной необходимостью. Данное исследование послужит фундаментом для сопоставления уральских языков ареала между собой, а также для сравнения описан-

ных диалектов с диалектами, распространенными за пределами Ямало-Ненецкого АО. Полученные результаты будут востребованы при сравнительно-историческом и типологическом исследовании уральских языков, а также могут представлять интерес для этнографических исследований и в процессе преподавания языков разных систем.

В атлас включены карты, репрезентирующие основные тематические группы, существенные для языков данного ареала:

- название народностей: *ненец, селькуп, ханты, коми-зырянин, русский*;
- терминология родства: *мать, отец, родители, дочь, сын, брат* (младший и старший), *сестра* (младшая и старшая), *муж, жена*;
- обозначение частей тела человека: *глаз, нос, рот, ухо, щека, язык, нога, рука*;
- бытийные глаголы: *жить, умереть*;
- акциональные и статальные глаголы: *плавать, помочь, болеть*;
- лексика, связанная с оленеводством и традиционным ведением хозяйства: *аркан, нарты и их разновидности, каслать, стрелять*;
- лексика, обозначающая предметы традиционного быта: *нож, ножницы, ружье, топор, деньги, дом*;
- фауна: животные – *медведь, волк, лиса, заяц, олень*; рыбы – *щука*; птицы – *птица* (родовое название), *гагара, глухарь, куропатка, орел, ворона, журавль, чайка*;
- флора: *ягода, брусника, морошка, клюква, береза; трава*;
- явления природы: *снег, град, дождь*;
- лексика, обозначающая предметы окружающего мира: *солнце, луна, вода, земля, камень, лед*;
- обозначения сторон света: *север, юг, запад, восток*;

– цветообозначения: *белый, черный, красный, синий, зеленый*;

– качественно-оценочная лексика: *острый* (кончик), *острый* (лезвие), *тупой* (кончик), *тупой* (лезвие); *горячий, жаркий, теплый, прохладный, холодный; скользкий, шершавый; красивый*.

В ходе реализации проекта нами были получены данные из 11 населенных пунктов для ненецкого и хантыйского языков, из 12 населенных пунктов для коми-зырянского языка, из 15 населенных пунктов для селькупского языка. В первую очередь этот материал собран в проведенных нами экспедициях. В некоторых случаях привлекаются также архивные материалы и фольклорные публикации, ссылки на которые приводятся при их цитировании.

Материалы были собраны в следующих населенных пунктах:

– по ненецкому языку: с. Гыда, с. Антипаюта (Тазовский р-н); с. Сёяха, с. Новый Порт, с. Яр-Сале (Ямальский р-н); с. Нори (Надымский р-н); с. Лаборовая, с. Аксарка (Приуральский р-н); с. Самбург (Пуровский р-н);

– по селькупскому языку: пос. Сидоровск, Красноселькуп, Толька, Ратта, фактории Киккиакки, Часелька, стойбища Белый Яр, Нижняя Печалька (Красноселькупский р-н); г. Тарко-Сале, пос. Толька, фактория Быстринка (Пуровский р-н); а также пос. Туруханск, Фарково, Советская Речка, Келлог (Туруханский р-н Красноярского края);

– по хантыйскому языку: с. Азовы, с. Восяхово, с. Шурышкары, с. Мужы, с. Овгорт, с. Горки, с. Питляр (Шурышкарский р-н); с. Аксарка, с. Горно князевск, с. Катравож, с. Белоярск (Приуральский р-н);

– по коми-зырянскому языку: с. Мужы, с. Восяхово, с. Шурышкары, с. Овгорт (Шурышкарский р-н); с. Белоярск (Приуральский р-н); с. Нори (Надымский р-н); с. Самбург (Пуровский р-н). Дополнительно учтены данные по говорам с. Горки, с. Харсаим, с. Аксарка, г. Салехард, г. Лабытнанги, полученные из архивных материалов.

Кроме полевых исследований, которые проводились непосредственно в перечисленных поселках, мы

работали с носителями всех этих языков и их разных диалектов в других населенных пунктах и городах, прежде всего в Салехарде. Материалы, полученные таким образом, мы приписывали к тем поселкам, в которых родились и провели большую часть своей жизни наши информанты, поскольку особенности их речи сформировались в определенном языковом окружении и сохраняются на всю жизнь. По умолчанию мы старались не привлекать к работе людей, длительное время проживающих в иноязычном окружении, в том числе в местах, где говорят на другом диалекте или говоре их родного языка, чтобы по возможности исключить влияние других языков и получить более или менее отчетливую картину распределения тех или иных диалектных признаков на исследуемой территории. В то же время данные от таких информантов учитывались, во-первых, при решении вопросов, связанных с взаимным влиянием языков друг на друга, поскольку именно в их речи сильнее всего выражены явления интерференции, а во-вторых, с целью установления и верификации идиомных различий. Так, при изучении коми-зырянских говоров было опрошено несколько носителей, переехавших в Ямало-Ненецкий АО из европейской части РФ либо поменявших место жительства в пределах округа.

У карт, включенных в данный атлас, есть определенные особенности. Во-первых, сеть населенных пунктов не так густа, как в атласах других языков и регионов, в силу меньшей плотности населения Ямало-Ненецкого АО по сравнению, например, с территорией средней полосы России. Во-вторых, число карт является сравнительно небольшим на фоне многих других диалектологических атласов (а сам их выбор в известной степени субъективен). Вместе с тем в настоящем издании мы стремились прежде всего не к широте количественного охвата явлений языка, а к глубине описания, в котором давались бы детальные комментарии по поводу анализируемых слов и лексических групп, включающие сведения об идиомной принадлежности, внутренней форме слов, происхождении, семантических различиях между синонимами, сочетаемости, этнографических характеристиках. В коммен-

тариях к ряду карт, в первую очередь посвященных глаголам и прилагательным, материал уральских языков Ямало-Ненецкого АО обобщается на фоне бурно развивающихся типологических исследований соответствующих семантических групп в языках мира. Это позволяет не просто представить описательный результат по четырем языкам ареала, но и обозначить его место в общей системе межъязыкового варьирования, что крайне важно для задач современной лингвистической теории и типологии. В-третьих, графических средств, опирающихся на существующие традиции письменной фиксации уральских языков, во многих случаях явно недостаточно для адекватного отражения фонетических различий между диалектами и говорами.

Более объемный лексический и фонетический материал, собранный нами при исследовании уральских языков Ямало-Ненецкого АО, представлен в постоянно обновляемом Электронном диалектологическом атласе уральских языков, который размещен в свободном доступе на сайте Института филологии СО РАН по адресу <http://atlas.philology.nsc.ru/>. Электронная база включает обширные словарные материалы, образцы произнесения одного и того же слова носителями разных диалектов и говоров, информацию об особенностях употребления слов, а также позволяет увидеть места на карте, где эти данные были зарегистрированы. Электронный формат диалектологических карт обеспечивает возможность вывести на экран информацию о любом слове и его фиксации на данной территории, а также создавать новые электронные карты в зависимости от интересов исследователей и по мере необходимости.

Наш атлас в большой степени опирается на результаты проекта по изданию четырех диалектологических словарей уральских языков, распространенных в Ямало-Ненецком АО: ненецкого [Кошкарева (ред.) 2010], селькупского [Казакевич, Будянская 2010], хантыйского [Кошкарева (ред.) 2011], коми-зырянского [Кузнецова (ред.) 2010]. Однако в атлас добавлено и немало новых материалов: после завершения словарного проекта было

проведено много экспедиций, обследованы новые населенные пункты, во многих случаях уточнены и дополнены сведения о тех или иных лексемах.

Включенные в атлас материалы по разным уральским языкам первично обработаны и описаны разными участниками авторского коллектива, редактирование итогового текста происходило, однако, совместно. В некоторых случаях участники экспедиции, нацеленной на изучение конкретного языка в выбранном населенном пункте, записывали материал и по другим языкам, носители которых проживают там же. Материалы по разным языкам представлены неравномерно и в силу разных научных интересов участников группы, и по причине того, что не всегда в полевых условиях удается собрать материал равномерно. Но мы приняли решение поместить имеющиеся в нашем распоряжении данные в том объеме, в котором они собраны в настоящий момент, отдавая себе отчет в том, что не все части атласа соразмерны и представлены в одной и той же последовательности. Мотивация такого решения обусловлена нашей надеждой на продолжение проекта, который непременно должен выйти за пределы Ямало-Ненецкого АО, так как носители всех изучаемых нами языков проживают и на смежных территориях, где распространены диалекты, существенно отличающиеся от тех, которые описаны в данном атласе. Это позволит более выпукло и ярко показать специфику каждого диалекта на фоне других, выстроить изоглоссы, охватывающие все диалекты и говоры изучаемых нами языков.

Анализ ненецкого материала принадлежит С. И. Бурковой и Н. Б. Кошкаревой. Описание хантыйского материала выполнено Н. Б. Кошкаревой, некоторые дополнения по шурышкарскому диалекту внесены Е. В. Кашкиным. В обработке хантыйских и ненецких материалов на разных этапах работы принимали участие О. А. Гуреенкова, Е. В. Томас, Т. В. Тимкин, Ю. Снигирев, Л. А. Голодяева, И. И. Бакайтис.

Селькупский материал атласа проанализирован О. А. Казакевич и Е. М. Будянской, а над подготовкой селькупской части электронного атласа работала

Е. М. Будянская. В атласе использованы селькупские материалы, собранные несколькими поколениями лингвистов, опубликованные и архивные. Современный материал по селькупским говорам Ямало-Ненецкого АО и примыкающего к нему Туруханского района Красноярского края записан в ходе 14 экспедиций (1996–2015 гг.), которыми руководила О. А. Казакевич и в которых участвовали такие замечательные ученые, как А. И. Кузнецова – основатель московской школы селькуповедов, Л. М. Захаров, И. В. Самарина, О. С. Парфенова, а также студенты МГУ и РГГУ, многие из которых стали уже дипломированными специалистами, а некоторые работают с селькупскими материалами: Е. М. Будянская, Е. А. Ренковская, О. С. Парфенова, А. С. Смирнов, О. Л. Бирюк, Н. В. Вострикова, Л. П. Леонтьев, С. В. Орлов, Д. А. Залманов, С. В. Попова, Л. М. Зисер, И. А. Кобзев, О. А. Егурнова, Т. С. Свириденко, В. О. Филатова, А. Ю. Стрепетов, М. А. Егорова, Р. Ю. Новикова, А. Р. Каримова, Л. А. Пажетных, Е. А. Христофорова.

Ответственными за анализ коми-зырянского материала выступили Е. В. Кашкин и Н. А. Муравьев. Однако в полевом сборе этого материала участвовали и другие исследователи. Часть данных была получена в ходе экспедиций кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ под руководством А. И. Кузнецовой и С. Ю. Толдовой в 2008–2012 гг. В 2010–2017 гг. проводились под руководством Е. В. Кашкина и экспедиции, целенаправленно посвященные сбору материала для атласа. В разные годы, помимо Е. В. Кашкина и Н. А. Муравьева, в этих экспедициях участвовали В. В. Дьячков, А. П. Евстигнеева, А. Н. Закирова, А. А. Козлов, М. И. Кудринский, А. М. Муравьева (Дрофа), С. О. Никифорова, Е. К. Павлова, П. С. Плешак, М. Ю. Привизенцева, Е. А. Ренковская, М. А. Сидорова, И. А. Стенин, М. М. Шапиро. Авторы благодарят всех указанных коллег за помощь в сборе и первичной обработке данных.

Разработчиком карт атласа является Ю. Б. Коряков.

Работа над данным атласом началась при участии д.ф.н., профессора Московского государственного университета Ариадны Ивановны Кузнецовой (1932–2015 гг.). К сожалению, Ариадна Ивановна уже не увидела выхода этой книги в свет. Однако в атласе использовано немало собранного ею материала, а обсуждение многих этапов этой работы с Ариадной Ивановной внесло неоценимый вклад в итоговый результат и навсегда останется для нас источником исследовательского вдохновения.

Данная работа была выполнена при финансовой поддержке госконтрактов между ГКУ «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард) и Институтом филологии СО РАН (г. Новосибирск), которые осуществлялись с перерывами на протяжении ряда лет: с 2011 по 2106 г., а также гранта РГНФ № 14-04-00476 «Электронный диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (2014–2016 гг.), в рамках которого были созданы электронная база данных и электронные карты.

Выполнение работы было бы невозможным без активной помощи сотен жителей Ямало-Ненецкого АО. Это сотрудники ГКУ «Научный центр изучения Арктики», Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого АО, Департамента по науке и инновациям Ямало-Ненецкого АО, представители администраций районов и сельских поселений, руководители школ и сельских клубов, создававшие все необходимые условия для организации наших экспедиций. Это и работники библиотек, музеев, средств массовой информации, любезно предоставившие нам доступ к своим архивным материалам. Но самое главное – это носители исследуемых нами языков, гостеприимно принимавшие нас и самоотверженно делившиеся своими знаниями родного языка и культуры. Не имея возможности перечислить всех этих людей в предисловии сколько-либо разумного объема, мы выражаем им нашу глубокую благодарность.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЭТНО-ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ НЕНЦЕВ, СЕЛЬКУПОВ, ХАНТОВ И КОМИ-ИЖЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО

На территории Ямало-Ненецкого АО проживают представители четырех народов, говорящие на языках уральской семьи: ненцы, ханты, селькупы и коми-зыряне. Ненцы, ханты и селькупы имеют статус коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Ненцы являются крупнейшим по численности народом Крайнего Севера на территории Российской Федерации (более 40 тыс. чел.), языковая ситуация у них относительно стабильная, так как имеется передача языка от родителей детям, нередко случаи, когда ребенок приходит в школу, не зная русского языка. Ведение кочевого образа жизни способствует сохранению языка в традиционных сферах хозяйствования. На территории Ямало-Ненецкого АО распространены ямальский, приуральский, гыданский, тазовский, надымский говоры тундрового ненецкого языка, а также пуровский говор лесного ненецкого языка.

Хантыйский язык на территории Ямало-Ненецкого АО представлен двумя диалектами – шурышкарским и приуральским, относящимися к западному наречию, которое, кроме того, включает и казымский диалект, бытующий на территории Ханты-Мансийского АО – Югры.

Селькупы, живущие в юго-восточной части Ямало-Ненецкого АО, а также в приграничных поселках Красноярского края, говорят на северном (тазовско-туруханском) наречии селькупского языка. Говоры этого наречия представлены в атласе, причем для полноты картины даны материалы не только с территории Ямало-Ненецкого АО, но и с территории Туруханского района (до 1944 г. большая часть территории северных селькупов входила в Туруханский район). Северное наречие селькупского языка до сегодняшнего дня используется (правда, довольно ограниченно) представителями старшего и среднего поколения, в меньшей степени моло-

дежью. Среди носителей северного наречия (их около 600 человек с разным уровнем языковой компетенции) есть даже небольшое количество детей (в нескольких семьях сохраняется естественная передача этнического языка от родителей к детям). В отличие от северного наречия, центральное, южное и кетское наречия селькупского языка, когда-то распространенные на территории Томской области, в настоящее время фактически утрачены, осталось всего несколько пожилых людей, способных говорить на трех из когда-то многочисленных диалектов этих наречий с разным уровнем языковой компетенции. К счастью, селькупские диалекты Томской области в свое время были относительно неплохо задокументированы, записанные материалы хранятся в архиве А. П. Дульзона и его школы в Томском государственном педагогическом университете (Кафедра языков народов Сибири).

Коми-зырянский язык на территории Ямало-Ненецкого АО является языком пришлого населения: в первой трети XIX в. коми-зыряне начали интенсивно переселяться за Урал, где перенимали оленеводство и некоторые черты северного быта. Хотя этот язык не причисляется к языкам коренных малочисленных народов Российской Федерации, на территории Ямало-Ненецкого АО он обладает ярко выраженной спецификой по сравнению с разновидностями на западных территориях и чрезвычайно интересен для изучения языковых контактов, так как перенимает черты разных языков-соседей в зависимости от ареала распространения.

Ямало-Ненецкий АО – один из немногих автономных округов, сохранивших свой исконный статус: он образован в 1930 г. и входит в состав Тюменской области. Население Ямало-Ненецкого АО, по данным переписи 2010 г., составляет 522 904 чел.

Как видно из Таблицы 1, в Ямало-Ненецком АО проживает более двух третей всех ненцев (66,7 %), чуть меньше трети всех хантов (30,7 %), более половины селькупов (54,5 %) и лишь 2,3 % всех коми-зырян Российской Федерации. В населении Ямало-Ненецкого АО представители каждого из четырех народов составляют очень небольшую долю: около 6 % ненцы, около 2 % ханты, 1 % коми-зыряне и лишь 0,4 % селькупы. При этом в двух малонаселенных районах Ямало-Ненецкого АО (Ямальском и Тазовском) ненцы составляют большинство, а в одном (Шурышкарском) – чуть более половины населения составляют ханты.

По данным переписи 2010 г., для ненцев, хантов и селькупов количество членов этнической груп-

пы, считающих свой этнический язык родным, превышает количество тех, кто сообщил о владении своим этническим языком и по Российской Федерации в целом, и в пределах Ямало-Ненецкого АО (Таблица 2). Стоит, однако, отметить, что для Ямало-Ненецкого АО эта разница меньше, чем в целом по стране. Для коренных малочисленных народов Сибири это довольно стандартная ситуация: при ответе на вопрос о родном языке *родной язык* рассматривается не как средство коммуникации, которым человек пользуется в повседневной жизни, а скорее как знак этнической принадлежности. Для коми-зырянского языка это характерно только в пределах Ямало-Ненецкого АО, но не по всей территории Российской Федерации.

Таблица 1

Численность коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в Российской Федерации и в Ямало-Ненецком автономном округе (по переписи 2010 г.) и на территории их преимущественного проживания в Ямало-Ненецком автономном округе

Народ	Численность в РФ	Численность в ЯНАО (чел.) и % в населении ЯНАО	Районы преимущественного проживания в ЯНАО	Численность по районам (чел.) и % в населении р-на
ненцы	44 640	29 772 (5,9 %)	Ямальский Тазовский Приуральский Пуровский Надымский	11 187 (67,54 %) 8 871 (53,64 %) 3 017 (19,55 %) 3 411 (6,65 %) 1 868 (2,91 %)
ханты	30 943	9 489 (1,9 %)	Шурышкарский Приуральский Пуровский	4 814 (50,05 %) 2 552 (16,54 %) 350 (0,68 %)
селькупы	3 649	1 988 (0,4 %)	Красноселькупский Пуровский	1 334 (24 %) 460 (0,9 %)
коми-зыряне	22 8235	5 141 (1,0 %)	Шурышкарский Приуральский	

Примечание: По данным переписи 2010 г., численность селькупов Красноярского края составляла 271 чел.

**Признание этнического языка родным и владение им у коренных малочисленных народов
Ямало-Ненецкого автономного округа (перепись 2010 г.)**

Народ	Признали свой этнический язык родным в РФ (кол-во и % от общей численности)	Заявили о владении своим этническим языком в РФ (кол-во и % от общей численности)	Признали свой этнический язык родным в ЯНАО (кол-во и % от общей численности)	Заявили о владении своим этническим языком в ЯНАО (кол-во и % от общей численности)
ненцы	32 640 (73,1 %)	19 567 (43,8 %)	20 022 (87,4 %)	16 390 (55,1 %)
ханты	11 241 (36,3 %)	8 865 (28,6 %)	5 922 (62,4 %)	5 361 (56,5 %)
селькупы	1 334 (36,6 %)	945 (25,9 %)	1 249 (62,8 %)	825 (41,5 %)
коми-зыряне	13 5819 (59,5 %)	13 7934 (60,4 %)	2 245 (43,7 %)	1 933 (37,6 %)

Примечание: По данным переписи 2010 г., в Красноярском крае только 22 селькупов считали свой этнический язык родным, а о владении им заявил 41 чел.

Для ненецкого, хантыйского и селькупского такой важный параметр, характеризующий языковую ситуацию в этно-локальной группе, как процент членов группы, владеющих своим этническим языком, в Ямало-Ненецком АО заметно выше, чем в целом по Российской Федерации. Для ямальских коми-зырян, напротив, этот процент ниже, чем в Российской Федерации в целом и в Республике Коми в частности.

Ненцы тундровые и лесные

Самая благополучная ситуация в Ямало-Ненецком АО у ненцев. На этой территории проживают носители восточных говоров тундрового ненецкого языка – приуральского, ямальского, гыданского, надымского, тазовского – и носители пуровского говора лесного ненецкого языка.

Тундровые ненцы на территории Ямало-Ненецкого АО в основном сосредоточены в Ямальском и Тазовском районах, но проживают также в Приуральском, Пуровском и Надымском районах. Небольшая группа ненцев (около 100 чел.) живет в Красноселькупском районе. Большинство тундровых ненцев проживает в сельской местности. Основной вид их традиционной хозяйственной деятельности – крупностадное оленеводство. Хо-

зяйственное сезонное значение имеют также рыболовный промысел и охота.

В 2010 г. около 55 % тундровых ненцев Ямало-Ненецкого АО заявляли о владении своим этническим языком. Относительно хорошая степень сохранности языка объясняется удаленностью территорий проживания тундровых ненцев от крупных населенных пунктов, компактностью проживания этноса и сохранением традиционного вида хозяйственной деятельности. Тундровый ненецкий в Ямало-Ненецком АО достаточно активно используется в сфере повседневно-бытового общения, до определенной степени сохраняется естественная передача языка от родителей к детям, среди пожилых людей и детей дошкольного возраста имеются монолингвы, говорящие только на своем этническом языке. В Ямало-Ненецком АО у тундровых ненцев до сих пор сохраняется устная традиция сказительства, хотя в полной мере ею владеют только немногочисленные представители старшего поколения. При всем том многие молодые люди уже не говорят на своем этническом языке, а если и говорят, то их речь часто характеризуется заметным стилистическим сокращением, кодовыми переключениями и калькированием ряда русских грамматических конструкций.

История реального функционирования письменности тундрового ненецкого языка начинается с 1931 г., когда был утвержден первый ненецкий алфавит на латинской основе. Опорным для письменного языка был выбран большеземельский говор, в географическом отношении занимающий центральное место среди говоров ненецкого тундрового языка. В 1932–1933 гг. вышел ненецкий букварь «Jadəj wada» – «Новое слово», составленный Г. Н. Прокофьевым. С 1933 г. материалы на тундровом ненецком языке стали периодически появляться в окружной газете «Narjana Dəgm» – «Красный Север» (г. Салехард). В период 1932–1936 гг. на тундровом ненецком было издано несколько учебников и учебных пособий для начальной школы, а также переведен ряд произведений русских писателей и брошюр идеологического содержания.

Во второй половине 1930-х гг. письменности коренных малочисленных народов Севера стали массово переводиться на кириллицу. В 1937 г. был утвержден новый ненецкий алфавит на кириллической основе с применением основных принципов графики русского языка. Дополнительно были приняты графемы, обозначающие специфические звуки тундрового ненецкого языка, и надстрочные знаки для обозначения долгих и кратких гласных.

С конца 1930-х гг. на тундровом ненецком регулярно издаются учебники и учебные пособия, оригинальные произведения ненецких писателей и поэтов, переводная литература, сборники фольклора, периодическая печать. Однако сфера его использования до сих пор весьма ограничена. В последние два десятилетия в Ямало-Ненецком АО постепенно усиливается тенденция при издании книг, в том числе учебных материалов, ориентироваться на локальные варианты ненецкого языка.

Начало использования ненецкого тундрового языка в обучении связано с именем главы Обдорской православной миссии отца Иринарха (в миру И. С. Шемановского), который в 1899 г. открыл в Обдорске (Салехарде) школу-пансион для детей инородцев. В первый год преподавания обучение велось на родном языке (ненецком или хантыйском),

на второй год было два языка обучения, на третий год преподавание велось уже на русском языке.

Обучение школьников на родном (ненецком тундровом) языке возобновилось в 1932 г. В 1935 г. в Ямало-Ненецком АО было 5 начальных школ, где преподавание велось на тундровом ненецком. К концу 1930-х гг. около 96 % детей тундровых ненцев обучались в начальной школе на родном языке.

Впоследствии тундровый ненецкий как язык обучения был постепенно вытеснен русским языком. В настоящее время в качестве языка обучения тундровый ненецкий используется только как вспомогательное средство в подготовительном и первом классах в том случае, если в классе есть дети, не владеющие или плохо владеющие русским языком.

Сегодня ненецкий тундровый преподается в Ямало-Ненецком АО как предмет в детских садах, начальных и средних школах, а также в Ямальском многопрофильном колледже и Ямальском полярном агроэкономическом техникуме (г. Салехард).

В настоящее время в Ямало-Ненецком АО издается газета на ненецком языке «Няръяна Ыэrm» – «Красный Север» (выходит 1 раз в неделю). Материалы на тундровом ненецком публикуются также 1–2 раза в месяц в районной газете Тазовского района «Советское Заполярье» и 1 раз в месяц в районной газете Ямальского р-на «Время Ямала».

Телерадиокомпания «Ямал-Регион» выпускает две программы на радио: новостную «Ямал юн!» («Вести Ямала», выходит раз в неделю, время вещания 1 час) и «Недарма» («Древняя дорога», выходит раз в неделю, время вещания 1 час), посвященную культуре и традициям народов Севера. Один раз в неделю выходит телевизионная новостная программа «Ялэмдад нумгы» («Утренняя звезда», время вещания 30 мин.). Районной телерадиокомпанией Тазовского района «Студия-Факт» 2 раза в месяц выпускается новостная программа «Тасу ява» («Тазовская земля», время вещания 30 мин.).

Сохранность тундрового ненецкого языка в разных районах Ямало-Ненецкого АО неодинакова. Внутрисемейная передача языка от родителей к детям довольно хорошо сохраняется в большинстве

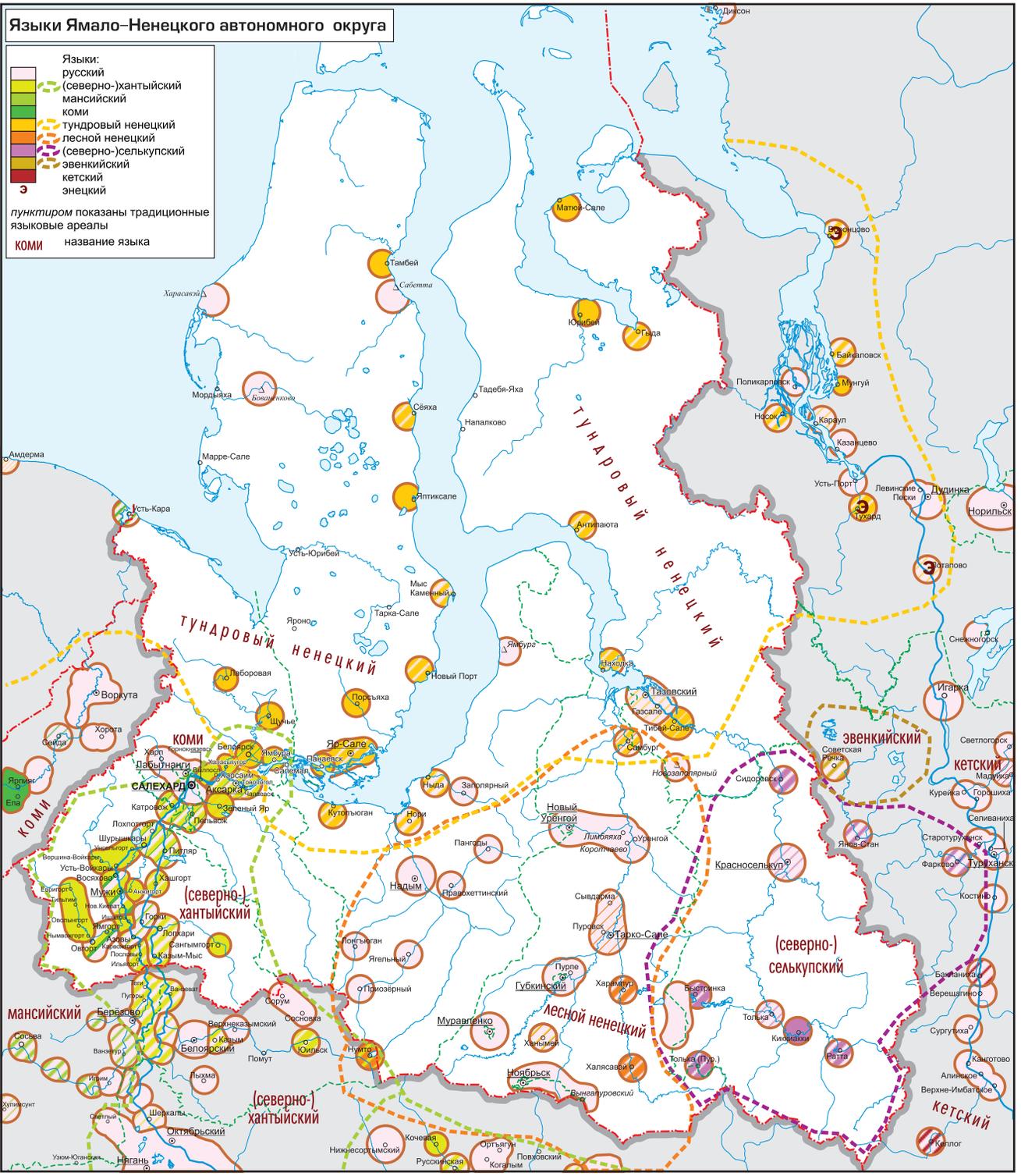
Языки Ямало-Ненецкого автономного округа

Языки:

- русский
- (северно-)хантыйский
- мансийский
- коми
- тундровый ненецкий
- лесной ненецкий
- (северно-)селькупский
- эвенкийский
- кетский
- энецкий

пунктиром показаны традиционные языковые ареалы

КОМИ название языка

этно-локальных групп ненцев Тазовского и Ямальского районов, чего нельзя сказать о группах ненцев Приуральского и Надымского районов. Подавляющее большинство ненцев Ямало-Ненецкого АО (92,7 %) владеет русским языком, а для некоторых это единственный язык повседневного общения. Русский язык занимает доминирующее положение во всех регулируемых коммуникативных сферах, а в смешанных семьях также и в семейно-бытовой сфере. При стабильности общего количества носителей ненецкого языка, демонстрируемом последними переписями благодаря росту этнической группы, снижается доля владеющих ненецким языком в общей численности этноса. Хотя данные социолингвистических опросов свидетельствуют о позитивном отношении тундровых ненцев к своему этническому языку, на деле многие родители предпочитают говорить со своими детьми на русском языке, считая его более важным, открывающим путь к образованию и карьере.

В Пуровском р-не Ямало-Ненецкого АО проживает большая часть лесных ненцев Российской Федерации (г. Тарко-Сале, Вынгапуровская тундра, д. Харампур, с. Халясавэй, пос. Ханымей, с. Самбург, всего около 1 300 чел.). Около 30 чел. проживают в Красноселькупском р-не [Зенько-Немчинова 2006: 4–5]. Еще приблизительно 145 чел. проживают в Надымском р-не Ямало-Ненецкого АО (сс. Ныда, Нори и Кутопьюган). По данным [Мартынова 2003; Волжанина 2007], это потомки семей лесных ненцев из Белоярского р-на Ханты-Мансийского АО – Югры и Пуровского р-на Ямало-Ненецкого АО, которые зимой перекочевывали на юг Надымского р-на и впоследствии окончательно переселились на эту территорию. Они уже почти утратили языковую и хозяйственно-культурную специфику, хотя и сохранили особое самосознание, во многом основанное на противопоставлении себя тундровым ненцам. Большинство лесных ненцев проживают в сельской местности.

Лесные ненцы расселены также на территории Ханты-Мансийского АО – Югры (с. Нумто

Белоярского р-на, с. Варьёган Нижневартовского р-на и др.). Всего, по данным этнодемографического исследования Е. В. Волжаниной [Волжанина 2007], общая численность лесных ненцев составляет около 2 000 чел. и стабильно сохраняется. Их язык представлен несколькими говорами, значительно различающимися между собой: нумтовским, аганским, пуровским [Кошкарева 2005: 15–37].

Лесные ненцы, как и тундровые, относительно хорошо, по сравнению с другими коренными малочисленными народами Ямало-Ненецкого АО, сохраняют свой язык и культуру. В Пуровском р-не лесные ненцы проживают достаточно компактно, в д. Харампур и с. Халясавэй они составляют большинство населения. Большая часть лесных ненцев продолжает вести традиционный образ жизни, более 85 % семей лесных ненцев в данном р-не – мононациональные. На данной территории ненецкий лесной язык является одним из основных средств коммуникации и степень его сохранности в целом остается относительно высокой. Среди представителей старшего поколения имеются не владеющие русским языком. Дети, родившиеся на стойбище, до поступления в интернат тоже часто не говорят по-русски. В Красноселькупском р-не Ямало-Ненецкого АО, по данным на 2002 г., только 18 человек (около 18 % от общей численности лесных и тундровых ненцев, проживавших тогда в этом р-не – 102 чел.) указали владение своим этническим языком. В Надымском р-не ненецкий лесной уже практически не используется. Подавляющее большинство проживающих там лесных ненцев говорят на ненецком тундровом и / или русском языках.

Лесной ненецкий язык – новописьменный. Письменность у лесных ненцев появилась гораздо позже, чем у близкородственных им тундровых ненцев. Это было связано как с их малочисленностью, так и с представлением о том, что они смогут пользоваться письменным языком, созданным на базе большеземельского говора ненецкого тундрового языка. Письменность для лесного ненецкого появилась только в начале 1990-х гг. Она была создана на ки-

риллической основе с учетом основных правил графики русского языка. В дополнение были введены графемы, обозначающие специфические звуки ненецкого лесного языка, и надстрочные знаки для обозначения долгих и кратких гласных. В 1994 г. вышли в свет первые букварь и школьный словарь (ок. 6 500 слов), составленные М. Я. Бармич и И. А. Вэлло [Бармич, Вэлло 1994а; Бармич, Вэлло 1994б]. Оба пособия созданы на базе пуровского говора лесного ненецкого языка. В 1997 г. было опубликовано пособие для учителей «Ненецкий поэт Юрий Вэлло» (сост. Е. А. Немысова), включающее несколько стихотворений Ю. К. Вэллы на лесном ненецком [Немысова 1997]. В 2000 г. издан словарь М. С. Приходько «Хомаку. Картинный словарь нещанского языка», ориентированный на пуровский говор [Приходько 2000]. В 2001 г. вышла книга стихов Ю. К. Вэллы «Триптихи: Три по семь» на ненецком лесном, русском и французском языках [Вэлло 2001]. В 2002 г. была опубликована книга М. С. Приходько и О. Б. Приходько «Хомани: книга о жизни лесных ненцев», куда вошел «Краткий русско-нещанский словарь» (около 1 400 слов, пуровский говор) [Приходько М. С., Приходько О. Б. 2002]. В 2003 г. издан сборник легенд и сказок лесных ненцев «Нешаң вантлјат, шотпялс: Легенды и сказки лесных ненцев», собранных известной сказительницей, знатоком ненецкого фольклора П. Г. Турутиной, включающий 37 текстов на пуровском говоре с переводами на русский язык [Турутина 2003]. В 2003–2008 гг. около 30 текстов на лесном ненецком (аганский, пуровский и нумтовский говоры), записанных в практической орфографии, публиковались в сборниках «Языки коренных народов Сибири», издаваемых Институтом филологии СО РАН (Новосибирск) [Кошкарева, Буркова, Шилова 2003; Буркова, Баркалова, Шилова 2003; Буркова 2004]. В 2004 г. издана книга Ю. К. Вэллы «Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу», в которой ряд текстов на русском языке сопровождается переводами на ненецкий лесной [Вэлло 2004].

В 2007 г. был опубликован сборник фольклорных и бытовых рассказов аганских ненцев [Кошкарева, Буркова, Шилова 2007]. Образцы текстов на лесном ненецком приводятся также в монографии [Кошкарева 2005] и статье [Буркова 2008]. В 2016 г. вышел сборник фольклорных текстов Александра и Аллы Логаны «Сказки Татвы» на аганском и нумтовском говорах [Сказки Татвы 2016].

Как язык обучения ненецкий лесной используется очень ограниченно, только как вспомогательное средство в подготовительном и первом классах начальной школы, в том случае, если в классе есть дети, не владеющие или плохо владеющие русским языком.

В Пуровском р-не Ямало-Ненецкого АО ученики 1–9-х классов изучают лесной ненецкий в качестве предмета в школе-интернате г. Тарко-Сале, в школе-интернате д. Харампур и школе-интернате с. Халясавэй. Количество учебных часов в неделю в начальной школе 1–3, в средней школе – 1.

Телевещание на лесном ненецком ведется в Пуровском р-не Ямало-Ненецкого АО Пуровской ТРК «Луч» (г. Тарко-Сале). Телевизионные сюжеты на ненецком лесном выходят с 1991 г., в 1993 г. они были объединены в информационную программу «Хаер» («Солнце»), которая в настоящее время выходит 1 раз в месяц, время вещания – 20 мин.

Основные сферы функционирования лесного ненецкого языка – семейно-бытовая и сфера традиционного хозяйства. Однако даже при относительной сохранности внутрисемейной передачи лесного ненецкого языка от родителей к детям на территории Ямало-Ненецкого АО у молодежи наблюдается выраженная тенденция использования русского языка в разговоре со сверстниками. Впоследствии это может повлечь за собой приостановку передачи языка детям, чьи будущие родители сегодня переходят с ненецкого на русский.

Хантыйский язык

На территории Ямало-Ненецкого АО функционируют в основном шурышкарский и приураль-

ский (обдорский) диалекты хантыйского языка. Сохранность этих диалектов лучше, чем диалектов в других этно-локальных группах хантов, в частности, чем диалектов, распространенных на территории Ханты-Мансийского АО – Югры. Процент владеющих этническим языком у хантов Ямало-Ненецкого АО даже немного выше, чем у ненцев, проживающих на данной территории (56,5 % против 55,1 %). Традиционные занятия ямальских хантов – оленеводство, рыболовство, охота. Передача языка от родителей к детям сохраняется, прежде всего, в семьях, живущих на стойбищах.

Хантыйский язык – младописьменный. В разное время письменность создавалась на разных хантыйских диалектах. В начале XX в. в миссионерской школе для инородцев о. Иринарха (И. С. Шемановского) использовался букварь на обдорском диалекте (прежнее название ямальских диалектов хантыйского языка). В настоящее время ямальский стандарт хантыйского языка базируется на шурышкарском диалекте. Именно этот диалект преподается в отдельных детских садах Шурышкарского р-на, в начальной и средней школе, а также в Ямальском многопрофильном колледже.

На шурышкарском диалекте издаются школьные учебники, учебные словари, художественная литература.

В газете «Лух Авт» («Священный мыс»), выходящей в Салехарде, материалы на хантыйском языке публикуются также преимущественно на шурышкарском диалекте, однако язык газетной публикации часто зависит от родного диалекта журналиста, поэтому в газете встречаются статьи и на приуральском диалекте. В Салехарде ведутся теле- и радиопередачи на хантыйском языке. Письменность на хантыйском языке развивается на четырех диалектах, в том числе на шурышкарском и приуральском. Однако в разных печатных источниках используются разные графические и орфографические традиции, что препятствует стабилизации нормы (подробнее об истории становления хантыйской письменности и ее современном состоянии см. в [Кошкарева 2013]).

Хантыйский язык используется, прежде всего, как язык семейного общения и общения в рамках традиционной хозяйственной деятельности. Для шурышкарского диалекта, рассматриваемого как хантыйский стандарт на территории Ямало-Ненецкого АО, наблюдается некоторое расширение функций (использование в художественной литературе, в прессе, на радио, телевидении). Однако объем функционирования всех диалектов на территории Ямало-Ненецкого АО, в том числе и шурышкарского, постоянно уменьшается в самой важной для сохранения языка сфере – семейно-бытовой.

Селькупский язык

На юго-востоке Ямало-Ненецкого АО на территории Красноселькупского и Пуровского районов живет группа селькупов, которых называют северными. Кроме Ямало-Ненецкого АО, небольшая группа северных селькупов живет также в граничащем с Ямало-Ненецким АО с востока Туруханском районе Красноярского края. До 1944 г. большая часть территории проживания северных селькупов относилась к Туруханскому району. В 1944 г. на западе Туруханского района была образована новая административная единица – Красноселькупский район, территория которого была передана в Тюменскую область и вошла в состав Ямало-Ненецкого АО. Селькупы Пуровского района оказались в Ямало-Ненецком АО еще позже, в 1957 г., когда к Пуровскому району была присоединена территория Толькинского сельского Совета, до того времени бывшая в составе Ларьякского района Ханты-Мансийского АО. В бассейн Верхнего и Среднего Таза селькупы пришли с территории Томской области в XVII в. Завоевав себе в сражениях с жившими в то время по Тазу лесными энцами новую родину, селькупы освоили верхнее и среднее течение Таза, расселились по его притокам и вышли на Турухан. В отличие от Томской области, где сегодня от всего прошлого многообразие селькупских диалектов осталось лишь три,

у которых имеются хотя бы пассивные носители, северные селькупские говоры имеют, по нашим оценкам, около 600 носителей, и большая их часть проживает на территории Ямало-Ненецкого АО. Приводимое в данных переписи 2010 г. количество селькупов, владеющих своим этническим языком (825 чел.), представляется несколько завышенным.

Соседями северных селькупов на западе являются лесные ненцы, на севере – тундровые ненцы, на востоке – кеты и эвенки, на юге – ханты. На всей территории своего расселения северные селькупы контактируют с русскими и представителями других народов – выходцев из европейской части России и ближнего зарубежья.

По своему традиционному хозяйству, обычаям и многим элементам культуры селькупы особенно близки двум соседним народам – хантам и кетам. Из-за этой близости все три народа, говорящие на очень разных языках, были долгое время известны под одним общим названием – остяки.

Письменность для северных селькупов была разработана в начале 1930-х гг. в рамках создания алфавитов для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на латинской графической основе с ориентацией на среднетазовский говор северного (тазовско-туруханского) наречия; началось издание учебной литературы и обучение селькупских детей в школе на родном языке. В 1937 г. селькупское письмо было спешно переведено на русскую графику. Это децентрализовало и селькупскую письменность, и школьное обучение на селькупском языке. Постепенно из средства обучения язык превратился в предмет, а в середине 1950-х гг. был и вовсе изъят из школьной программы. Одновременно прекратилось издание на нем учебной литературы. С начала 1980-х гг. предпринимается новая попытка сделать селькупский язык письменным. Новый алфавит, разработанный на кириллической основе с ориентацией на верхнетазовский говор северного наречия, за прошедшие три десятилетия подвергся некоторой модификации в сторону более адекватного отражения фонемного состава базового гово-

ра. Основной сферой использования селькупской письменности является образование. За пределами школы и вуза селькупская письменность применяется ограниченно.

В качестве языка обучения верхнетазовский говор северного наречия селькупского языка используется на уроках родного (селькупского) языка в школах Красноселькупского и Пуровского районов.

Верхнетазовский говор преподается в качестве предмета в одной городской (Тарко-Салинская школа-интернат) и в двух сельских школах Ямало-Ненецкого АО (Толькинская школа-интернат и Раттовская основная школа Красноселькупского района). В Тольке, Ратте и Тарко-Сале занятия по селькупскому языку ведутся с 1-го по 9-й классы по 2 часа в неделю. В средней общеобразовательной школе «Радуга» в пос. Красноселькуп селькупский преподавался в 2014–2015 гг. в качестве внеурочной деятельности в 1-м и 2-м классах (1 час в неделю), в настоящее время не преподается совсем. За пределами Ямало-Ненецкого АО селькупский преподается со 2-го по 4-й класс в средней школе с. Фарково (Туруханский район). С сожалением приходится констатировать низкую эффективность преподавания селькупского языка и в школах Ямало-Ненецкого АО, и в фарковской школе. Селькупский язык sporadически преподается в качестве предмета в Ямальском многопрофильном колледже (г. Салехард).

В 1930-е гг. на среднетазовском говоре селькупского языка были изданы учебники для 1-го и 2-го классов начальной школы: букварь, книги для чтения в 1-м и 2-м классах, арифметика для 1-го и 2-го классов. После перевода селькупского алфавита на кириллическую основу было издано два селькупских букваря (1940 и 1953 гг.). Все эти учебники переводились на селькупский язык с единых русскоязычных учебников для северной школы Е. Д. Прокофьевой. После длительного перерыва издание школьных учебников селькупского языка возобновилось только в 1980-е гг. С тех пор был издан полный комплект учебников и книг для чтения для начальной школы, а также

грамматические таблицы по селькупским существительным (А. И. Гашилов) и три учебных словаря – селькупско-русский и русско-селькупский (С. И. Ириков), картинный и тематический (А. И. Гашилов). Авторами школьных учебников последних десятилетий являются представители селькупской интеллигенции.

Кроме того, опубликован учебник селькупского языка для высших учебных заведений, базирующийся на среднетазовском говоре северного наречия [Кузнецова и др. 2002]. Это был первый вузовский учебник языка коренного малочисленного народа Севера.

Помимо учебников, литература на селькупском языке почти не издавалась. Исключение составляют два песенных текста на среднетазовском говоре, опубликованные в сборнике [Северные россыпи 1962], и сборник селькупских песенных текстов на верхнетазовском говоре [Сборник песен 1999]. Существуют публикации северного селькупского фольклора (первые записи были сделаны еще в XIX в. М. А. Кастреном). В последние годы появились переводы с русского на селькупский текстов, не связанных с учебным процессом (все учебники 1930–1980-х гг. были селькупскими переводами русского текста соответствующих стандартных учебников для северной школы): это переводы селькупских фольклорных текстов, ранее записанных по-русски, в Красноселькупской районной газете «Северный край». Удивительный результат дал перевод на селькупский язык текстов законов [Устав 2008; Федеральные законы 2008].

В истории селькупского языка зафиксированы попытки использования его в прессе. В Красноселькупе в районной газете «Северный край» трижды (в 1992, 2012 и 2013 гг.) выходили страницы на селькупском языке. В 2013 г. в редакции газеты обсуждался вопрос о продолжении издания селькупской страницы с периодичностью один раз в квартал, однако пока, насколько нам известно, дальше обсуждения дело не пошло.

Селькупские радиопередачи начались в 1986 г. на Салехардском окружном радио: в эфир они

выходили дважды в неделю по 15 мин. С 1988 г. селькупское вещание из Салехарда прекратилось. В течение восьми лет (1988–1996 гг.) селькупские радиопередачи готовились и проводились в студии райцентра Красноселькупского района пос. Красноселькуп. Передачи могли слышать только жители этого поселка, на район они не транслировались. Велись передачи по-прежнему дважды в неделю по 15 мин. В 1996 г. красноселькупская радиостудия была закрыта, а в начале 1998 г. было возобновлено селькупское радиовещание из Салехарда, продолжающееся и по сей день. Среди селькупских программ есть уроки селькупского языка. В начале 2000-х гг. телерадиокомпания «Луч» Пуровского района еженедельно давала в эфир 15 мин. селькупского вещания. Впоследствии селькупское вещание в Пуровском районе прекратилось. Зато телекомпания «Альянс» (пос. Красноселькуп) вот уже почти 20 лет дважды в месяц транслирует передачи на селькупском языке (актуальные репортажи, история и культура селькупов и пр.).

На селькупском языке ставились небольшие любительские спектакли на фольклорные сюжеты.

Селькупский язык звучит в ряде документальных фильмов, снятых этнографами и лингвистами, иногда в качестве побочного продукта их основной деятельности (см., например, фильм «Туруханский край: люди и их языки» (1999 г.) на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»).

У северных селькупов Ямало-Ненецкого АО ситуация в целом существенно лучше, причем не только по сравнению с селькупцами Томской области, но и по сравнению с туруханскими и елогуйскими селькупцами, также входящими в северную группу. При этом в разных этно-локальных группах селькупов на Ямале ситуация также неоднородна. Младшим носителям среднетазовского говора (Красноселькуп, Сидоровск) за 40; говор ограниченно используется в семейно-бытовом и дружеском общении, а также в качестве тайного языка представителями старшего поколения. Четыре северных говора – верхнетазовский (Ратта), нижнетолькинский (Толька Красноселькупско-

го р-на), верхнетолькинский (Толька Пуровского р-на) и быстринский (фактория Быстринка) в отдельных немногочисленных семьях, большую часть времени проводящих на стойбищах, еще передаются естественным образом внутри семьи от родителей к детям. Эти говоры функционируют в семейно-бытовом и дружеском общении, в сфере традиционного хозяйства (охота, рыбная ловля, оленеводство) и как тайный язык в ситуации, когда хотят скрыть содержание разговора от «непосвященных». Владеющие этими говорами есть во всех поколениях (в старших больше, среди молодежи меньше). Дети, знающие этнический язык, используют его редко, только в разговоре со старшими, предпочитая между собой говорить по-русски. Отслеживая динамику развития языковой ситуации у северных селькупов на протяжении последних 30 лет, мы наблюдаем общую тенденцию сокращения количества владеющих северными говорами и объема функционирования селькупского языка в целом. Несмотря на то, что формально количество сфер функционирования селькупского языка на севере увеличивается и теперь включает даже сферу законодательства, в семейно-бытовой сфере язык сдает свои позиции: все меньше детей усваивает селькупский естественным путем в семье от своих родителей, все больше молодежи переходит на русский язык. Русский язык сегодня доминирует повсеместно, включая большинство селькупских стойбищ, и во всех коммуникативных сферах. Сохранение селькупского языка у северных селькупов пока еще возможно, но это требует специальных усилий и от членов этно-локальных групп, и от администраций поселков, и от лингвистов.

Коми-ижемцы

Коми, проживающие на территории Ямало-Ненецкого АО, являются носителями ижемского диалекта. Согласно традиционной точке зрения, переселение групп коми-ижемцев за Урал произошло в основном в середине XIX в. [Сахарова, Сельков 1976: 4; Повод 2004: 14] и в

первую очередь затронуло западные районы Ямало-Ненецкого АО и Ханты-Мансийского АО – Югры. По данным [Повод 2004: 5], несколько позже, в конце XIX – начале XX в., происходило дальнейшее расселение коми-ижемцев по территории Западной Сибири – в Надымском районе Ямало-Ненецкого АО и в районе р. Казым в Ханты-Мансийском АО – Югре. В 1930-х гг. группа коми-ижемцев была переселена еще восточнее – в Пуровский район Ямало-Ненецкого АО. В настоящее время потомки этих переселенцев проживают в с. Самбург и окрестной тундре.

По данным переписи населения 2010 г., на территории Ямало-Ненецкого АО проживают около 5 000 коми, из них владеют родным языком около 2 000 человек. Согласно нашим полевым данным, ямальские коми пользуются ижемским диалектом и практически (за исключением единичных представителей интеллигенции) не владеют литературным коми языком. Кроме того, носители зауральских говоров по-разному трактуют самоназвание их языка и народа. На родном языке самоназвание звучит как *изъватас* (аналогично обозначается и сам родной язык). В русской же речи некоторые из носителей называют себя «коми», а свой родной язык – «коми языком». Другие считают себя «зырянами» (и говорят, соответственно, на «зырянском языке»), третьи – «ижемцами / изъватас» (и говорят на «языке изъватас»). С исторической и лингвистической точек зрения все эти наименования корректны, поэтому в настоящем издании мы не претендуем на окончательное утверждение какого-либо из них.

Коми-ижемские говоры Ямало-Ненецкого АО претерпевают интенсивное воздействие со стороны русского языка, что сказывается на их сохранности. Если представители старшего поколения коми-ижемцев владеют родным языком достаточно хорошо, то у представителей среднего поколения сохранность языка уже сильно варьирует. Большинство носителей языка, от которых можно получить надежную информацию, родились в 1950–1960-е гг. или раньше. Отдельные исключения наблюдаются

ся в оленеводческой среде, однако оленеводство у зауральских коми сохраняется не очень хорошо. В настоящее время имеются две оленеводческие бригады с участием коми-ижемцев в самбургской тундре; кроме того, коми-ижемские оленеводы есть в районе Салехарда (с представителями второй из названных групп работа пока не проводилась). В Шурышкарском районе коми-ижемцы в настоящее время оленеводством не занимаются, а в Приуральском районе (помимо упомянутых салехардских оленеводов) занимаются, по нашим сведениям, только отдельные семьи. Кроме того, несколько лучшая сохранность языка наблюдается в тех семьях, где живы люди преклонного возраста, предпочитающие повседневно общаться на коми.

Младшее поколение зауральских ижемцев практически не владеет коми языком; исключения из этого крайне редки и в основном встречаются в среде оленеводов. Детям в абсолютном большинстве семей родной язык не передается (так, в с. Белоярск, где в среднем и старшем поколениях сохранность языка хорошая, нам известны только две семьи, где с детьми продолжают говорить на коми).

Степень владения ижемским коми неодинакова в разных обследованных нами населенных пунктах. Выше всего она в местах проживания больших групп коми-ижемцев на узко локализованной территории – такова ситуация, в частности, в селах Мужи, Восяхово (Шурышкарский р-н) и Белоярск (Приуральский р-н). В селах Шурышкары и Овгорт (Шурышкарский р-н) средний уровень владения коми языком несколько хуже, поскольку в этих местах сравнительно небольшие группы коми-ижемцев оказались в доминантном хантыйском окружении. В с. Самбург (Пуровский р-н) ситуация примечательна своей полярностью. С одной стороны, там проживают выходцы из оленеводческих семей, у которых и по сей день есть родственники-оленеводы, и они владеют родным языком очень хорошо. С другой стороны, у поселковых жителей, не поддерживающих тесный контакт с оленеводами, уровень сохранности языка существенно ниже.

Носители коми-ижемских говоров контактируют с хантами и ненцами. Встречаются смешанные браки между представителями разных наций. В районе Самбурга имеется также смешанная коми-ненецкая оленеводческая бригада. Языком межнационального общения в смешанных семьях оказывается, как правило, русский. Отдельные исключения есть в районе Самбурга. Кроме того, действующие и бывшие коми оленеводы из существующей там смешанной бригады владеют также ненецким языком. В прежние времена многоязычие среди зауральских коми-ижемцев было распространено более широко. Многие наши информанты среднего и старшего поколений указывают на то, что их родители владели не только коми, но и ненецким и / или хантыйским, а некоторые даже и финским (в связи с тем, что в Зауралье проживало много репрессированных в годы Второй мировой войны финнов).

В обследованных населенных пунктах нам встретилось несколько носителей коми языка, переехавших в Ямало-Ненецкий АО из Республики Коми. В основном это носители европейских говоров ижемского диалекта, которые понятны и зауральским коми, поэтому они продолжают пользоваться коми языком и в новом ареале проживания – на территории Ямало-Ненецкого АО. Бывают, однако, и более сложные ситуации: так, в одной из семей в с. Белоярск, где муж – местный житель, а жена – приезжая из Республики Коми, основным языком домашнего общения оказывается русский в силу больших различий между родными говорами сугругов.

В учебных заведениях Ямало-Ненецкого АО коми язык практически не преподается: в 2012 г. в школе с. Восяхово на изучение коми языка отводился всего 1 урок в неделю, в школе с. Белоярск он велся только в рамках факультативного кружка, а в школе с. Мужи не преподавался вовсе. Иногда занятия организуются в детских садах, при этом дома большинство детей родной язык не осваивает. В 1990-е гг. объем преподавания был несколько больше, но этот процесс затрудняется нехваткой учебно-методической литературы на ижемском

диалекте. Имеются отдельные учебные пособия для начальной школы, в частности написанные Н. Д. Рочевой, но для старших классов таких пособий уже нет, и приходится пользоваться изданиями на литературном коми языке, существенно отличающемся от ижемского диалекта.

Использование коми языка в ямальских СМИ крайне ограничено: телерадиокомпания «Ямал-Регион» выпускает на ижемском диалекте коми языка 1 телепередачу и 2 радиопередачи в неделю (программы последних лет доступны также на официальном сайте телерадиокомпании). Среди жителей поселков эти программы довольно популярны (при этом, однако, телепередача выходит в рабочее время и потому не всем доступна). Имеется также страничка на коми языке в газете «Северная панорама», издаваемой в с. Мужы. Она ведется на ижемском диалекте с элементами литературной орфографии.

В Ямало-Ненецком АО имеются самостоятельные коллективы, исполняющие коми фольклорные произведения. Вместе с тем некоторые из них в последние годы участвуют в массовых мероприятиях менее активно в силу пожилого возраста участников (такова ситуация, например, с коллективом в с. Мужы). Есть и детские коллективы (например, в с. Самбург), где подрастающему поколению стараются привить любовь к коми языку и культуре, однако, к сожалению, абсолютное большинство детей в таких коллективах не владеет коми языком как языком повседневного общения. Основу репертуара составляют литературные коми песни, переделанные на ижемский диалект (ср. повсеместно исполняемую в Ямало-Ненецком АО песню «Объ ю дорын...» – «У Оби-реки...»), которая является переложением литературной песни «Висер вожын...» – «У Вишеры...»). Помимо этого, исполняются переводы песен с русского языка, песни и другие произведения собственного сочинения участни-

ков фольклорных коллективов, а также сольных исполнителей. Традиция ижмо-колвинского эпоса современными жителями Ямало-Ненецкого АО забыта.

Предпринимаются и другие попытки сохранения культуры коми-ижмцев: так, в с. Мужы много лет действует историко-этнографический музей «Коми изба», имеющий постоянную экспозицию и периодически организующий массовые мероприятия. Однако масштаб воздействия русского языка на ижемские говоры Ямало-Ненецкого АО, а также отрыв от основного массива коми языковой среды оказываются слишком велики, чтобы подобная культурно-просветительская деятельность могла коренным образом изменить ситуацию с сохранностью языка.

* * *

Практически во всех этно-локальных группах ненцев, хантов, селькупов и коми-ижмцев на территории Ямало-Ненецкого АО развивается процесс языкового сдвига – постепенного перехода членов этих групп со своего этнического языка на русский. Для замедления этого процесса необходимы меры поддержки исчезающих языков, которые, наряду с русским языком, составляют важную часть нашего национального достояния.

Правительство Ямало-Ненецкого АО финансирует проекты, направленные на исследование и поддержку языков коренных малочисленных народов округа. Среди подобных проектов можно назвать подготовку диалектологических словарей, издание фольклорных произведений, перевод на языки коренных малочисленных народов Основного закона Ямало-Ненецкого АО и законов Российской Федерации, касающихся коренных малочисленных народов Российской Федерации, и мн. др.

НАЗВАНИЯ НАРОДНОСТЕЙ

НЕНЕЦ, СЕЛЬКУП, ХАНТЫ, КОМИ-ЗЫРЯНИН, РУССКИЙ

В данном разделе рассматриваются способы номинации своей и чужих этнических групп у уральских народов Ямало-Ненецкого АО.

Самоназвание

Во всех самоназваниях присутствует корень (либо аффикс) со значением ‘человек’ или ‘мужчина’ (там, где эти лексемы не совпадают). Члены своей этно-локальной группы – это всегда *люди* (мужчины). Иногда только эта лексема и составляет самоназвание, как, например, ненецк. *ненэчь' / ненэть'* (мн. ч. *ненэчя" / ненэтя"*) ‘ненец’ (букв.: человек; повсеместно); *хасава* (мн. ч. *хасава"*) ‘ненец’ (букв.: мужчина; с. Сёяха); хант. *хянты* ‘ханты’ (букв.: человек; западные диалекты).

Возможны также дополнительные характеристики, и первая из них, весьма распространенная в разных регионах мира и на разных континентах, – это эпитет со значением ‘настоящий’:

ненецк. *ненэй ненэчь'* (мн. ч. *ненэй ненэчя"*) ‘ненец’ (букв.: настоящий человек);

хант. (восточные диалекты) *бянтэу ёо* ‘ханты’ (букв.: настоящий человек).

В качестве дополнительной характеристики может выступать среда обитания:

сельк. *шоль зуп* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *шой зуп* (Красноселькупская Толька, Киккиакки), *сой зум* (Ратта, Пуровская Толька) ‘селькуп’ (букв.: лесной человек);

коми-ижемск. *изьватас* ‘коми-ижемец’ (*Изьва* ‘р. Ижма’ + *-тас* ‘суффикс, обозначающий жителя определенной местности’).

Для обозначения близких по языку и по культуре групп используются те же слова с общим значением ‘человек; люди’, но обязательно с дополнительными характеристиками, указывающими на среду обитания:

ненецк. тундр. *ня' хасава"* ‘лесные ненцы’ (букв.: лесные люди), *няд' хасава" / пяхад' хасава"* ‘лесные ненцы’ (букв.: люди из леса);

сельк. (Верхняя Толька) *тёсьый хумын* ‘тазовские селькупы, селькупы, живущие на р. Таз’ (букв.: тазовские люди); *тёсы-й зумы-т/н* – Таз-ADJ человек-PL).

В описательных обозначениях возможно также указание на объект промысла группы людей:

сельк. (Таз) *лаңаль зуп / лаңаль зум / лаңай зум* ‘верхнетолькинский селькуп, ханты’ (букв.: языевый человек; *лаңа-ль/й зуп/зум* – язык-ADJ человек).

Последний пример отражает восприятие иной этно-локальной группы своего народа как инородцев, с которыми эта группа контактирует. Основания для такой идентификации можно найти в истории: среди верхнетолькинских селькупов много потомков ваховских хантов, которые еще в конце XIX в. пришли в бассейн Верхнего Таза (на приток Таза речку Тольку и в район Чертовых озер), породнились с тамошними селькупками и перешли на селькупский язык.

Еще один способ наименования близких этно-локальных групп – звукоподражательный. В названии членов группы имитируется, передразнивается их манера произносить определенные звуки, отличная от способа называющих:

сельк. (Средний Таз, Красноселькупская Толька) *сёсма* ‘селькупы Верхнего Таза’ (букв.: сёкающие);

сельк. (Ратта) *шёшма* ‘селькупы Среднего Таза и Красноселькупской Тольки’ (букв.: шекающие).

Названия демонстрируют различие в произношении переднеязычного щелевого согласного в селькупских этно-локальных группах Среднего и Верхнего Таза: [с] на Верхнем и [ш] на Среднем Тазе и в Красноселькупской Тольке.

Способы наименования представителей других народностей («чужих»)

Далекие или враждебные народы ‘людьми’ обычно не называют. Они прежде всего ‘чужаки’: ненецк. *хаби* (мн. ч. *хаби*"') ‘хант, иноплеменник’.

Для различения чужаков возможно определение по среде обитания (месту жительства):

ненецк. *Тасу' хаби*"' ‘селькупы’ (букв.: тазовские ханты, т. е. иноплеменники, живущие на реке Таз);

ненецк. *Сыя' хаби*"' ‘ханты’ (букв.: сынские ханты, т. е. иноплеменники, живущие на реке Сыня).

Интересен коми-ижемский пример наименования чужака с помощью заимствованной из русского языка лексемы:

коми-ижемск. *инька* ‘ненка, хантыйка, инородка’ (возможно, производное от *инь* ‘самка’, см. [КСК I: 591], но не исключена и связь с русск. *иной*), обозначающее представительницу ненецкого либо хантынского народа (в зависимости от того, кто из них более распространен в конкретном районе проживания коми-зырян). Лексема *инька* имеет скорее нейтральную окраску, хотя некоторые носители мужевского говора оценивают ее как грубую. В [КСК I: 591] для ижемского диалекта (и только для него) тоже отмечены употребления слова *инька* в значении ‘инородка’.

Интересно, что обозначение ‘русского’, по крайней мере в трех из четырех уральских языков Ямало-Ненецкого АО, тоже возводится к ‘чужому’:

сельк. *руш* ‘русский’ < хант. *рүщ* ‘русский’ < коми-ижемск. *роч* ‘русский’. Согласно [Лыткин, Гуляев 1970: 243], слово имеет пермскую праформу и в пермском языке-основе могло обозначать ‘прибывшего из других краев, чужеземца’. Там же утверждается заимствование в прапермский из прибалтийско-финских языков, где источник заимствования обозначал жителей Скандинавии (ср. фин. *ruotsi* ‘швед’).

В ненецком возможно также заимствование из коми или прямое заимствование из русского:

ненецк. *луса* ‘русский’ (мн. ч. *луса*"'); фонетический вариант *луца* (мн. ч. *луца*"'), по-видимому, под влиянием большеземельского говора).

Использование заимствований – распространенный способ именования инородцев:

коми-ижемск. *яран* ‘ненцы’ < хант. *йбрэн* ‘ненцы’. В [Лыткин, Гуляев 1970: 337] указывается более широкий источник заимствования – из обско-угорских языков (в [Аникин 2000: 717] вероятным обско-угорским источникам заимствования приписывается значение ‘самоед’ без дальнейшей этимологизации);

коми-ижемск. *осьтяк* ‘ханты’ < русск. *остяк* ‘ханты, селькуп, кет’. В [Аникин 2000: 430–432] приводятся разные версии происхождения, наиболее вероятно заимствование из тюркских языков.

В электронном словаре Е. А. Хелимского [Хелимский 2007] приводится обозначение коми-зырян (судя по форме, коми-ижемцев) *ысымоль тамтыр* / *ысыволь тамтыр* / *лысымоль тамтыр* (букв.: ижемское племя) с использованием заимствованной из коми-ижемского основы, оформленной селькупским показателем, и селькупской лексемы *тамтыр* ‘род’, ‘народ’: *ысымо* / *ысыво* / *лысымо* (< коми-ижемск) -ль *тамтыр* (Ижма-ADJ племя). Однако в наших полевых материалах ни в одном из поселков это слово ни разу не встретилось.

В хантыйском языке для именования коми-зырян используется слово *сӧран* ‘зырянин’ (историческую справку см. в [Аникин 2000: 215–216]).

Аналогично и в ненецком: слово *хаби* используется не только для названия хантов, но и по отношению к другим «чужакам».

Ненецкий

Названия народностей, зафиксированных на обследованной территории, в большинстве своем совпадают с соответствующими названиями и в других говорах тундрового ненецкого языка. Так, на всей обследованной территории, как и в других регионах проживания, основным самоназванием тундровых ненцев является словосочетание *ненэй ненэчь*' (букв.: настоящий человек; мн. ч. *ненэй ненэчя*"'). Встречается также фонетический вариант *ненэй ненэть*' (мн. ч. *ненэй ненэ-*

- К коми
- Х хантыйский
- Н ненецкий
- С селькупский

тя"). В качестве самоназвания тундровых ненцев зафиксирована и просто лексема *ненэчь' / ненэть'* (букв.: человек; мн. ч. *ненэчя" / ненэтя"*).

В с. Сёяха в качестве варианта самоназвания представлена также лексема *хасава* (букв.: мужчина; мн. ч. *хасава"*). Это согласуется с данными Е. А. Хелимского, который в качестве варианта самоназвания восточных ненцев также указывал лексему *хасава* [Хелимский 2002].

Для обозначения лесных ненцев повсеместно используется словосочетание *ня' хасава"* (букв.: лесные люди) или как варианты – *няд' хасава"*, *няхад' хасава"* (букв.: люди из леса).

Представители народности коми повсеместно обозначаются лексемой *уысма* (мн. ч. *уысма"*).

Для обозначения хантов используется лексема *хаби* (мн. ч. *хаби"*): *Хаби" яха вархана иле"* 'Ханты живут на берегу реки' (с. Сёяха).

Слово *хаби* употребляется также и в более общем значении 'иноплеменник'. Так, селькупы повсеместно обозначаются словосочетаниями *Тасу' хаби"*, *тасиняны хаби"* (букв.: иноплеменники, живущие на реке Таз) или *пэдара' хаби* (букв.: лесные иноплеменники): *Тасу' хаби" пэдарахана иле"* 'Селькупы живут в лесу' (с. Сёяха).

Исключением является говор с. Новый Порт, где в значении 'селькупы' зафиксирована лексема *санэр"* (заметим, что в словаре [Терещенко 1965: 530] слово *санэр* имеет перевод 'печорец, житель печорских селений') и выражения *пэдара' хасава"* (букв.: лесные люди) и *тасиняны' санэр"* (букв.: тазовские селькупы).

Встретилось употребление сочетания *Сыя' хаби"* (букв.: иноплеменники, живущие на реке Сыня) по отношению к манси. Это название фактически неверно, так как манси проживают по рекам Сосьва, Пелым, Лозьва и др., преимущественно на территории Ханты-Мансийского АО – Югры. Возможно, малознакомый народ манси отождествляется с другими иноплеменниками – сынскими хантами, которые в основном и проживают по р. Сыне.

Эвенки повсеместно обозначаются лексемой *тууго"* (мн. ч. *туугос"*). Название энцев – *мандо*

(мн. ч. *мандо"*). В самом энецком языке *мандо* (или *мадду*) – название одного из энецких родов, проживающих по нижнему течению Енисея [Прокофьев 1940]. Русские обозначаются лексемой *луса* (мн. ч. *луса"*) с фонетическим вариантом, используемым, по-видимому, под влиянием большеземельского говора *луца* (мн. ч. *луца"*). Повсеместно также фиксируется лексема *хэдян* (мн. ч. *хэдян"*) для обозначения татар.

Селькупский

Для северных селькупов актуальны названия народов, с которыми они контактируют или контактировали в прошлом: ненцев (энцев), хантов, русских, кетов, эвенков.

В текстах, особенно фольклорных, наиболее частотно название ненцев. Если принять, что за героическими легендами стоит реальная история, то в селькупских легендах о войнах на Верхнем и Среднем Тазе в период завоевания селькупам своей новой северной родины речь идет не о ненцах, а об энцах, поскольку именно они жили на этой территории к моменту прихода туда в XVII в. селькупов. Ненец (энец) по-селькупски называется *жэлык* на Среднем Тазе (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск) или *хэлыу* (с утратой смычки начальным согласным) на Верхнем Тазе (Ратта) и Верхней Тольке (Пуровская Толька). В Красноселькупской Тольке, Быстринке и Кикиакках встречаются оба варианта. Существительное входит в одно словообразовательное гнездо с глаголом *жэлы-мпы-жо* 'ходить' (ходить-DUR-INF). По сути, селькупы называют ненцев *бродягами*. В фольклорных текстах ненцы (энцы) – стандартные враги селькупов. Они коварны, нападают неожиданно, склоняют жену селькупского богатыря к измене и с ее помощью лишают богатыря его природной силы. Но селькупская добродетель всегда торжествует, враги оказываются повержены, а жену-изменницу настигает мщение обманутого мужа. Еще один фольклорный сюжет объясняет, почему ненцы живут богаче, чем селькупы. Это история о

- К** коми
- Х** хантыйский
- Н** ненецкий
- С** селькупский

перетягивании оленьей суставной косточки. В соревновании побеждает ненец, после чего забирает себе большую часть оленей, до того бывших в общем селькупско-ненецком пользовании, а селькуп остается малооленным.

Ханты по-селькупски называется *лауаль зуп* в среднетазовских говорах (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *лауай хум* в верхнетазовских и верхнетолькинских говорах (Ратта, Киккиакки, Толька Пуровская, Быстринка, Толька Красноселькупская); в Красноселькупской Тольке наряду с *лауай хум* используется также вариант *лауай зум лауа-ль/й зуп / зум / хум* (язь-ADJ человек; букв. ханты – это ‘язевый человек’).

Кетов на Тазе и Турухане называют *з̄оннык*. В отличие от ненцев (энцев), в селькупском фольклоре (как, впрочем, и в реальной жизни) кеты всегда дружелюбные соседи селькупов и их брачные партнеры.

В среднетазовских, верхнетазовских и верхнетолькинских говорах эвенков называют *пэмпак / пэмпау* или *помпак / помпау*, в туруханских говорах используется название *туукус*.

Русских повсеместно называют *руш* или *рушьель зуп* (Средний Таз), *рушьый зум / хум* (Верхний Таз и Пуровская Толька).

Самоназвание северных селькупов по говорам имеет только фонетические варианты: *шоль зуп* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *шой зуп* (Красноселькупская Толька, Киккиакки), *сой зум* (Ратта, Пуровская Толька) ‘селькуп’. Буквально это означает ‘лесной человек’ (*шō-ль / сō-ль зуп / зум* – лес-ADJ человек). У разных групп северных селькупов существуют отдельные названия своих соседей. Так, среднетазовские селькупы зовут верхнетазовских (раттовских) селькупов *с̄б̄сма*, а верхнетазовские среднетазовских *ш̄б̄шма* – каждая из групп в названии имитирует (передразнивает) характерный способ произнесения переднеязычного щелевого согласного своими соседями. Все тазовские и туруханские селькупы называют селькупов Пуровской Тольки и Быстринки так же, как хантов, – *лауаль зуп / лауай зум* ‘ханты; верхнетолькинский селькуп’. Это совпадение названий объясняется

тем, что у верхнетолькинских селькупов издавна были очень тесные контакты с ваховскими хантами, практиковались селькупско-хантыйские браки, причем, как правило, приезжавшие с Ваха на Тольку ханты переходили на селькупский язык. Территория бассейна Верхней Тольки когда-то относилась к Ларьякскому району Ханты-Мансийского АО – Югры и была передана Ямало-Ненецкому АО только в 1957 г.

Хантыйский

Самоназвание *х̄анты* обозначает ‘человек’. Оно является общим для западных диалектов и фонетически противопоставляется звучанию этого слова в восточных диалектах – *з̄антэх зо*, где имеет то же значение ‘настоящий человек’.

Название для ненцев – *й̄бр̄ан* (с. Овгорт, ср. казымский диалект – *увэс й̄ур̄ан* ‘северные ненцы’), а также *бр̄* (с. Азовы, Мужы, Восяхово, Шурышкары, Шурышкары, Питляр).

Коми-зырян называют *с̄аран* ‘зыряне’. Специального названия для селькупов нет, иногда по отношению к ним употребляется то же слово, что и для коми-зырян, – *с̄аран* (об истории этого этнонима см. [Аникин 2000: 215–216]). В с. Шурышкары отмечено сочетание *хурэу йох* ‘люди с татуировками’ (букв.: изображение-ADJ люди). По утверждению информантов, это обозначение относится к представителям враждебных народов, предположительно селькупов, которые наносили татуировки или боевую раскраску. В с. Питляр зарегистрировано также наименование *бр̄ ут йох* (букв.: ненецкие лесные люди), вероятно противопоставляющее тундровых ненцев другим самодийцам, проживающим в лесной зоне. Однако непосредственные контакты с селькупами фактически отсутствовали, поэтому название этого народа мало известно.

Русские повсеместно называются *руш*.

Коми

Самоназванием коми-ижемцев Ямало-Ненецкого АО является лексема *изьватас* (зафиксиро-

ванная и в [КСК I: 586] для ижемского и удорского диалектов). Наименования *коми* и *зырана / зыранскöй* (последние фиксируются в [КСК I: 572]) не используются в качестве самоназвания жителями обследованных нами населенных пунктов.

Помимо этого, повсеместно известны наименования русских (*роч*), ненцев (*яран*) и ханты (*öсьтяк*). Наименования для селькупов в коми-зырянском языке не обнаружено ввиду отсутствия контактов между этими народами. Лексема *роч*, по данным [КСК II: 299], повсеместно используется в диалектах коми. Сфера распространения лексемы *яран* в коми диалектах, как следует из [КСК II: 879], достаточно широка: ее употребление фиксируется в восьми диалектах коми языка (включая ижемский). Лексема *öсьтяк*, согласно [КСК II: 28], менее распространена в коми диалектах: помимо ижемского диалекта, она фиксируется только для присыктывкарского (заметим при этом, что в словаре литературного коми языка [Лыткин (ред.) 1961] такая лексема не приводится).

С грамматической точки зрения лексемы *изьватас*, *роч*, *яран* и *öсьтяк* могут быть как вершиной именной группы, так и выступать в приименной позиции, ср. следующие примеры из говора с. Белоярск: *Миян посёлокын яранъяс да изьватасъяс олэныс* 'У нас в поселке ненцы и ижемцы живут' vs. *Ме тöда яран кыы* 'Я знаю ненецкий язык'.

Помимо упомянутых наименований, в коми-зырянских говорах встречается существительное *инька*, обозначающее представительницу ненец-

кого либо хантыйского народа (в зависимости от того, кто из них более распространен в конкретном районе проживания коми-зырян). Лексема *инька* в целом имеет скорее нейтральную окраску, хотя некоторые носители мужевского говора склонны оценивать ее как грубую. В [КСК I: 591] для ижемского диалекта (и только для него) тоже отмечены употребления слова *инька* в значении 'инородка'. Интересно, что в других диалектах существительное *инька* имеет значения 'свекровь' (верхневычегодский, вымский, нижневычегодский, удорский диалекты), 'теща' (вымский, удорский диалекты), 'девчонка, девчушка' (нижневычегодский диалект). Однако в наших материалах ни одно из этих значений у лексемы *инька* не развивается.

Обобщение материала

Таким образом, типичным для всех уральских языков на территории Ямало-Ненецкого АО является противопоставление представителей «своего» народа как «людей» представителям «чужих» народов как инородцев, «других», по отношению к которым сочетание «(настоящие) люди» не употребляется.

В каждом из исследуемых языков представлены именованья прежде всего для тех народов, с которыми имеются постоянные активные контакты. В названиях других народов могут допускаться либо неточности, либо одним и тем же словом недифференцированно обозначаются разные народы.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА

МАТЬ, ОТЕЦ, РОДИТЕЛИ, БАБУШКА, ДЕДУШКА, СЕСТРА (младшая и старшая), БРАТ (младший и старший), ДОЧЬ, СЫН, МУЖ, ЖЕНА

В данном разделе приводится терминология родства и свойства, описываются значения и особенности употребления основных терминов, обозначающих кровных и приобретенных родственников.

МАТЬ, ОТЕЦ, РОДИТЕЛИ

Ненецкий

Значение 'мать' повсеместно выражается существительным *небя*: *Небями Няды" нивџа"* 'Мама моя – Нядонги' (с. Нори). В качестве обращения используется лично-притяжательная форма 1-го л. ед. ч. *небяв* (фонетический вариант *небяв'*). Зафиксированы также уменьшительно-ласкательные формы: *мама* (сс. Яроно, Новый Порт, Панаевск, Сёяха): *Мамав то* 'Мама пришла' (с. Сёяха); *ама* (с. Гыда); *амма* (с. Антипаюта).

Для обозначения отца используется существительное *нися* (с фонетическим вариантом *нисе*). В качестве обращения зафиксирована форма *нисякэ* (с. Гыда). Имеется уменьшительно-ласкательная форма с фонетическими вариантами *наця* (с. Сёяха), *наця* (сс. Панаевск, Антипаюта, Новый Порт, Яроно, Яр-Сале) и *ачя* (с. Гыда; в данном говоре начальный [л] в некоторых словах выпадает).

Значение 'родители' передается парным словом *небя-нися*, в котором каждый компонент, как правило, оформляется показателем двойственного числа: *Нарехяна небяхяюда-нисяхяюда сельсоветанна" хэвяхэ', манихим'*: «*Не нюми' тунгос" талевы*» 'В Норях ее родители пошли в сельсовет и сказали: «Нашу дочку тунгусы украли»' (с. Нори); *Нисяхяюни-небяхяюни, мале тет-самлянг не"* 'Родители мои и еще с ними четыре-пять женщин' (с. Антипаюта).

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах 'мать' описывается существительным *амы*, обычно с по-

сесивным показателем: *āmām* 'моя мать', *āmāl* 'твоя мать', *амыты* 'его / ее мать'. Наряду с этим, повсеместно используется слово *ама* 'мама'. 'Отец' также по всем говорам передается лексемой *асы*, обычно с посесивным показателем. Гораздо чаще, чем *асы*, используется лексема *апа* 'папа'.

Понятие 'родители' в северных селькупских говорах может быть выражено несколькими способами: *амы-ль-асы-ты* (мать-ADJ-отец-POSS.3SG), *апа-льмы-жя̄ж̄и* (папа-COLL-DU), *ама-льмы-жя̄ж̄и* (мама-COLL-DU), *апа-ль-ама-льмы-жя̄ж̄и* (папа-ADJ-мама-COLL-DU). Очевидно, что там, где в модель входит посесивный аффикс, он меняется в зависимости от того, о чьих родителях идет речь.

Хантыйский

В хантыйском языке наиболее частотным является употребление слова *аңки* 'мать': сынск. *Картэң сэвэл аңкелдэн сэвса* 'Мама ей косы с украшениями заплела'; *Холдэты эвийэ аңкел вохэл* 'Плачущая девочка маму зовет'. Как и все другие термины родства, это слово регулярно оформляется лично-притяжательными суффиксами, например: *Аңк-ем* (мать-POSS.1SG.SG) *ноптэл хүв ус* 'Век моей матери был долгим'.

Это слово употребляется и для обозначения особого приобретенного родства: выражением *пүкэн аңки* (букв.: пупок мать) называется женщина, принявшая роды и обрезавшая пуповину у новорожденного.

Слово *аңки* 'мать' входит также в состав наименований других родственников по линии материи, пре-

жде всего бабушки по материнской линии – *аңқаңки*. Этот термин образован удвоением корня – «мать матери», например: сынск. *Аңқаңкем кәт рат күт шоппи һиниәл, аңкема мурхи ан шашәл* ‘Бабушка через промежуток между двумя половинами чума тянется, маме чашку с морошкой протягивает’.

В вокативной форме это слово приобретает грубый оттенок и употребляется как обращение к любой женщине: сынск. *Аңка, һаңән муй тәта вер?* ‘Женщина, что тебе надо?’ (букв.: Какое твое здесь дело?).

Другое распространенное наименование матери – *аһти* (ср. Овгорт, Шурышкары, Мужу, Азовы и др.): *Аһти, йүва, эвен холдәл, мәнәм аһт худәтәл* ‘Мама, иди сюда, дочь твоя плачет, меня не слушается’; *Аһтәм валәмәты са йәһхләм* ‘Схожу-ка проведать маму’.

Слово *аһти* входит в состав разных терминов родства, которые относятся к родственницам по линии матери: шур. *ун аһти* ‘бабушка’ (букв.: большая мама); *аһтим* ‘бабушка по матери’; *аңқаһти* ‘двоюродная сестра матери по материнской линии’: *Йырәт, акет, аңқаһтет, имайәт ун һаһән һаһты пүтсәт* ‘Дяди и тети громким смехом смеяться стали’.

Имеются также и другие, более ласковые наименования матери:

ома ‘мама’: сынск. *Омайен хәта уд?* ‘Мама где находится?’; усть-собск. *Täta täm тийәна еһәтәл ра әмәл рилна, әмәлна еһәтәт ра* ‘Здесь он рос на этой земле с матерью, мать его растила’ [Николаева 1995: 233];

оми ‘мама’: шур. *Оми эвед дәһкәрәл әлты йәдәмәслы* ‘Мама обняла дочку за плечи’.

В детском языке имеются слова *амма* и *аммә* ‘мама’, которые употребляются при обращении маленького ребенка к матери.

С грубым именованием матери связано также слово *әс* ‘самка; *груб.* мать; родительница’, ср. также сынск. *әсәң* ‘имеющий мать’. Оно употребляется в составе ругательства *ийдәп-әсдәп әт* ‘без роду, без племени некто’ (букв.: без отца, без матери вещь), а также в составе парного слова *ийвды-әсды* ‘сирота’ (букв.: без отца, без матери): *Йивды-әсды эвед дов тәйәл* ‘У сиротки есть лошадь’ шур. (букв.: без отца, без матери девушка лошадь имеет).

Эта лексема является компонентом терминов родства, обозначающих двоюродных родственников по материнской линии: сынск. *әспәх* ‘двоюродный брат по матери, сын тети’, *әсәви* ‘двоюродная сестра по матери, дочь тети’.

Общим термином для обозначения отца является *аһци*: сынск. *Аһцем камән верантәл* ‘Отец на улице мастерит’; *Аһтелә па аһцәл йасәңдын аһт әдләт, туп әл нумәсәлтын* ‘Мать и отец молчат (букв.: У матери и отца слова не выходят), только просто думают’.

Это слово входит также в состав терминов, обозначающих других родственников по линии отца: *аһцики* ‘дедушка по отцу’: шур. *Ий арәл ма аһцикем әлты худдысәм* ‘Одну из этих песен я слышал от своего деда (по отцу)’; сынск. *аһцави* ‘тетя’ (старшая сестра отца): *Аһцавем йәшавул йәхәтәл* ‘Тетя скоро придет’.

Это слово употребляется и для именованья верховного божества *Турәм аһци* ‘небесный отец’: шур. *Һаң муй пойара йисән, ухлә, хәйәт пүңдә ләцәтәтәйә, пушәң әтәт хәты Турәм Аһциән дүв күрдәлән йәһхты партыдысайәт* ‘Ты что, барином стал, в сани возле людей пристраиваешься; всем хвост имеющим Небесный Отец своими ногами ходить велел’.

Парным к слову *әс* ‘самка; *груб.* мать’ является слово *ийив / ий* ‘самец; *груб.* отец’, которое также входит в состав ругательства: сынск. *ийдәп-әсдәп әт* ‘без роду, без племени некто’ (букв.: без отца, без матери вещь); оно употребляется в составе парного слова *ийвды-әсды* ‘сирота’ (букв.: без отца, без матери); а также в составе термина ‘отчим’: сынск. *ийвдәң / ийдәң* ‘отчим’ (муж матери по отношению к её детям от предыдущего брака, неродной отец).

Термин «родители» представляет собой парное имя существительное – *аңки-аһци, аһти-аһци* ‘мать-отец’: шур. *Аһтен-аһцен иса нумман тәйәлән* ‘Надо почитать своих родителей’. Порядок следования компонентов в этом парном слове может быть любым, ср.: *аңки-аһци* ‘мать-отец’, *аһци-аңки* ‘отец-мать’.

Каждый из компонентов этого парного слова оформляется показателем двойственного числа,

при этом подразумевается не две пары родителей, а одна пара как единое целое, глагол принимает показатель двойственного числа: шур. *Аньте-ңадам-аще-ңадам йи нъмасэн ул-д-аңэн* ‘Между родителями полное согласие’ (букв.: две моих матери, два моих отца (мать-POSS.1SG.DU-отец-POSS.1SG.DU) одним умом живут). Возможно также оформление и посессивными показателями, указывающими на множественное число объекта обладания: шур. *Сўс унты аңки-дэв-ащи-дэв пидэн усэв* ‘До осени с родителями (букв.: с нашими матерями, с нашими отцами – мать-POSS.1PL.PL-отец-POSS.1PL.PL) жили’.

Принимая каритивный суффикс *-ды*, обозначающий отсутствие, необладание признаком, это парное слово передает значение ‘сирота’: *ащиды-аңкиды* (букв.: без отца, без матери): *Воцкэм, ащиды-аңкиды удты ньаврэм хойна вѡдаң ванна тайты пидла* ‘Брошенного, сироту (без матери, без отца живущего ребенка) кто будет рядом держать’. Выстраивается ряд синонимов, различающихся стилистической окраской: *йивлэн-аьслэн* ‘груб. без роду, без племени’ (букв.: без отца, без матери); *йивды-аьсды* ‘сирота’ (букв.: без отца, без матери); *ащиды-аңкиды* или *аңкиды-ащиды* ‘сирота’ (без отца, без матери / без матери, без отца).

Коми

Значение ‘мать’ повсеместно выражается существительным *мам*. Используется также уменьшительно-ласкательная форма *мамко* ‘мамка’.

Для наименования отца используется существительное *ай*, а также уменьшительно-ласкательная форма *айко* ‘папка’. Лексема *мам*, согласно [КСК I: 903], общеупотребительна в коми диалектах. Лексема *ай* в [КСК I: 24] фиксируется как наименование отца в верхневьчегодском, вымском, ижемском и удорском диалектах. В более обширном диалектном ареале это значение выражается лексемой *бать* [КСК I: 60]. Однако для ижемского диалекта эта лексема не фиксируется в словаре, отсутствует она и в наших материалах. Формы *айко* и *мамко* в [КСК I: 24, 903] представлены только для ижемского диалекта. В словаре они отмечены как специфические для функции обращения, однако это не соответствует нашим материалам, в которых существительные *айко* и *мамко* встречаются и в нарративных контекстах, см. примеры из говора с. Мужи: *Айколы сет сумкасэ* ‘Папке отдай сумку’; *А мамко мян вѡлі Берёзовысь* ‘А мамка у нас была из Берёзово’.

Существительное *ай* имеет в обследованных говорах и значение ‘самец животного’, например, *ай баля* ‘баран’ (букв.: самец овцы). В таком значении оно повсеместно используется и в других коми диалектах [КСК I: 24].

Значение ‘родители’ передается парным словом *ай-мам* (букв.: отец-мать). В нескольких говорах зафиксирован также вариант *мам-ай* (букв.: мать-отец) с противоположным порядком компонентов, но он значительно менее распространен.

БАБУШКА, ДЕДУШКА

Ненецкий

Бабушка и по материнской, и по отцовской линии повсеместно обозначается существительным *хада*. Это же слово используется для обозначения тети, являющейся старшей сестрой отца или матери, свекрови и тещи. В качестве ласкового обращения фиксируется форма *хадакэ*.

Дедушка по материнской и по отцовской линии повсеместно обозначается существительным *при*. Это же слово используется для обозначения дяди, являющегося старшим братом отца или матери, свекра и тестя. В качестве ласкового обращения фиксируется форма *прикэ*. На всей обследованной территории зарегистрированы также описательные обозначения *небя' нися* 'дедушка' (букв.: отец матери), *нися' небя* 'бабушка' (букв.: мать отца) и т. п.

Селькупский

Бабушка и по материнской, и по отцовской линии в северных селькупских говорах обозначается существительным *имыля* (Средний Таз и Турухан) / *имыя* (Верхний Таз и Верхняя Толька). Это же слово используется для обозначения тети, если она старшая сестра отца или матери, и свекрови.

Дедушка и по материнской, и по отцовской линии во всех северных селькупских говорах обозначается существительным *ильча*. Это же слово используется для обозначения дяди, если он старший брат отца или матери, и свекра.

Хантыйский

В хантыйском языке различаются наименования для дедушек и бабушек по линии отца и матери, для которых используются особые лексемы.

Для наименования бабушки по линии матери зарегистрированы следующие варианты: мужевск. *аңқаңки*, сынск. *аңтими*, шур. *ун аңти* (букв.: большая мама): сынск. *Аңқаңкемэн ху́л вбйи нўтэн мйсай-*

ам 'Бабушка меня угостила ведром рыбьего жира'; шур. *Ун аңтемэн лавэттэты ци питла* 'Бабушка моя начинает его ругать'; сынск. *аңтими* 'бабушка по материнской линии': сынск. *Аңтимем мойдэм йхам холна тййдэм* 'Бабушкой подаренный платок все еще храню'.

Термин *аңқаңки* употребляется также по отношению ко всем родственницам, относящимся к поколению «бабушек по материнской линии», если они старше бабушки, а также к их дочерям. В следующем контексте известно, что речь идет о дочерях старшей сестры бабушки по материнской линии, поэтому употребляется термин *аңқаңки*, который стоит в форме множественного числа: мужевск. *Аңқаңкидад йэрнасэн йхамэн мойдэсды* 'Бабушек (дочерей старшей сестры бабушки) одарила платьями, платками'.

Бабушка по линии отца называется *цаци* или *цацем ими*: сынск. *Щацем нўт верэд* 'Бабушка еду варит' (букв.: котел делает); шур. *Хилыйэт цащела шеңк мосдэт* 'Бабушка очень любит внуков' (букв.: Внуки бабушке очень нужны); сынск. *Щацем ими утца хйщэс, рутдад иса посадэсэт* 'Бабушка одна осталась, родственники все умерли'.

Для именования дедушек по разным линиям используются слова *ащики*, усть-полуйск. *вуд аци*: *Näji nõx etmal pōrajna wul-äsi çul welta mănäs* 'Когда вышло солнце, дед пошел на рыбалку' [Николаева 1995: 231]; шур. *Венишэд мулиман ун ащем вантэд* 'Дед довольно улыбается' (букв.: Лицо его улыбаясь, дед смотри); *акем ики*: сынск. *Акем ики хоты йэша йцмар тййэд* 'Мой дед очень хитрый' (букв.: достаточно хитрости имеет).

Только в северном ареале распространения хантыйского языка, в приуральском диалекте, наблюдается заимствование ненецких слов *хада* 'бабушка' и *йири* / *йиры* 'дедушка'. В с. Горноknязевск представители старшего поколения на прямой вопрос, что обозначают слова *цаци* и *аңқаңки*, отвечали, что таких слов они не знают, а по отношению к бабушке, независимо от ее принадлежности к роду отца или к роду матери, употребляют слово *хада*.

Ср. также примеры, которые свидетельствуют, что зона употребления заимствованных из ненецкого языка терминов родства довольно широка: сынск. *Йирэд ики хойца ванамэс на пётрэмэты дойэс* ‘Он подошел к дедушке и остановился поговорить’; шур. *Йирэд ўца ат ул* ‘Здравствуйте, старший брат мужа’.

Коми

Бабушка и дедушка обозначаются в коми-зырянских говорах Ямало-Ненецкого АО заимствованными из русского языка существительными *баб* и *дед* соответственно. Противопоставления между родством по материнской и по отцовской линиям для этих лексем не возника-

ет. В этих точках система обследованных нами говоров оказывается упрощена по сравнению с системами ряда других коми диалектов. Так, в говорах Ямало-Ненецкого АО отсутствуют наименования *пӧч* ‘бабушка’ (по отцу) [КСК II: 202], *ыджыд мам* ‘бабушка’ (по матери) [КСК II: 831], *пӧль* ‘дедушка’ (по отцу) [КСК II: 186], *ыджыд ай / ыджыд бать* ‘дедушка’ (по матери) [КСК II: 831]. По словам жительницы с. Восяхово, родным диалектом которой является печорский (с. Еремеево), в ее родном говоре бабушка и дедушка по матери называются соответственно *ыджыд мам* и *ыджыд бать*, а бабушка и дедушка по отцу – соответственно *пӧч* и *дед*, однако в Восяхово она такого устройства системы не встречала.

СЕСТРА, БРАТ

Ненецкий

Общим термином для обозначения брата или сестры является существительное *ня*, которое также используется в значениях ‘родственник’ и ‘друг, товарищ’. Применительно к детям одних и тех же родителей слово *ня* по умолчанию имеет значение ‘брат’. Факультативно может добавляться существительное *хасава* ‘мужчина’: *хасава ня* ‘брат’ (букв.: мужчина родственник). При выражении значения ‘сестра’ лексема *ня*, как правило, выступает в сочетании с существительным, уточняющим пол: *не ня* ‘сестра’ (букв.: женщина родственник). При необходимости уточняется возраст: *нарка ня* ‘старший (букв.: большой) брат’, *нюдя ня* ‘младший (букв.: маленький) брат’, *нарка не ня* ‘старшая сестра’; *нюдя не ня* ‘младшая сестра’.

Кроме того, на всей обследованной территории зафиксированы и термины, принадлежащие к классификационной системе родства (термин обозначает класс родственников): *папа* ‘младший брат или сестра’, *нека* ‘старший брат’, *нябако* ‘старшая сестра’, *сюны* (фонетический вариант – *сюнэ*) ‘двоюродный брат или сестра по линии матери’. В словаре [Терещенко 1965] для слова *сюны* ука-

зано значение ‘дети двух сестер как родных, так и двоюродных со стороны матери по отношению друг к другу’. Еще в начале 1950-х гг. З. Н. Куприянова отмечала постепенное разрушение классификационной системы терминов родства у ненцев [Куприянова 1954], однако по полученным нами данным, указанные выше классификационные термины до сих пор активно используются, ср.: *Нарка не няхаюда, мэсь, нябакода няхар" мэва ниуа хаюпись* ‘Одна из ее сестер, это, старшая сестра, три раза, что ли, замужем была’ (с. Нори); *Маня нябоковами', тикиехэв, валёй* ‘Уж моя-то сестра, вот она-то молодец’ (с. Антипаюта); *Сюнэми сава я* ‘Двоюродный брат хороший’ (с. Сёяха); *Не сюнэни сэды* ‘Это сшила двоюродная сестра’ (с. Сёяха).

З. Н. Куприянова отмечала также тенденцию к сужению значения ряда терминов. Так, классификационный термин *папа* ‘младший брат / сестра’ остался только в фольклорных текстах, а в бытовых используется лишь в значении ‘младший брат’; значение ‘младшая сестра’ выражается сочетанием *не папа* (встречается также вариант *папа не*). Аналогичное наблюдение она высказывала и по поводу термина *сюны* [Куприянова 1954]. Однако в наших материалах – как в фольклорных тек-

стах, так и в бытовой речи – встречается просто *папа* и *сюны* при обозначении женщины, например: *Тамна тяха' папанда' ню" танява"* ‘Еще вот у младшей сестры ее дети есть’ (с. Антипаюта); *Сюнэмда хамза* ‘Он любит двоюродную сестру’ (с. Сёяха).

Селькупский

В северных селькупских говорах используются два обозначения брата – *тiмнä* (с вариантом *типынä*) и *чона*, имеющие локальное распределение по говорам. Существительное *тiмнä* зафиксировано в Красноселькупе, Сидоровске, Красноселькупской Тольке, Киккиакках, Пуровской Тольке, Быстринке и Фаркове. Форма *типынä* зафиксирована только в Красноселькупе. Существительное *чона* зафиксировано в Часельке, Киккиакках, Пуровской Тольке (наряду с *тiмнä*) и Ратте.

Для обозначения сестры используются две лексемы – *неньня* и *ниука*, также имеющие локальное распределение по говорам. Существительное *неньня* зафиксировано в Красноселькупе, Сидоровске и Фаркове. В остальных локальных группах – Часельке, Красноселькупской Тольке, Киккиакках, Ратте, Пуровской Тольке и Быстринке – используется лексема *ниука*. Все эти лексемы, как правило, употребляются с посессивными показателями.

Хантыйский

В хантыйской терминологии родства проводится последовательное противопоставление старших и младших братьев и сестер.

Для обозначения старшего и младшего братьев, а также старшей и младшей сестры используются разные лексемы, не совпадающие материально.

Старший брат – *йай*, этот термин обозначает также младшего брата отца, если он старше *я*, например: *Йайэм йүх сэвэрэд, тбрэн сэвэрэд* ‘Старший брат колет дрова, косит сено’. Если у говорящего не один, а два или больше старших братьев, то для их различения используются прилагательные *ун* ‘боль-

шой’ в значении ‘старший’, *күтдэн* ‘средний’, *ай* ‘маленький’ в значении ‘младший из всех старших братьев’: сынск. *Щит дүв ун йайэд* ‘Это его старший брат’ (т. е. самый старший из всех старших братьев).

Старшая сестра называется *опи* (мужевск. *апы*, приуральск. *апэ*). Для различения нескольких старших сестер, так же как и для старших братьев, используются прилагательные: сынск. *ун бнем* ‘моя старшая сестра’ (старшая из сестер, которые старше меня по возрасту); *айишэк бнем* ‘младшая из старших сестер’; *күтдэн бнем* ‘средняя из сестер, которые старше меня по возрасту’: шур. *Амтэң түрэн бнем йэд ньахадтэс* ‘Сестра весело (букв.: радостным голосом) рассмеялась’.

Если речь идет о старшей сестре, которая достигла пожилого возраста, к слову *опи* может добавляться существительное *ими* ‘женщина’: сынск. *Бнем ими сях верэд* ‘(Пожилая) сестра шубу шьет’; усть-собск. *Эрет этетна йохална kawarla* ‘Мать сестре варит мясо’ [Николаева 1995: 242].

Младшие братья и сестра называются одним и тем же словом – *апци*. Сема, указывающая на пол родственника, для младших поколений не релевантна. Для поколения «старше *я*» важны признаки «возраст» (старше *я*) и «пол» (мужской или женский). Для поколения «младше *я*» важен только один признак – «возраст», пол не имеет значения, так как одинаково обозначаются младший брат и младшая сестра.

В следующих предложениях без знания контекста невозможно установить, о ком идет речь – о брате или сестре: сынск. *Ай апцел аддүйэд ил вйадтэд* ‘Маленькую сестренку / маленького братика носит туда-сюда, усыпляет’; шур. *Тяньтя апцийэд шанша опсэдтэс* ‘Тяньтя сестренку / братика на колени усадила’. Иногда род занятий помогает предположить, кто является действующим лицом – мальчик или девочка: сынск. *Апцем намэн рүңкэтлийэд, ньалкэт ймэртыйэд* ‘Младший брат в реке по воде бродит, мальков черпает’; *Апцен ньолэд эсэдэдды на тўңа поса хойэд* ‘Младший брат стрелу пустит и прямо в метку попадает’.

При необходимости к слову *апци* добавляются слова, конкретизирующие пол: сынск. *ху апци*

‘младший брат’ (букв.: мужчина младший брат); *нэ апици* ‘младшая сестра’ (букв.: женщина младшая сестра): шур. *Йох апицен вантман тайи, хува ал уцэд* ‘Смотри за братишкой, чтобы он не заплывал далеко’; *Хбты нэ апицийэда Пенайэда муй арат акань йднтмал* ‘Вон сколько сестренке Фене кукол сшила’.

Слово *апици* употребляется как собирательное для обозначения младших братьев и сестер вместе: шур. *Апицеңидал па щира дэцатэмидды: оңат кўнишпэн бх сбхдэн кўнишпэдды, нэ апицийэд па ай сэвэн сэвэдды* ‘Младших брата и сестренку приведет в порядок: гребнем, сделанным из лосиных рогов, волосы расчесет, сестренке косички заплетет’.

В монографии А. А. Шияновой приводится большое количество примеров, в которых наименования братьев и сестер употребляются в составе парных слов в самых разных комбинациях: *йайңэн-апицеңэн* ‘брат с сестренкой или братиком’, *йайңэн-бпеңэн* ‘старшие брат с сестрой’ или *бпеңэн-йайңэн* ‘старшие сестра с братом’, *йай-аки* ‘старший брат – дядя’, *йай-апицийи* ‘старший брат – сестренка или братик’ и т. д. [Шиянова 2015], например: *Йайуэлэн-апицеңуэлэн муй верлэуэн?* ‘Что делают твои старший брат и младшая сестра?’ (букв.: старший брат-POSS.2SG.DU младший-POSS.2SG.DU); *Йайлам-апицилам пилен йднтлам* ‘С моими братьями-братишками играю’; *Йайңэн-бпиңэн анкел элты ъотлэңэн* ‘Старшие брат и сестра матери помогают’.

В приуральском диалекте зафиксированы термины родства, которые в других хантыйских диалектах не встречаются: усть-собск. *ити* ‘младший брат или сестра’, сынск. *йэви* ‘младшая сестра;

двоюродная сестра; дочь старшей тетки (по отцу)’: *Лўв јажет еwəlt јewel іһsasl* ‘Он у брата про сестру спрашивает’ [Николаева 1995: 241]. Слово *итыйэ* ‘сестричка; перен. подруга’ употребляется в качестве обращения по отношению к девочкам, не обязательно состоящим в отношениях родства, но не употребляется по отношению к мальчикам.

Семантическим аналогом ненецкого *не ня* ‘сестра’ (букв.: женщина родственник) можно считать оборот *ның нэухуй* ‘сестра’ (букв.: женщина человек, где *нэухуй* – парное слово ‘женщина-мужчина’): усть-собск. *ниң пеңхиј аңтā јəl ut' śa ulмал јсх һawrem* ‘Сестры у него не было, один был мальчик’ [Николаева 1995: 233].

Коми

Для наименования старшего и младшего брата используется одна и та же лексема *вок*, общеупотребительная и в других коми диалектах (см. [КСК I: 234]).

Для наименования старшей и младшей сестры используется, как и в других диалектах [КСК II: 720], лексема *чой* (с фонетическим вариантом *тэй*, встретившимся в говоре с. Белоярск). Отмеченная в [КСК II: 408] для нескольких диалектов лексема *соч* в ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО не встречается. Тем самым параметр возраста внутри одного поколения для коми-зырянского языка в данном случае не релевантен. При необходимости детализации возраста внутри поколения к наименованиям *вок* и *чой* могут быть добавлены прилагательные *ыджыд* ‘большой; старший’ и *дэля* ‘маленький; младший’.

ДОЧЬ, СЫН

Ненецкий

Общим термином для обозначения дочери или сына является существительное *ню* ‘ребенок’: *Тыди' нюди' нэртакыди'-а?* ‘За оленями-то вашими дети следят?’ (с. Антипаюта). В значении ‘дочь’ слово *ню*, как правило, выступает в сочетании с существительным, уточняющим пол: *не ню* ‘дочь’ (букв.: женщина ребенок): *Мат не нюда нэвы* ‘Шесть дочерей у него было’ (с. Лаборовая); *Вэсако не нюнда ня' иле* ‘Старик живет с дочерью’ (с. Антипаюта). В значении ‘сын’ сочетание с существительным, уточняющим пол, – *хасава ню* ‘сын’ (букв.: мужчина ребенок) – встречается факультативно, особенно если значение ясно из контекста: *Нарка нюмда манэцадма* ‘Я и старшего сына его видел’ (с. Лаборовая).

Селькупский

В северных селькупских говорах для обозначения дочери используется лексема *нйля* (Средний Таз, Турухан) или ее локальный фонетический вариант *нйя* (Верхний Таз, Верхняя Толька), а для обозначения сына повсеместно – *йя*. Лексема *йя* обозначает также любого ребенка мужского пола. В значении ‘сын’ лексема обычно оформляется possessивными показателями. Точно так же оформляется обычно possessивными показателями и лексема со значением ‘дочь’.

Хантыйский

Одним и тем же словом обозначаются мальчик и сын – *пõх*, девочка и дочь – *эви*. В некоторых случаях контексты и лично-притяжательные аффиксы помогают понять, о ком идет речь – собственном или чужом ребенке, но в других случаях без знания ситуации понять это невозможно, ср.: шур. *Пõхэл йõхтэм ащел амтэс* ‘Отец рад приезде сына’; шур. *Лүв хõднә худәм пõх тәйәл* ‘У нее

ведь трое сыновей’; сынск. *Ай пõхлэңки вõщләха йэрмэс* ‘Маленький мальчик в вязкой глине увяз’; питлярск. *Катра пõрайән эвет акаһдисэт* ‘В старые времена девочки играли в куклы’; шур. *Щикем йәм эви!* ‘Какая хорошая девочка!'; сынск. *Эвийэ ащел элты катра пõтрэт хәниэс* ‘Дочь у отца древние сказания записала’; сынск. *Эвэм нәң пõхен хõща идампа хәльэл ул* ‘У дочери моей к твоему сыну, кажется, есть симпатия’.

Однако при необходимости подчеркнуть отсутствие кровного родства используются описательные обороты: шур. *йох һаврэм* ‘мальчик’ (букв.: мужчина ребенок); сынск. *нэ һаврэм* ‘девочка’ (букв.: женщина ребенок): шур. *Йох һаврэмэт һәх каша пил хуйәл рәп дõңәл элты ил пõткамел* ‘Мальчики в шутку товарища с горы вниз толкнули’; шур. *Йох һаврэм духәсдәдән һәха уйдыда* ‘Мальчики посмеиваются над товарищем’.

Для именованя сына используется также лексема *йик* (с. Катравож, Аксарка, а также Мужи, возможно, со значением ‘пасынок’).

Пасынок и падчерица называются, соответственно, *пõхдәң* и *эвдәң* (с. Овгорт) и *эвидәңи* (с. Аксарка).

В том, что понятия «мальчик» и «сын», «девочка» и «дочь» не разграничиваются, прослеживаются отголоски групповой системы родства.

Коми

Дочь в обследованных поселках обозначается существительным *ныы* (по диалектам ему регулярно соответствуют существительные *ныв* и *ныл*). Это же слово имеет и значение ‘девочка; девушка’, см. иллюстрации его полисемии из говора с. Мужи: *Сад йõр шõрын ныы ветлалэ* ‘В середине сада девушка гуляет’; *Менам нылэ праздник кejas воас ми доранум* ‘Моя дочь к празднику придет к нам’. У соответствий этого слова в других диалектах коми развивается, по данным [КСК I: 1022, 1023, 1030], аналогичная полисемия.

Значение 'сын' выражается в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО существительным *пи*, повсеместно имеющим такую семантику и в других идиомах коми языка [КСК II: 112]. Его

семантическая структура асимметрична лексемам *ныы* и не включает значений типа 'мальчик', 'парень' (они в обследованных нами говорах выражаются существительными *детина*, *зон*).

МУЖ, ЖЕНА

Для исследуемых языков выделяются следующие основные стратегии обозначения понятий «муж» и «жена»¹:

1) перенос значения типа «физическая сфера (пол) → социальная сфера (приобретенное родство)»: мужчина → муж, женщина → жена;

2) перенос значения типа «физическая сфера (пол и возраст) → социальная сфера (приобретенное родство)»: старик → муж, старуха → жена;

3) перенос значения типа «социальная сфера (дружеское общение) → социальная сфера (приобретенное родство)»: друг, товарищ → муж, ?подруга → жена.

В каждом из языков действует основная, наиболее распространенная тенденция для обозначения понятий «муж» и «жена», однако в качестве дополнительных фиксируются и другие стратегии из данного списка.

Ненецкий

В ненецком языке основная стратегия развития этого значения – «старик → муж», маргинальными являются «мужчина → муж» и еще более редкое «друг → муж».

Лексема *вэсако* 'старик' регулярно и повсеместно употребляется в значении 'муж'. Слово *вэсако* в значении 'муж' практически всегда оформляется лично-притяжательными аффиксами: *Вэсакоми тарси" пон' яңу*. 'Очень долго нет моего мужа'; *Маңгабада вэсако мяканда тэвы"* 'Бедный старик пришел домой'.

Употребление слова *хасава* 'мужчина' в значении 'муж' достоверно зарегистрировано в Самбур-

ге, это возможная, но не широко распространенная модель. Употребление слова *хасава* в значении 'муж' фиксируется также и в других населенных пунктах – Яроно, Гыде, Антипаюте. В опубликованных Е. Т. Пушкаревой текстах из Ныды понятие «муж» регулярно передается словом *хасава*. Интересен комментарий информантки из пос. Новый Порт, которая для обозначения понятия «муж» сначала употребила слово *хасава*, но потом засомневалась и пояснила, что так скорее можно сказать о любовнике, а о муже, независимо от возраста, все же правильнее говорить *вэсако* (букв.: старик).

Перенос «товарищ, друг → муж» в ненецком языке встречается крайне редко. Слово *ня* 'родственник, тот кто рядом' в значении «муж» отмечено в единичных текстовых примерах: *Хан хырна торахаванонда. Няр ни ту. Пин сыра"ма* 'Слышно, полозья нарты скрипят. Муж твой, наверное. Выгляни на улицу' (с. Сёяха); *Нидо' намгэхэртамдо' нидо' нэдабтамбю", упой маньрин нями'* 'Никого из них не отправляли [на курсы бригадиров], только моего мужа' (с. Антипаюта); *Вэсако нями тарси" пон' яңунэ", ңанихив' нибто' хада"?* 'Очень долго нет нашего старика товарища, видимо, опять его убили?' (с. Яроно).

В словаре Н. М. Терещенко значение «муж, жена» приводится третьим для слова *ня*: *Няр ня-нанд нися ту"?* 'Твой муж не приехал с тобой / Твоя жена не приехала с тобой?' [Терещенко 1965]. По всей видимости, во всех этих примерах основным является значение 'родственник'. Не случайно в словаре Н. М. Терещенко приводится недифференцированный перевод 'муж / жена'. В фольклорных текстах встречается также иносказательное выражение *марцьхы* 'со стороны плеча', которое употребляется по отношению и к мужу, и к жене.

¹ Наименования жены следуют тем же стратегиям и поэтому подробно не обсуждаются.

В селькупском отмечаются все три названные стратегии, однако последняя оказывается периферийной: «мужчина → муж», «старик → муж», «друг → муж» (последняя стратегия зафиксирована только для Пуровской Тольки, Быстринки и Фаркова).

Модель переноса «мужчина → муж» в северных селькупских говорах употребляется повсеместно, причем перенос значения часто сопровождается оформлением основы посессивными показателями: *ира* ‘мужчина’ – *ира-м*, *ира-л*, *ира-ты* ‘муж мой, твой, ее’ (букв.: мой, твой, ее мужчина). Это наиболее распространенная модель во всех населенных пунктах.

Селькупское слово *ираџота* ‘старик’² также повсеместно употребляется для обозначения понятия «муж», наряду с существительным *ира* ‘мужчина’, и регулярно оформляется соответствующим посессивным показателем: *ираџота-мы*, *ираџота-л*, *ираџота-ты* ‘муж мой, твой, ее’. Употребление существительного *ляџа* ‘друг’ в значении ‘муж’ ограничено как территориально (Быстринка, Пуровская Толька, Фарково), так и коммуникативно: оно преимущественно используется в качестве обращения.

Хантыйский

В хантыйском языке основной является стратегия переноса «мужчина → муж», однако возможен также перенос типа «товарищ → муж».

В хантыйском лексема *ики* имеет значения ‘мужчина’ и ‘муж’ и представляет основную модель именования этого понятия.

По отношению к мужу можно употребить сочетание *ниџ хуйэм* ‘товарищ’ (букв.: совместный человек), однако данная стратегия переноса является периферийной.

² Существительное ‘старик’ образовано от существительного ‘мужчина’ исходно посредством словосложения: *ира-џота* > *ира* ‘мужчина’ + *џота / кота* ‘старик’ [Alatalo 2004: 280]. Второй корень общесамодийский, однако в северных селькупских говорах он встречается только в качестве второго элемента слов со значением ‘старик’ и ‘старуха’ (*има-џота*).

В коми-зырянском языке фиксируется несколько стратегий, различающихся для разных ареалов: «мужчина → муж» (повсеместно), «старик → муж» (Харсаим, Самбург), «друг → муж» (Мужи, Восяхово, Белоярск, Харсаим, Самбург).

В обследованных коми-зырянских говорах базовые наименования супругов заимствованы из русского языка. Жена, как правило, обозначается русским заимствованием *баба*, имеющим также значение ‘женщина’, и реже литературным словом *гӧтыр*. Муж обозначается русским заимствованием *мужык*, имеющим также значение ‘мужчина’. Литературное слово *верӧс* (в ижемском диалекте имеющее регулярный фонетический вариант *верес*) встречается преимущественно в предложных группах *верес сае* ‘замуж’ и *верес сайын* ‘замужем’, а также в составе стяженного образования *вересса* ‘замуж’. Отдельные примеры использования слова *верес* в иных контекстах были зафиксированы только в говоре с. Мужи, но и в нем чаще всего используется наименование *мужык*.

Как видно из приведенных примеров, базовые наименования супругов являются семантически производными по моделям «мужчина → муж» и «женщина → жена». Помимо нее, в обследованных коми-ижемских говорах отмечены и другие модели переноса:

1) «старик → муж», «старуха → жена» – лексема *старик / тарик* и *старуха* (с. Самбург, первая модель зафиксирована также в архивном тексте из с. Харсаим);

2) «товарищ → муж», «товарищ → жена» – лексема *ёрт* (с. Мужи, Восяхово, Белоярск, Самбург, первая модель зафиксирована также в архивном тексте из с. Харсаим).

Первая из этих моделей может быть проиллюстрирована следующими примерами из с. Самбург: *Менам тарике тон скӧралэ* ‘Мой муж сегодня сердится’; *Кылан, тарикыд локтэ!* ‘Слышишь, муж твой едет!’. Существенно, что такие примеры записаны как от пожилых информантов, так и

**Тип переносного значения
для обозначения понятия "муж"**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

- 1) Перенос значения "физическая сфера (пол)" > "социальная сфера (приобретенное родство)" (мужчина > муж);
- 2) Перенос значения "физическая сфера (возраст)" > "социальная сфера (приобретенное родство)" (старик > муж);
- 3) Перенос значения "социальная сфера (дружественные отношения)" > "социальная сфера (приобретенное родство)" (друг > муж)

- К** коми
- X** хантыйский
- Н** ненецкий
- С** селькупский

от людей в возрасте 45–50 лет. Обсуждение этих данных с носителем из с. Мужы показало, что в мужевском говоре такое употребление известно, но допустимо скорее для людей старшего поколения, в речи которых слово *старик* сдвигается уже в характеристику по возрасту. Для других коми-зырянских говоров, по данным [ССКЗД 1961: 346; КСК II: 425], подобная полисемия слова *старик / тарик* не отмечалась, отверг его и опрошенный нами носитель литературного коми. Тем самым в коми-зырянском языке сдвиг с наименования по возрасту в наименование супруга возникает в говорах, контактных с ненецким языком, где распространен такой же сдвиг (ср. также его фиксацию в близкородственном энецком языке в [Сорокина, Болина 2009: 86]). Поэтому можно предполагать здесь влияние ненецкой модели полисемии.

Вторая модель иллюстрируется следующим примером: *Кӧрдорын ветлалім, кӧрдорын, ёртэ бригадирэн вӧлі* ‘В стадах ходили, в стадах, муж мой бригадиром был’ (с. Харсаим, рассказ женщины о жизни в оленеводстве после замужества [Архив ОГТРК, зап. М. И. Ёлтышевой, конец 1990-х – начало 2000-х]). Вероятно, эта модель также является калькированной, поскольку она распространена в окружении ненецкого языка, где зафиксировано слово *ня* ‘брат, сестра; товарищ, подруга, приятель, приятельница; муж, жена’ [Терещенко 1965: 335] (подробнее о семантике этой лексемы см. выше в описании ненецких данных). Вместе с тем ситуация здесь более сложна. Информанты из сс. Мужы и Восяхово, которым был целенаправленно задан вопрос о таком употреблении слова *ёрт*, подтвердили его наличие и в своих говорах, однако случаев этого употребления в большом корпусе текстов и спонтанных примеров из этих поселков нам не встретилось (в отличие от записей из говоров Приуральского и Пуровского р-нов). Имеется лишь один спонтанный пример такого рода, записанный Т. И. Жилиной в 1959 г. в с. Мужы. Он происходит из рассказанной на коми-зырянском языке сказки об Иване-царевиче, Елене Прекрасной и Жар-птице: *Елена Прекраснаяэс тишакис и нуис,*

а кык служанка сідз и колиныс. Иван-царевич доре вайис, а Елена Прекрасная без памети, сайдыс вошиис. Иван-царевич кӧдзыд ваан мысьседис, и сайдыс петі. И рад лои. Ме думайті, зьвер сёяс, а ме вои морт доре. А Иван-царевич и висьталэ: «Тэ ин во прӧстэй морт доре, а воин Иван-царевич доре. Пуксям и мунам, тэ лоан менам олан ёрт»³ ‘Елену Прекрасную [тигр. – прим. авт.] схватил и унес, а две служанки так и остались. Принес ее к Ивану-царевичу, а Елена Прекрасная без памяти, сознание потеряла. Иван-царевич умыл ее холодной водой, и сознание к ней вернулось. И обрадовалась она. «Я думала, зверь съест, а я попала к человеку». А Иван-царевич и говорит: «Ты попала не к простому человеку, а к Ивану-царевичу. Сядем и поедем, ты будешь моей спутницей жизни»⁴.

Кроме того, информанты из Шурышкарского р-на, по нашим наблюдениям, не называют слово *ёрт* в числе собственных первых реакций на вопрос о том, как сказать на их языке ‘муж’ / ‘жена’, в то время как у носителей говоров Белоярска и Самбурга, тоже подробно изучавшихся в полевых условиях, такие первые реакции встречались. Поэтому можно предположить, что в говорах Шурышкарского р-на это значение слова *ёрт* скорее пассивно по сравнению с другими обследованными говорами.

За пределами Ямало-Ненецкого АО лексема *ёрт* в значении ‘муж’ / ‘жена’ не фиксируется ни в коми-зырянских диалектных словарях, ни в словарях литературного языка [ССКЗД 1961: 120; КСК I: 506; Лыткин (ред.) 1961: 223]. При этом в коми-пермяцком языке, не имеющем непосредственных контактов с сибирскими языками, слово *ёрт*, согласно [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985; Плесовский 1960], имеет как значение ‘друг, товарищ’, так и значение ‘супруг, супруга’. Для коми-пермяцкого (но не коми-зырянского) языка такой сдвиг значения отмечен и в [Wiedemann 1880: 81].

³ В примерах из письменных архивных материалов сохраняется орфография источника.

⁴ Архив ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 192: Жилина Т. И. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужы и Шурышкары). 1959 г. Часть II.

Заемствование из русского как источник формирования регулярного термина родства

Ямало-Ненецкий автономный округ

Опрошенный нами носитель литературного коми языка также отрицает наличие у слова *ёрт* значения 'муж' / 'жена' (при этом одной из носительниц печорского диалекта из с. Еремеево, проживающей в с. Восьхово, такое употребление знакомо из ее родного говора).

Можно заключить тем самым, что сдвиг с обозначения социального отношения на обозначение приобретенного родства, происходящий у слова *ёрт*, нельзя уверенно считать калькой с ненецкого или хантыйского языков, в первую очередь в силу наличия этого сдвига как минимум в коми-пермяцком языке, на котором говорят в другом ареале. Интересно вместе с тем, что в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО подобная полисемия активнее сохраняется в контактном ареале с ненецким языком.

Интересно также, что в говорах сс. Восьхово, Белоярск, Самбург зафиксированы спорадические примеры использования литературного слова *гӧтыр* в значении 'муж'. В целом, однако, они не соответствуют общему узусу описываемых говоров и запрещаются большинством информантов. Вероятно, наличие таких примеров объясняется, с одной стороны, постепенным стиранием исконной коми-зырянской системы в рассматриваемых говорах и заменой исконной лексики на русские заимствования, с другой стороны, тем, что носители ижемских говоров Ямало-Ненецкого АО в большинстве своем не владеют литературным языком и потому могут иметь неточные представления о значениях тех или иных литературных слов.

Обобщение данных

Таким образом, основными источниками для наименования человека по признаку «приобретенное родство» являются три параметра: биологический пол (мужчина / женщина), возраст (старик / старуха) и дружеское общение (товарищ / друг).

Модель переноса «мужчина → муж» представлена во всех языках. Модель переноса «старик → муж» можно считать основной для самодийских языков, она фиксируется как в ненецком, так и в селькупском

языках, при этом для ненецкого она является основной: лексема *всако* 'старик' регулярно и повсеместно употребляется в значении 'муж'. Селькупское слово *ираџота* 'старик' также повсеместно употребляется для обозначения понятия «муж», наряду с существительным *ира* 'мужчина'. В хантыйском языке такое употребление как регулярное и повсеместное не отмечено. В коми-зырянском языке эта стратегия возможна для районов контактирования с ненцами, поэтому можно предполагать здесь калькирование ненецкой модели полисемии.

Перенос «товарищ, друг → муж» встречается в некоторых говорах селькупского языка, в основном в качестве обращения, а также в хантыйских и коми-зырянских идиомах, распространенных на территории Шурышкарского района. Для хантыйского языка это известная, но пассивная модель.

Для хантыйского языка характерным является сохранение классификационного типа системы родства, в соответствии с которым лексема *ики* с исходным значением 'мужчина' используется для обозначения понятия «муж». Переносные значения локализуются в социальной сфере: для лексем *ики* перенос осуществляется из физической сферы в социальную, аналогично и возможность использования сочетания *нил ху* 'товарищ' для обозначения понятия «муж» относится к социальной сфере.

Основной стратегией для самодийских языков является использование лексем, обозначающих лиц мужского пола среднего или старшего возраста по возрастному признаку, для выражения отношений приобретенного родства. Типичным переносом для ненецкого является «старик → муж», для селькупского – «мужчина → муж» и «старик → муж», хотя допустимы и другие варианты развития переносного значения по модели «друг → муж».

Отличием коми-зырянского языка от остальных языков ареала является заимствование из русского языка самих лексем для обозначения супругов. Коми-зырянский язык оказывается на пересечении языковых контактов: с одной стороны, все его диалекты подвержены сильному русскому влиянию

(а в ижемском диалекте степень такого влияния часто выше, чем в других диалектах); с другой стороны, коми-ижемцы, переселившиеся за Урал, попали под влияние коренного населения Сибири.

Слова, сдвигающиеся в наименования супругов из других полей, следуют разным стратегиям оформления посессивными маркерами в разных значениях. В значениях типа 'мужчина', 'старик', 'товарищ' они могут выступать без посессивного маркера (либо принимать его в дискурсивной функции [Кузнецова 2003; Николаева 2003; Кашкин 2008]), тогда как в значении 'муж' такие существительные регулярно оформляются посессивными показателями.

Обобщение данных по терминологии родства

Особенности терминологии родства определяются принадлежностью к описательному или классификационному типу. В описательных системах каждый родственник обозначается специальным термином или комбинацией терминов, поэтому каждое лицо имеет свое обозначение (например, *отец, мать, брат, сестра, двоюродные брат, сестра* и т. д.). В классификационных системах различаются не отдельные родственники, а их «классы»: «отцы», «матери», «мужья», «жены», «братья», «сыновья» и т. д., при этом один и тот же термин употребляется одновременно по отношению к нескольким родственникам, находящимся в разных степенях родства.

В хантыйском языке довольно последовательно представлена классификационная система терминологии родства. Это отражается в совпадении именовании: *эви* – 'дочь' и 'девочка', *пõх* – 'мальчик' и 'сын', *ики* – 'мужчина' и 'муж', *ими* – 'женщина' и 'жена' и др., которое свидетельствует о том, что на ранних этапах группового брака все мальчики и девочки считались одновременно детьми всех мужчин и женщин. Классификационные признаки прослеживаются также и в делении близких родственников на старших и младших: *йай* 'старший брат', *апци* 'младший брат'. Хантыйская система

родства носит «скошенный» характер, т. е. одним и тем же термином называются родственники из разных поколений: *йай* 'старший брат я; младший брат отца, если он старше я'. Различаются термины для родственников по линии отца и матери, мужа и жены: *аңқаңки* 'бабушка по материнской линии', *щаци* 'бабушка по отцовской линии'.

В ненецком языке прослеживаются лишь отголоски классификационной системы родства [Куприянова 1954: 164–165], они обнаруживаются в именовании одним и тем же словом *ню* 'ребенок' как девочек, так и мальчиков и совпадении значений 'ребенок' и 'сын / дочь', типичное для классификационных систем. В обозначении близких родственников также сохраняется деление на старших и младших: *няба* 'старшая сестра', *пана* 'младшая сестра или брат'. Элементы «скошенной» системы родства прослеживаются в том, что одним и тем же термином называются родственники из разных поколений: *нека* 'старший брат, младший брат отца'. Однако нет четкого противопоставления рода отца и рода матери: одним и тем же термином *хада* называется бабушка по отцу и по матери. Таким образом, отмечается усиление признаков описательной системы родства для ненецкого языка.

В исследованиях по селькупскому языку отмечается смешанный характер терминологии родства и свойства: «Селькупская терминология родства имеет исключительно классификационный характер, в то время как среди терминов свойства встречаются описательные термины» [Кузнецова и др. 1980: 88]. Для селькупской системы родства релевантными оказываются следующие противопоставления:

– по поколениям: *ильча* 'дед' – *эсы* 'отец' – *йя* 'сын' (но также 'ребенок', а за пределами поля родства и свойства – еще и 'мальчик') – *кәтсан* 'внук';

– по полу родственника: *ильча* 'дед' – *имыля* 'бабушка'; *эсы* 'отец' – *эмы* 'мать'; *тими́ня* 'брат' – *неньня* 'сестра'; *йя* 'сын' – *няля* 'дочь'; однако в поколении потомков противопоставление по полу стирается: *кәтсан* – это не только 'внук', но и 'внучка';

– по возрасту внутри поколения. Это противопоставление работает только в поколении родите-

лей: старший брат отца называется так же, как отец отца, т. е. дед (*ильча*), а младший брат отца – как брат (*тімня*);

– по полу промежуточного родственника и т. д.

Описательные термины встречаются только в системе свойства: *эсылъ ира* ‘свекор’ (букв.: отцовский мужчина), *эмыль има* ‘свекровь’ (букв.: материнская женщина). Следует отметить, что часть терминов родства и свойства, зафиксированных у тазовских селькупов в 1970-е гг., сегодня уже забыты (например, *тімә* ‘младший брат матери’), другие сохранились в памяти только пожилых носителей языка, например: *оня* ‘старшая сестра мужа (золовка) или жены (свояченица); жена старшего брата (невестка)’; *кэрмә* ‘старший брат жены (шурин); муж старшей сестры (зять)’. Иногда термин опознается, но носитель языка не может описать его значение (см. [Кузнецова и др. 1980: 88–94]).

Для коми-зырянского языка характерно преобладание признаков описательной системы родства, которая проявляется в том, что термины со значением ‘мальчик’ и ‘сын’, ‘девочка’ и ‘дочь’ совпадают не во всех случаях, ср.: *ныы* ‘девочка, девушка, дочь’ vs. *зон* и *детина* ‘мальчик, парень’ – *ни* ‘сын’. На уровне специализированных существительных нет деления близких родственников на младших и старших: одинаково именуются старшие и младшие братья и сестры (*вок* ‘брат’, *чой* ‘сестра’); нет признаков «скошенной» системы поколений: термины ‘старший брат’ и ‘младший брат отца’ не совпадают: *ыджыд вок* ‘старший брат’ (букв.: большой брат) – *дядь* ‘дядя’. Кроме того, имеется большое количество заимствований из русского языка, в том числе типологически значимых, например, *баб* ‘бабушка’, *дед* ‘дедушка’ и др.

Уникальное положение среди исследуемых языков занимает коми-зырянский язык, что объ-

ясняется, прежде всего, его недавним появлением в данном ареале и продвижением через территории, населенные другими народами. Инновации в разных регионах его распространения обусловлены контактами с разными языками с различными принципами организации терминосистем родства. В зонах контактирования с хантыйским языком переносные значения развиваются по типу классификационных систем родства (появляется возможность употребления слова *мужык* в значении «муж»), тогда как в ареале взаимодействия с ненецким активизируется самодийская модель «старик».

Однако и в других контактных зонах расселения – хантов и ненцев, хантов и селькупов, преимущественно на периферии ареалов их обитания – происходят аналогичные процессы. Так, на севере Ямало-Ненецкого АО, в пос. Горнокнязевск, Аксарка и Катравож, где приуральские ханты соседствуют с ненцами, происходит разрушение исконной классификационной системы родства в некоторых ее частях: для обозначения понятия «бабушка» используется заимствованное из ненецкого слово *хада*, которое употребляется независимо от того, к линии отца или матери относится этот родственник. Причем на прямые вопросы, знают ли носители этого диалекта термины *аукцаици* ‘бабушка по отцовской линии’ и *аукаңки* ‘бабушка по материнской линии’, они отвечают, что такие слова им не известны, они их не употребляют.

Тем самым система терминов родства в ареале Ямало-Ненецкого АО оказывается в высокой степени подвержена контактными изменениям – как на уровне заимствования лексем, так и на уровне заимствования моделей устройства системы. Селькупский язык испытывает подобные явления в наименьшей степени.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

ГЛАЗ, НОС, РОТ, УХО, ЛИЦО, ЩЕКА, ЯЗЫК, НОГА, РУКА

Данный раздел посвящен наименованиям частей тела, которые будут рассмотрены с точки зре-

ния их прямых значений, полисемии и грамматического (в первую очередь числового) оформления.

ГЛАЗ

Ненецкий

Значение 'глаз' повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, выражается существительным *сэв*. В литературе по тундровому ненецкому языку отмечается, что при обозначении парных предметов употребляется показатель множественного числа (см., например, [Терещенко 1956: 40–41]). Однако на обследованной территории это правило соблюдается не всегда. Наряду с примерами, в которых существительные, обозначающие парные предметы, оформлены показателем множественного числа, довольно частотны и примеры с показателем двойственного числа, что подтверждается и соответствующими числовыми показателями сказуемых, ср.: *Сэврини нади*" ('Меня спрятали на другую сторону чума.) Одни глаза видны' (с. Антипаюта); *Сэвахана то' сэлахаха*' 'Глаза его стали как лед на озере' (г. Салехард).

Селькупский

В селькупском языке глаз повсеместно обозначается существительным *сайы*. Обычно оно употребляется с посессивными показателями. Важно отметить, что селькупское слово *сайы* в форме единственного числа обозначает не один, а два глаза, полный комплект глаз одного человека или животного. Это соответствует общей тенденции, согласно которой в селькупском языке именно формой единственного числа описываются парные предметы. Если речь идет об одном глазе, то употребляется выражение *нэ-лаль сайы* на Среднем Тазе и Турухане и *нэлай сайы* на Верхнем Тазе и Верхней Тольке; буквально это значит 'половинный глаз'. Под влиянием русского языка уральская модель представления одиночно-

го члена пары вытесняется, и сегодня селькупы все чаще называют один глаз русской калькой *уккыр сайы* (букв.: один глаз).

Существительное *сайы* используется и как показатель сингулятива, обозначающий мелкие предметы округлой формы: *пү-ль-сайы* 'градинка' (камень-ADJ-глаз, букв.: каменный глаз), *сырыс-сайы* (снег-GEN-глаз, букв.: снега глаз), *топыр-сайы* 'ягодка' (букв.: ягода глаз).

Хантыйский

В хантыйском языке глаз (как у людей, так и у животных) обозначается существительным *сэм*. Табуированное название глаз у медведя – *хус* 'звезды'.

У лексемы *сэм* развиваются и метафоры, основанные на уподоблении по форме. Так, она применяется по отношению к объемным, сферическим или овальным предметам (семя, орех, ягода, капля), овальным или округлым плоским предметам (ячейка в сети), искре, например: *доңыз сэм* 'снежинка' (букв.: снег глаз), *һаһ сэм* 'зерно' (букв.: хлеб глаз), *сэй сэм* 'песчинка' (букв.: песок глаз) и др.

Существительное *сэм* может употребляться в форме единственного числа для обозначения двух глаз как единого парного органа: сынск. *Өхем, сэ-мем ахты йисэт, ищи мятты мўем а́л сыйийа́л* 'Что стало с моей головой, с моими глазами (букв.: с моим глазом), земля как будто так и кружится'; сынск. *Сэм вотэн воттыйэн кйиийа илү* 'Когда глаза (букв.: глаз) ветром обветриваются, начинают болеть'.

Эта особенность видна и в составе парных слов, включающих производные от слова *сэм* с суффиксами обладания или, наоборот, отсутствия: *һалэң-сэмэң*

вени ‘красивое лицо’ (букв.: с носом, с глазом лицо), зафиксирована также интерпретация этого выражения как ‘хитрый’; *о́хлы-сэмды рупитэл* ‘без головы, без глаза работает’ (о человеке, который работает без передышки, желая быстрее завершить работу).

Для обозначения одного глаза может использоваться конструкция *сэм пэлэк*, буквально означающая ‘половина глаза’.

Однако такие употребления встречаются преимущественно в фольклорных текстах, в живой речи современных носителей хантыйского языка слово *сэм* ‘глаз’ для обозначения парного органа все чаще употребляется в формах двойственного числа, например: сынск. *Наң ай хойат, сэм-ий-ңэл-ан калэңэн* ‘Ты молодой человек, глаза (букв.: глаз-POSS.2SG.DU) у тебя зоркие’; шур. *Сэм-ңэл-ам лйп пентатсаңэн* ‘Глаза (букв.: глаз-POSS.1SG.DU) закрылись’; сынск. *Сэм-ңэн-а кйши* ‘Больно глазам’ (букв.: глаз-DU-DAT).

Форма множественного числа обозначает, что речь идет о глазах не одного человека, а нескольких людей, например: сынск. *Сэм-дал* (букв.: глаз-POSS.3PL.PL) *вевтамэт* ‘Глаза их плоховаты’.

Существительное *сэм* часто употребляется в составе парного слова со вторым компонентом *пйд* ‘ухо’. Порядок следования этих двух компонентов может быть любым, ср.: *пйды-сэмды* ‘глухой-слепой’ (букв.: без уха – без глаза), *сэмды-пйды* ‘слепой-глухой’ (букв.: без глаза – без уха). Компоненты парного сло-

ва могут быть одновременно оформлены показателем двойственного числа: *Сэм-ңэл-ам-пйд-ңэл-ам нэмэлты айт хулдэңэн* ‘Мои глаза-уши (букв.: глаз-POSS.1SG.DU-ухо-POSS.1SG.DU) ничего не слышат’. В таких примерах числовой показатель указывает на реальное значение парности, в отличие от случаев типа *име-ңэн-ике-ңэн* ‘жена и муж’ (букв.: муж-DU-жена-DU), где он передает только семантику совместности, но не предполагает наличия двух жен или двух мужей.

Коми

Значение ‘глаз’ выражается в изученных говорах существительным *син* (употребляется во всех коми диалектах, как указано в [КСК II: 370]).

Форма единственного числа *син* может в зависимости от контекста обозначать как один глаз, так и оба глаза (последнее значение в современном языке также иногда кодируется формой множественного числа *сингяс* ‘глаза’), ср. следующие примеры из говора с. Мужи: *Отік синме дойме* ‘Один глаз у меня болит’; *Челядьыс нин узьны мөдэ, синнас ропкайтэ* ‘Ребенок уже спать хочет, глазами (букв.: глазом) моргает’; *Тишыныс меньчум сингясэс сотэ* ‘Дым мне глаза жжет’. Для выражения значения ‘один глаз’ может использоваться форма *синпö* (букв.: половина глаза; ср. также прилагательное *синпöла* ‘одноглазый’), в современном языке, однако, малоупотребительная.

НОС

Ненецкий

Значение ‘нос’ везде на обследованной территории, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, выражается существительным *ныя*. Это же слово используется в значении ‘клюв птицы’.

Селькупский

Во всех северных говорах употребляются различные фонетические варианты одного и того же слова для обозначения носа: *ынталь* (Средний Таз –

Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *интэль* (Турухан – Фарково), *ынтэй* (Верхний Таз – Толька Красноселькупская, Киккиакки), *инчэй* (Верхняя Толька – Толька Пуровская, Быстринка). Нос животного может называться так же. Кроме того, в селькупском языке есть существительное *у́кы*, обозначающее нос и губы животного. Оно же может употребляться и для обозначения морды животного полностью, а кроме того, может служить наименованием передней части предмета. И существительное *ынталь*, и существительное *у́кы* обычно используются с посессивными показателями.

Хантыйский

В прямом значении для обозначения носа или его функционального аналога у живых существ (нос человека, животных, рыб; клюв у птиц; хоботок у насекомых) употребляется существительное *ньӧл* (шурышкарский диалект) / *ньӧл* (приуральский диалект). Переносно это существительное описывает передние части некоторых предметов – например, лодки, обуви, лыж, а также обозначает мыс как часть суши: сынск. *Муӳ холдӧд, ньӧдӧд кишӧддӧд* ‘Что плачет, носом шмыгает’; *Аӳ ампийӧ питы ньӧд тайӧд* ‘У щенка нос черный’; *мӧхсӧнь ньӧл* ‘нос муксуна’; *тор ньӧл* ‘клюв журавля’; *Пелӧца ньӧл йинтӧп тай хӧрпи* ‘Хоботок комара на кончик иглы похож’; *хоп ньӧл* ‘нос лодки’; *вай ньӧл* ‘носок кивосов’; *дӧх ньӧл* ‘носок лыж’; усть-собск. *Кайӧк ньӧл сӧйӧн пан ньӧл тайӧа пелӧнтӧс* ‘Носовая часть каюка уткнулась в берег песчаного мыса’.

Ненецкий

Значение ‘рот’ повсеместно выражается лексемой *ня* ‘рот’ или словосочетанием *ня’ си* (букв.: отверстие рта). Словосочетание *ня’ си* используется также в значении ‘пасть животного’.

Селькупский

Для обозначения рта используются фонетические варианты одного и того же слова – *ѳк* (Средний Таз и Турухан), *ѳу* (Верхний Таз) и *ѳу* (Верхняя Толька) – обычно с посессивными показателями. Данная лексема употребляется также в значении ‘отверстие’, например: *мѳта-н ѳк* (дверь-GEN отверстие) ‘дверной проем’, а также ‘устье (реки)’.

Хантыйский

В хантыйском языке имеется существительное *уӧдӧл*, обозначающее рот человека или его функци-

Особенностью употребления слова *ньӧл* / *ньӧл* для обозначения части тела человека состоит в том, что оно обязательно принимает лично-притяжательные аффиксы, например: *Ньӧдӧд хӧв* ‘Нос его длинный’.

Коми

Нос человека во всех обследованных говорах обозначается существительным *ныр*. Согласно [КСК I: 1024], оно повсеместно используется в диалектах коми языка. Данное существительное, кроме того, имеет значение ‘клюв (птицы)’, а также описывает переднюю часть неодушевленного предмета (например, лодки или ботинка). Существительное *ныр* выступает и в ряде устойчивых сочетаний, как в примерах из говора с. Мужи: *Нырӧс сылысь он бергед* ‘Его не переубедишь’ (букв.: Нос его не свернешь); *Кукань рожса, баля ныр* ‘Бестолковый, неуклюжий’ (букв.: Телячья морда, овечий нос).

РОТ

ональный аналог у животных (пасть). В словаре [Соловар 2014] для казымского диалекта зафиксировано выражение *и уӧдӧл* ‘в один голос’, что позволяет предположить наличие метонимического лексико-семантического варианта ‘голос’.

Для обозначения части тела человека существительное *уӧдӧл* употребляется в лично-притяжательной форме, тогда как для обозначения пасти животного посессивное оформление не обязательно: сынск. *Уӧдӧд аӧд на щӧи лӧп хӧтӧцӧслы* ‘Рот свой так и пришлось захлопнуть’; *Амӧп уӧдӧл уӧс хӧрпи* ‘На собачью пасть похоже’.

Коми

Значение ‘рот’ во всех говорах выражается лексемой *вом*; по данным [КСК I: 239], она повсеместно употребляется в других диалектах. Это слово обозначает также пасть животного. Данное существительное используется в некоторых устойчивых сочетаниях, обозначающих раз-

- К** коми
- Х** хантыйский
- Н** ненецкий
- С** селькупский

говорчивого или болтливового человека, ср. примеры из мужевского говора: *Вомтэ ин паськед!* ‘Не болтай!’ (букв.: Рот свой не раскрывай); *Зэй*

этиша вед нин кык вомен оз сёрнит ‘Очень уж он разговорчивый’ (букв.: Чуть ли не в два рта говорит).

УХО

Ненецкий

Значение ‘ухо’ повсеместно выражается существительным *ха*. Эта же лексема используется и в значении ‘ухо животного’, ср., например, выражение *ха лэбтана* ‘вислоухий’ (о собаке).

Селькупский

Для обозначения уха используются два разных слова: одно по всем говорам – *џо* с вариантом *хџо*, который наряду с *џо* используется в верхнетолькинском говоре (Толька Пуровская, Быстринка). Кроме того, на Среднем Тазе для обозначения уха используется имя орудия действия от глагола ‘слушать’ – *џукыл-са*. Оба существительных обычно употребляются с посессивными показателями. В фольклорных текстах встречается выражение *шџ-кџл*, *џџ-кџл*, обозначающее, что человек мертв (язык-CAR ухо-CAR, букв.: без языка, без ушей, т. е. не говорит и не слышит).

Хантыйский

В хантыйских говорах ухо (и у человека, и у животного) обозначается существительным *пӓл*. Форма единственного числа может использоваться для обозначения двух ушей, аналогично тому, как слово *сэм* ‘глаз’ также обозначает парный орган зрения, например: сынск. *Нӓң мӓй сэм-пӓл ӓнт тӓйдӓн?* ‘У тебя разве нет глаз и ушей?’ (букв.: Ты что, глаза-уха не имеешь?).

Одно ухо может, как и в случае других парных частей тела, обозначаться конструкцией с существительным *пелӓк* ‘половина’, например: *усть-собск. И пелӓк пӓдна дӓв ӓн худӓл* ‘Одним ухом (букв.: одной половиной уха) он не слышит’.

В бытовой речи существительное *пӓл* употребляется в форме двойственного числа и при обозначении органа человеческого тела обязательно принимает лично-притяжательные показатели: *шур. Туп пӓл-ӓдӓл хӓдна йӓмкем щӓщ рӓв тӓй-дӓӓн* ‘Только уши (букв.: ухо-POSS.3SG.DU) все еще некоторую чувствительность имеют’.

Некоторые особенности употребления лексемы *пӓл* в составе парных слов описаны в комментарии к карте «Глаз».

Коми

Ухо человека или животного обозначается, как и в других коми диалектах [КСК II: 88], существительным *пель*. Форма единственного числа данного существительного (*пель*) может, в зависимости от контекста, обозначать как одно ухо, так и оба уха, см. иллюстрации (с. Мужы): *Давление ыджыд лои, и пеле тупкысис, нинэм иг кучы кыыны* ‘Давление поднялось, и уши заложило, ничего не стала слышать’; *Пелям зыыге, ном пырис* ‘В ухе шумит, комар попал’. В современном языке в значении ‘уши’ иногда фиксируется и форма множественного числа *пельяс*, ср. примеры из говора с. Мужы: *Кычанлэн кузь пельыс* ‘У щенка длинные уши’ vs. *Кӓчыслэн кузь пельясыс* ‘У зайца длинные уши’.

ЛИЦО

Ненецкий

Значение ‘лицо’ везде на обследованной территории, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, передается при помощи существительного *ся*”.

Селькупский

В говорах Среднего Таза (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск) лицо обозначается лексемой *вэнты*, в говорах Верхнего Таза, Верхней Тольки и Турухана – *манты*. Оба варианта обычно употребляются с посессивными показателями.

Хантыйский

В шурышкарском диалекте лицо обозначается существительным *вениш*. В приуральском диалекте ему по регулярным фонетическим закономерностям соответствует существительное *венс*. Оно используется для называния лица человека и морды животного. При характеристике лица конкретного человека оно регулярно принимает лично-притяжательные суффиксы: сынск. *Лэдды-йиыщды йаңхтэн энты, вениш-ен* (лицо-POSS.2SG.SG) *вёдды ораммад* ‘Пока без еды, без питья ездись, лицо совсем исхудало’; *Най йэщэрт вениш-ен* (лицо-POSS.2SG.SG) *ўрттыя йис* ‘На солнце лицо твое стало красным’.

В переносном значении это слово обозначает лицевую, переднюю поверхность какого-либо предмета, например: сынск. *сәңхэм вениш* ‘обрыв крутого яра’ (букв.: крутого яра лицо).

Типичное расположение седока на нарте с левой стороны лицом по пути движения является основой для формирования переносного значения сочетания *вениш пелэк* ‘левая сторона’ (букв.: сторона лица), например: сынск. *Вениш пелэк энты мохэлтсэдды* ‘С левой (букв.: лицевой) стороны обогнул’; сынск. *Йуш йохартэн вениш пелка йирда-*

ты ‘На развилке в левую сторону перейдите’; ср. *пярта пелэк* ‘правая (букв.: обратная) сторона’. В казымском диалекте обозначение левой и правой сторон основано на другой паре противоположных признаков: *йәм пелэк* ‘правая (букв.: хорошая) сторона’ [Соловар 2014: 80, 91] и *атәм пелэк* ‘левая (букв.: плохая) сторона’ [Там же: 29]; ср. также другие наименования левой стороны в казымском диалекте: *кэдаң пелэк* (букв.: веревочная сторона, т. е. сторона вожжи) [Там же: 134], *пүва пелэк* ‘левая сторона’ [Там же: 261], *хунша пелэк* ‘левая сторона’ (от *хунша* ‘вверх лицом’) [Там же: 349]. Возможно, различия в этой области между казымским, с одной стороны, и шурышкарским и приуральским диалектами, с другой, связаны с большим распространением оленеводства на севере, что и находит отражение в лексике, связанной с традиционными видами хозяйства.

Коми

Значение ‘лицо’ выражается в обследованных говорах русским заимствованием *рожса*. При этом в коми-зырянском языке данная лексема, в отличие от русского источника, не несет отрицательной смысловой окраски: *Сылэн рожса топ нин шондіа* ‘У него лицо прямо солнечное’ (с. Мужи). Морда животного обозначается в ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО тем же словом: *Куканьыслэн рожайс сера* ‘У теленка морда пятнистая’ (с. Мужи).

В [КСК II: 292] лексема *рожса* в значении ‘лицо’ фиксируется для нескольких диалектов, включая ижемский (и в других диалектах оно также обязательно передает отрицательную оценку, ср. словарный пример из вымского диалекта *мича рожсаа* ‘с красивым лицом’). Для ижемского диалекта отмечено также значение ‘фасад (здания)’, однако в наших материалах оно не встретилось. Литературное слово *чужо́м* ‘лицо’ [КСК II: 733] узнается некоторыми носителями зауральских говоров, но в повседневной речи, как правило, не используется (за ис-

ключением, по-видимому, отдельных идиолектов в с. Белоярск). Существительное *бан* (согласно [КСК I: 55], повсеместно выражающее значение ‘лицо’) в обследованных говорах не применяется в таком значении и может описывать только лицевую сторо-

ну ткани или одежды: *Тэнад кофта гугнас, баннас кар* ‘У тебя кофта наизнанку, переверни на лицевую сторону’ (с. Белоярск). В [КСК I: 55] такие употребления отмечены для ижемского, лузско-летского и удорского диалектов коми языка.

ЩЕКА

Ненецкий

В ненецком языке эквивалентом русского ‘щека’ являются два слова – *паду* и *пайды*. В «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко [1965], составленном на основе большеземельского говора тундрового диалекта, эти два слова переводятся одинаково как ‘щека’, между ними устанавливаются взаимные соответствия через помету *ср.*, для обоих дается словосочетание с существительным *лы* ‘кость’: *пайды’ лы, паду’ лы* ‘скула’. По утверждению наших информантов, в значении этих слов имеются различия: *паду* обозначает мягкую переднюю часть лица около носа, тогда как слово *пайды* может быть употреблено более широко – по отношению ко всей щеке, в том числе и к боковой части возле уха. Слово *пайды* может, по нашим данным, сочетаться с существительным *лы* ‘кость’ для обозначения скулы.

Селькупский

В селькупских говорах щека, точнее щеки, полный их «комплект» у человека, на всей рассматриваемой территории обозначается лексемой *пўтыл*. Точно так же повсеместно употребляется сложное слово *пўтыл-лэ* (щека-кость) со значением ‘скула (скулы)’.

Хантыйский

В хантыйском языке наименованиями щеки выступают не специализированные лексемы, а словосочетания. В шурышкарском диалекте эквивалентом русского ‘щека’ являются словосочетания *вени пўңэл*, *вени хўцэң*, *вени пўтар*, в приуральском – *венс хўцэң* (букв.: лица сторона). В шурышкарском

и приуральском диалектах наблюдаются закономерные фонетические соответствия свистящих *ш* и *с* в слове *вени / венс* ‘лицо’. Наличие двух возможных вариантов обозначения щеки в шурышкарском диалекте обусловлено, вероятно, его промежуточным положением между казымским и приуральским диалектами: для казымского диалекта в словаре В. Н. Соловар зарегистрировано выражение *вени пўңэл* [Соловар 2014: 66], для приуральского в словаре З. И. Рандымовой – *венс хўцэң* [Рандымова 2011: 24], что полностью согласуется с собранными нами материалами. Слово *пўңэл* ‘сторона’ известно во всех западных диалектах хантыйского языка, так же как и общехантыйский пространственный послелог *хуца / хўца* ‘к, у, в, при’, обозначающий местонахождение вблизи того или иного предмета, на основе которого в приуральском диалекте образовано имя *хўцэң* ‘сторона’, вероятно уникальное именно для данного диалекта. Однако в разных диалектах выбор между близкими по семантике лексемами оказался различным.

В отличие от других слов, обозначающих парные части тела человека, сочетание *вени пўңэл* ‘щека’ не зарегистрировано в форме единственного числа для обозначения парного органа, оно оформляется лично-притяжательным показателем множественного числа, ср.: шур. *Вени пўңэл-дам хўват сэм йиңкдам щиты щорьдэт* ‘Слезы по щекам (букв.: лицо сторона-POSS.1SG.PL) так и льются’.

Коми

В коми-зырянском языке для наименования щеки используется лексема *банбёк* с фонетическим вариантом *банбэк*. Это существительное

образовано путем сложения слов *бан* и *бӧк* (заимствовано из рус. *бок*). Тем самым коми-зырянский язык выбирает здесь ту же стратегию, что и хантыйский, используя составное наименование щеки. В литературном коми-зырянском языке лексема *бан* имеет значение ‘лицо, лицевая сторона чего-либо’, а наименование щеки выглядит как *бан бок* и трактуется в словарях [Лыткин 1961; ССКЗД 1961] как словосочетание. В обследованных говорах ижемского диалекта существительное

бан имеет лишь значение ‘лицевая сторона (например, ткани, одежды)’: *Нойыслэн и гуг и бан ӧткойд* ‘У сукна изнанка и лицевая сторона одинаковые’ (с. Мужи). В свою очередь лицо обозначается русским заимствованием *рожса*. Поэтому для данных говоров, учитывая также ряд морфосинтаксических критериев (неотделимость компонентов друг от друга, отсутствие морфологического оформления первого компонента), имеет смысл рассматривать *банбӧк* как композит, а не словосочетание.

ЯЗЫК

Ненецкий

Значение ‘язык’ как орган в полости рта повсеместно выражается существительным *нямю*. Это слово используется и в значении ‘язык животного’. Значение ‘язык’ как ‘система коммуникации, речь’ передается при помощи существительного *вада* ‘слово’, ср. *ненэчя’ / ненэця’ вада* ‘ненецкий язык’.

Селькупский

В значении ‘язык’ повсеместно употребляется лексема *шӧ*. В Ратте, Пуровской Тольке и Быстринке, а также в говорах Турухана возможны также варианты *сӧ*, *сӧ*. Это существительное обычно употребляется с посессивными показателями.

В фольклорных текстах встречается выражение *шӧ-кӧл*, *цӧ-кӧл*, обозначающее, что человек мертв (язык-САР, ухо-САР; букв.: без языка, без ушей, т. е. не говорит и не слышит).

Хантыйский

В хантыйском языке используются два разных слова для обозначения понятия ‘язык’ как органа человеческого тела и как системы коммуникации, речи: *ньадэм* ‘язык как часть тела’, *йасэң* ‘язык как система коммуникации, речь; слово’.

Коми

Значение ‘язык’ (часть тела) выражается существительным *кыы* (варианты в других диалектах – *кыл*, *кыв*, последний также принят в литературном коми [КСК I: 783, 789]). Это же существительное повсеместно имеет значение ‘язык’ (как коммуникативная система, речь) и ‘слово’, ср. следующие примеры: *Ин роч кылэн висътоо*, *изьва кылэн висътоо* ‘На русском языке не говори, говори на языке изьватас’ (с. Восяхово); *Меньчум юалисныс кыысэ, ме иг куж висътооны* ‘У меня спросили слово, я не смогла сказать’ (с. Мужи). Как следует из словарных данных, такая полисемия распространена и в других диалектах коми языка.

НОГА

Ненецкий

Значение ‘нога’ повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, выражается существительным *нэ*. Ступня повсеместно описывается словосочетанием *нэ' лембя* (букв.: лопасть ноги). Числовое оформление соответствует общим закономерностям для парных частей тела, см. комментарий к лексеме ‘глаз’.

Селькупский

В селькупских говорах нога повсеместно обозначается существительным *топы* (обычно с possessивными показателями). В форме единственного числа оно обозначает не одну, а две ноги, полный комплект ног у одного человека. Если речь идет об одной ноге, то употребляется выражение *пэлалъ топы* на Среднем Тазе и Турухане и *пэлай топы* на Верхнем Тазе и Верхней Тольке; буквально это значит ‘половинная нога’. Под влиянием русского языка уральская модель представления одиночного члена пары вытесняется, и сегодня селькупы все чаще, говоря об одной ноге, употребляют русскую кальку *уккыр топы* (букв.: одна нога).

На селькупском материале интересно также отметить соответствие ‘рук’ и ‘ног’ человека конечностям животных. Для обозначения передних ног животных используется слово *уты* ‘рука’, а для обозначения задних ног – *топы* ‘нога’.

Хантыйский

В значении ‘нога’ повсеместно употребляется слово *кўр*, которое обозначает также и конечности животного. Это существительное может относиться как к ступне (ср. англ. *foot*): *Йох хўйат кўтьи кўрэн шуңхэслы* ‘Мужик пнул кошку ногой’ (с. Овгорт); так и к ноге от пальцев до бедра (ср. англ. *leg*): усть-собск. *Кўрңидам-йошңидам щиты потсайңэн* ‘Руки-ноги так замерзли’.

Как и другие слова, обозначающие парные органы, слово *кўр* в форме единственного числа может обозначать одновременно обе ноги: сынск. *Тўмтак йош, тўмтак кўр* ‘За здоровье’ (букв.: здоровая рука, здоровая нога; благопожелание).оборот *кўр пелэк* (букв.: половина ноги) используется, если речь идет об одной ноге: сынск. *Ўдэм и кўр пелкэл мушэммад* ‘Олень одну ногу поранил’.

При обозначении части тела человека это существительное употребляется с лично-притяжательными суффиксами, например: *Дўв имед кўр-эл* (букв.: нога-POSS.3SG.SG) *шўкэтэс* ‘Его жена сломала ногу’. Зафиксированы также формы двойственного числа: шур. *Ма кўр-ңидам* (букв.: нога-POSS.1SG.DU) *потсайңэн* ‘Мои ноги (букв.: две моих ноги) замерзли’.

Встречаются также примеры, в которых это слово стоит в форме множественного числа, если речь идет о нескольких людях, например: шур. *Кўр-дал-эн* (букв.: нога-POSS.3PL.PL) *хўдыа нўки вай тўйдэт* ‘На ногах у всех летние кисы, сшитые из оленьей кожи’; сынск. *Йошдал-кўрдал такамэсэт, муй щи киңыца?* ‘Руки, ноги окрепли, что еще?’.

В некоторых случаях формы множественного числа появляются, возможно, под влиянием русского языка, однако условия функционирования подобных форм следует еще уточнить: сынск. *Кўр-лан* (букв.: нога-POSS.2SG.PL) *пурэнтадэн, пурэнтадэн, ат хошэмдэт* ‘Ногами топай, топай (букв.: Ноги топчи, топчи), пусть согрются’.

Коми

Нога описывается в обследованных идиомах существительным *кок*, широко распространенным, по данным [КСК I: 691], и в других коми диалектах. По нашим материалам, оно может описывать как нижнюю часть ноги, так и всю ногу, не вступая тем самым в семантическую оппозицию типа английского *foot* vs. *leg*. С точки зрения числового маркирования существи-

тельное *кок* проявляет аналогичные свойства с другими названиями парных частей тела – значение ‘ноги’ может выражаться как формой единственного числа, так и формой множествен-

ного числа: *Этия сапогыс лёка пукалэ кок вылам, и ме зырти кокес* ‘Эти сапоги плохо сидят на ногах, и я натер ноги’ (с. Белоярск); *Ме мыди, кокъясэ дойменыс* ‘Я устал, ноги болят’ (с. Белоярск).

РУКА

Ненецкий

Значение ‘рука’ повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, выражается существительным *нуда*. Встречается фонетический вариант *уда* (с. Аксарка и Ярсале). Кисть руки повсеместно описывается словосочетанием *нуда' лембя* (букв.: лопасть руки). Числовое оформление наименований руки следует тем же закономерностям, которые были сформулированы выше для наименований глаза.

Селькупский

В селькупских говорах наименованием руки повсеместно служит существительное *уты*. Обычно оно употребляется с посессивными показателями. Селькупское слово *уты* в форме единственного числа обозначает не одну, а две руки, полный комплект рук у одного человека. Если речь идет об одной руке, то употребляется выражение *нэлай уты* на Среднем Тазе и Турухане, *нэлай уты* на Верхнем Тазе и Верхней Тольке; буквально это значит ‘половинная рука’. Под влиянием русского языка уральская модель представления одиночного члена пары вытесняется, и сегодня селькупы все чаще, говоря об одной руке, употребляют русскую кальку *уккыр уты* (букв.: одна рука).

Хантыйский

Для обозначения руки повсеместно употребляется слово *йош* (шурышкарский диалект) / *йос, йас* (приуральский диалект). Оно может относиться как к кисти руки (ср. англ. *hand*): *Ма шай ан йошэн катэдэм* ‘Я чашку в руках держу’ (с. Овгорт), так и к руке от пальцев до плеча (ср. англ. *arm*): *Ики имэд йошэн айдэдды* ‘Муж несет жену на руках’ (с. Овгорт).

Как и обозначения других парных органов человеческого тела, слово *йош / йос / йас* употребляется в форме единственного числа для обозначения обеих рук: шур. *Кашэң нэ хун тус йош тэйэд, щит хёты турэм эдты партман уд* ‘Не каждая женщина умелые руки (букв.: руку) имеет, это умение от бога дано бывает’.

Коми

Значение ‘рука’ выражается в обследованных идиомах существительными *ки* и *сой* (вторая из этих лексем не встретилась в с. Шурышкары и с. Нори, однако с коми стимула ее наличие или отсутствие нами не проверялось). Носители языка расходятся в интерпретации их семантического соотношения: для одних *ки* описывает кисть руки, а *сой* – руку (*arm*) целиком, тогда как для других к руке целиком относится лексема *ки*, а *сой* обозначает либо предплечье, либо руку от плеча до кисти. В [КСК I: 661; КСК II: 400] утверждается, что лексема *ки* имеет в диалектах коми языка значение ‘рука’ (детализация денотата в словаре не приводится), а лексема *сой* – значение ‘рука’ (от плеча до кисти). С точки зрения числовой референции форма *ки* может обозначать как единственный, так и парный объект: *Ме куілі ки вылам, и кие подяліс* ‘Я лежала на руке, и рука онемела’ (с. Белоярск) vs. *Ме нуси, менам кие выесь* ‘Я готовила, у меня руки в масле’ (с. Белоярск). При референции к парному объекту возможна и форма множественного числа *кияс*: *Менам частэ подялэныс киясэ* ‘У меня часто немеют руки’ (с. Мужы). Для лексем *сой* характеристики числового оформления детально не проверялись. Имеющиеся примеры не дают оснований говорить о ее морфологических различиях с лексемой *ки*.

Обобщение данных

Суммируем основные закономерности, выявленные нами при анализе наименований частей тела.

1. Семантические оппозиции между наименованиями конечностей.

Для большинства рассматриваемых языков названия руки и ноги относятся ко всей руке и всей ноге целиком (рука – от плеча до кончиков пальцев, нога – от вершины бедра до ступни). Некоторое отклонение от этой модели наблюдается в коми-зырянском, где для обозначения руки используются лексемы *ки* и *сой*, приобретающие в различных идиолектах разные интерпретации того, какие части руки ими обозначаются.

2. Использование названий частей тела человека для названий соответствующих частей тела животных.

Большинство названий частей тела человека во всех четырех языках могут использоваться для наименования соответствующих частей тела животных. Исключение составляет наименование носа в селькупском: существительное *ынтáль*, обозначающее нос человека, в принципе может использоваться и по отношению к носу животных, однако чаще в последнем случае используется существительное *ўкы*, описывающее в целом переднюю часть морды животного.

3. Семантические сдвиги и идиоматические выражения.

Лексема со значением ‘глаз’ может описывать мелкие предметы округлой формы (в частности, в селькупском и хантыйском языках).

Лексема со значением ‘нос человека’ в большинстве языков (кроме селькупского) используется для обозначения передней части предметов. В селькупском языке такое значение передается лексемой, относящейся исходно к передней части морды животного.

У лексемы со значением ‘рот’ зафиксировано, по крайней мере для селькупского языка, значение ‘отверстие’, а также ‘устье реки’.

Наименование одним и тем же словом языка как части тела и как коммуникативной системы, речи встречается только в коми-зырянском. В трех остальных языках эти значения закреплены за разными лексемами: язык как средство коммуникации описывается лексемой со значением ‘слово’ (отметим, вместе с тем, наличие этого значения и у коми-зырянского обозначения языка как части тела и как коммуникативной системы).

На базе наименований частей тела во всех четырех языках существует богатая фразеология. Глаза и уши как органы восприятия осмысляются как средства, с помощью которых человек может воспринимать что-либо и понимать воспринятое. Соответственно, человек без глаз и ушей – глупец (хантыйский), без языка и ушей – мертвец (селькупский), с чистыми, незамутненными ушами – способный слушать и понимать (селькупский). Указание на наличие некоторых частей лица переосмыляется как эстетическая характеристика: с носом, с глазами – красивый (хантыйский), а указание на их отсутствие – как этическая характеристика: без лица – бесстыжий (хантыйский).

4. Происхождение и локальная вариативность.

Большинство лексем, описывающих части тела в четырех рассматриваемых языках, относятся к исконной лексике (общеуральской, угорской, пермской, общесамодийской). Заимствования из русского языка фиксируются только в ижемском коми: это существительное *рожа* ‘лицо’, а также второй компонент композита *банбõк* ‘щека’ (букв.: лицо + бок).

Названия частей лица и тела в целом стабильны (с точностью до фонетических вариантов) на всей территории функционирования рассматриваемых языков в пределах Ямало-Ненецкого АО. Вариативность отмечается лишь в отдельных случаях – для наименования уха в селькупском языке и щеки в хантыйском.

5. Грамматическое оформление.

Названия частей тела в рассматриваемых языках чаще всего оформляются посессивными показателями.

Менее тривиальными оказываются закономерности их числового оформления. В настоящее

время в рассматриваемых языках категория числа имеет разную структуру. Если для ненецкого, селькупского и хантыйского языков эта категория трехчленна (со значениями единственного, двойственного и множественного числа), то в коми-зырянском языке она двучленна (со значениями единственного и множественного числа). При подобном раскладе можно было бы ожидать, что в числовом оформлении наименований парных предметов три языка с двойственным числом будут противопоставлены четвертому, не имеющему двойственного числа. Однако наблюдается иная картина. Противопоставленным остальным языкам ареала оказывается ненецкий, где нейтральным является оформление наименований парных частей тела показателем множественного или двойственного числа (закономерности выбора конкретной граммы нуждаются в дальнейшем исследовании). Для селькупского, хантыйского и коми-зырянского языков нейтральной формой наименований парных частей тела является форма единственного числа (хотя в коми-зырянском и хантыйском встречаются и формы множественного числа, а в

хантыйском также и двойственного числа). Тем самым парные части тела воспринимаются в этих языках как единый «комплект» (это справедливо и для наименований парных предметов в целом). В наиболее чистом виде система представлена сегодня в селькупском языке, где наименования парных частей тела (и в целом парных предметов) никогда не оформляются ни показателем двойственного, ни показателем множественного числа, если речь идет об одном комплекте.

Один компонент парного комплекта описывается как ‘половина комплекта’ или ‘половинный комплект’: сельк. *сайы* ‘глаза’ (комплект, состоящий из двух глаз) – *пэла-ль сайы* ‘один глаз’ (букв.: половинный комплект глаз); *уты* ‘руки’ (комплект, состоящий из двух рук) – *пэла-ль уты* ‘одна рука’ (букв.: половинный комплект рук). В настоящее время эта конструкция утрачивается (вероятно, под русским влиянием). Так, в селькупском языке все чаще можно услышать *уккыр сайы* ‘один глаз’. В ижемском коми композит *синпöö* ‘половина глаза’ воспринимается сегодня как архаичный и употребляется редко.

БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ

ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ

ЖИТЬ

Ненецкий

Значение ‘жить’ повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, выражается глаголом *илесь* ‘жить, существовать’: *Мань Нарехана иледм’* ‘Я живу в Нори’ (с. Нори); *Та мальугана тэсяда ненэчь уани маяндорчъ илева* ‘В то время безоленный человек тоже жил в мучениях’ (с. Лаборовая). Этот глагол не тождествен вспомогательным бытийным глаголам *мэсь* и *уэсь*.

Селькупский

Основной селькупский глагол со значением ‘жить’ *илыџо* используется повсеместно. В текстах это один из самых частотных глаголов. Он означает и ‘жить вообще’, и ‘проживать в определенном месте’: *Ича илы-мп-а* (жить-PSTN-SG.SBJ) *имылянтысă* ‘Ича жил с бабушкой’.

Глагол *вэркыџо* ‘находиться на определенном месте, в определенных пределах’ гораздо менее частотен, хотя тоже известен на всей территории северных селькупских говоров. Этот глагол образован от переходного глагола *варыџо* ‘держат, содержать’. В отличие от северных селькупских говоров, в диалектах Томской области глагол *вэркыџо* конкурирует с глаголом *илыџо* по частотности, и сфера его употребления столь же широка.

Хантыйский

Значение ‘жить’ выражается в хантыйском языке глаголом *удты* (шурьшкарский диалект) / *одты* (приуральский диалект): шур. *Ун аьтем*

пърмал йўтийән, дўв хотәдән нәмәлт хойат аьнт уд ‘С тех пор как’ бабушка умерла, в ее доме никто не живет’. Этот же глагол передает значение ‘быть, существовать’: усть-собск. *Щимәш нәңхуй оддәт* ‘Такие люди есть’; значение ‘быть, находиться где-либо’: шур. *Йайэм рупатайән ус* ‘Мой старший брат был на работе’. Также он выступает в составе аналитических бытийных конструкций: шур. *Хун мөдты пөрайән мин духса усман* ‘Когда-то мы были друзьями’. В одном контексте могут сочетаться различные значения данного глагола, ср. в следующем примере ‘жить’ в первом вхождении и глагол-связка во втором: *сынск. Йәна па тәта удты йәм удмал* ‘И правда, здесь ведь хорошо было жить’.

Коми

Значение ‘жить’ передается в обследованных говорах глаголом *ооны* (литературное соответствие – *овны*). Он может выражать как семантику ‘жить, существовать’ (*Кудь олан-вөлан?* ‘Как живешь-поживаешь?’), говор с. Мужи), так и значение ‘жить, проживать где-либо’ (*Ме мөда ооны ыджыд городын* ‘Я хочу жить в большом городе’, говор с. Мужи).

Обобщение

В языках ареала значения ‘жить, существовать’ и ‘жить, проживать где-либо’ выражаются одной и той же лексемой. В хантыйском языке лексема с такой семантикой используется и как бытийный глагол, выражая значения существования, пребывания где-либо, а также употребляется в роли связки.

УМЕРЕТЬ

Ненецкий

Значение ‘умереть’ повсеместно выражается глаголом *хась*: *Тайкуй хавар хана толханю, мякартан' мят' тюлемима* ‘Он, по-моему, умер, давай его хотя бы в чум заташим’ (с. Антипаюта); *Вэняку хавы* ‘Собака умерла’; *Ненэчь хавы* ‘Человек умер’ (с. Лаборовая). По отношению к умершим родственникам или близким людям обычно используется эвфемизм – глагол *югумзь* ‘исчезнуть’. Встречается также, по-видимому под влиянием литературного языка, фонетический вариант *яугумзь*: *Чикы нер уани' хасава нюм' хо. Хасава нюмдахо"* мянда *мальугйна югумы* ‘А та жена родила сына. Во время родов она, говорят, умерла’ (с. Нори).

Селькупский

Повсеместно используется глагол *кужо* ‘умереть, сдохнуть’. В отношении людей нередко используется эвфемизм – *үррэйжо* ‘потеряться’: *Потом имыля, имыля-мы үры-с-аны* (потом бабушка бабушка-POSS.1SG потерять-PST-3SG.SBJ) ‘Потом бабушка, бабушка моя умерла’ (букв.: потерялась).

Глагол *кужо* может употребляться метафорически по отношению к онемевшим частям тела: *топам ку-льчы-мп-а* (умереть-PFV.INTENS-PSTN-3SG.SBJ) ‘моя нога онемела’ (букв.: умерла).

Хантыйский

Основными являются два глагола – *парты* и *хэды*. Глагол *парты* применяется по отношению к людям, тогда как глагол *хэды* – по отношению к животным (по оценкам некоторых носителей, он может быть применен и к человеку со сниженной окраской, но надежного массива таких примеров в нашем распоряжении нет). Употребление этих лексем иллюстрируется следующими примерами из

говора с. Овгорт: *Пирэц ики пэрэс* ‘Старый дедушка умер’; *Үдэт муш эдты хэдсэт (*пэрсэт)* ‘Олени от болезни пали’; *Төм хотэң ики ловэд хэдэс (*пэрэс)* ‘У соседа лошадь сдохла’; *Йёхан питэрэн хэдэм (*пэрэм) хүдэт өддэт* ‘На берегу валяется дохлая рыба’.

Глагол *парты* имеет также значение ‘пропасть’: сынск. *Тэдаң щос пэрэс* ‘Целый час пропал’; шур. *Лүв лыкэд пэрэс* ‘Злость его пропала’; а также значение ‘завершиться, закончиться’: сынск. *Атэм пөрайэд пэрэс* ‘Его плохой период завершился’; усть-собск. *Верэд пэрэс* ‘Дело его закончилось’.

Глагол *хэды* может применяться также по отношению к растениям, выражая в этом случае значение ‘завясть’: сынск. *Ма лыптэм хэдэс* ‘У меня цветок завял’.

В наших материалах зафиксированы и некоторые другие глаголы, для которых специфично значение ‘умереть’. Один из опрошенных носителей языка (родом из с. Питляр, проживает в с. Овгорт) отметил также возможность употребления глагола *момиты* по отношению к человеку и к животным. Данная лексема зафиксирована и в [Лельхова 2012: 97]. В сынском говоре встречается также глагол *апийты* ‘умереть’ (развернутых примеров его употребления в нашем распоряжении нет). В усть-собском говоре в работе И. А. Николаевой отмечен глагол *потэлэты* с таким же значением: усть-собск. *Nu хөјтет рэтэлэсэт хөјтет wüllі jüwmal pitl itta l'al'na tusajət* ‘Ну, кто умер, кто совсем большим стал и на войну его забрали’ [Николаева 1995: 233].

В некоторых случаях значение ‘умереть’ развивается метафорически на базе основного значения глагола. Так, оно имеется у глаголов падения *рэкэнты* ‘упасть’ и *аркэмтты* ‘рухнуть’: сынск. *Ирэм ики рэкэнты кемэн ул* ‘Дядя находится при смерти’; *Ин имэв аркэмал* ‘Эта женщина умерла’ (букв.: рухнула; обычно о пожилom человеке). К этой же группе примыкает и глагол *сүлкэмтты* ‘выпасть, выскользнуть’, тоже раз-

вивающий метафору смерти: сынск. *туьад съл-кэмтэм бтэд* ‘в прошлом году умерший человек’ (букв.: предмет). Обнаруживается такая метафора и у глаголов исчезновения и исчерпания ресурса – *сбвэмтты* ‘исчезнуть’, *ушты* ‘потеряться, пропасть’ и *посадэты* ‘растратиться’, см. пример для последнего: сынск. *Щацем ими утица хйцэс, рутлад иса посадэсэт* ‘Бабушка одна осталась, родственники все умерли’.

Помимо указанных глаголов, в хантыйском языке используется по отношению к смерти большое количество описательных оборотов: шур. *вера питты* ‘умереть не своей смертью’ (букв.: в дело упасть); *Пирэц ики айтэма йис* ‘Старый дедушка умер’ (букв.: стал отсутствием); шур. *Щи арат пйдамисэм, сймды хйц питсэм* ‘Я так перепугалась, чуть не умерла’ (букв.: чуть без сердца не осталась).

Информацию о некоторых других способах выражения семантики ‘умереть’ в шурышкарском диалекте (не встретившихся, однако, в наших полевых материалах) можно найти в [Нахрачева 2014: 43].

Коми

Значение ‘умереть’ по отношению к одушевленному субъекту (человеку или животному) выражается глаголом *кууны* (коми лит. *кувны*): *Кёрыс кулалисныс, мортис кулі сибирской язвасьыс и сіе колисныс тандара вылас* ‘Олени вымирали, человек умер от сибирской язвы, и

его оставили на протоптанном месте в тундре’ (с. Мужж). Этот же глагол передает значение ‘завянуть’ (о растении): *Туруныс кулэма нин* ‘Трава уже завяла’ (с. Мужж).

По отношению к человеку значение ‘умереть’ выражается также глаголом *бырны*: *Сыа рак висемьсь быри* ‘Он скончался от раковой болезни’ (с. Мужж); *Сыа мортис бырис* ‘Этот человек скончался’ (с. Белоярск). Буквально *бырны* означает ‘закончиться’, ‘износиться’, ‘сточиться’, ‘исчезнуть’, см. примеры из говора с. Мужж: *Няньыс бырис* ‘Хлеб закончился’; *Пу пыжыс бырис* ‘Деревянные лодки исчезли’; *Санег каблукьясыс бырэмэсь* ‘Каблуки сапог износились’; *Чер дорйыс бырэма* ‘Лезвие топора сточилось’; *Сылэн гёлэсыс бырэма* ‘У него голос пропал’. Встречаются и описательные обороты со значением ‘умереть’, например: *Лолыс тай петі* ‘Душа вышла’ (с. Мужж); *Лунья олэм колис* ‘Дневную жизнь оставил’ (с. Мужж).

Обобщение данных

В обследованных языках смерть человека и животного обозначается, как правило, одними и теми же глаголами. Исключение составляет хантыйский язык, где данные значения отчетливо распределены между двумя лексемами. Во многих случаях эта семантика выражается иносказательно – с помощью метафор от глаголов ‘упасть’, ‘исчезнуть’, ‘израсходоваться’ и некоторых других либо различными фразеологизмами.

умереть

Ямало-Ненецкий автономный округ

АКЦИОНАЛЬНЫЕ И СТАТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

ПОМОЧЬ, ПЛАВАТЬ, БОЛЕТЬ

ПОМОЧЬ

Ненецкий

Значение ‘помочь’ выражается глаголом *нядась*, форма дуратива *нядабась* ‘помогать’ указывает на протекающее действие, его срединную стадию. Имя, называющее участника, который получает помощь, оформляется показателем аккузатива: *Пили' небя-ми* (мать-ACC.POSS.1SG) *нядабась-тым'* ‘Я всегда помогал матери’ (с. Лаборовая).

Селькупский

Повсеместно используется глагол *пэлтыцо* ‘помочь’. В отличие от русского глагола с тем же значением, в конструкции с селькупским глаголом имя, описывающее адресат помощи, оформляется не дательным, а винительным падежом: *Маши́н* (1SG.ACC) *пэлтйи!* ‘Помоги мне!’.

Хантыйский

В хантыйском языке значение ‘помочь’ повсеместно выражается глаголом *ньотты*: сынск. *Ун хойатэ́та ньотты мосэ́д* ‘Нужно помогать старикам’; *Мя́на, ои сэ́хэд э́ңхты дү́вед ньоты* ‘Иди, помоги ему снять шубу’.

Имя, обозначающее участника, которому оказывается помощь, может выражаться:

– регулярно личным местоимением в форме винительного падежа, на что отчетливо указывает показатель, формально совпадающий с лично-притяжательным суффиксом, но регулярно оформляющий личные местоимения в объектной позиции. Поэтому в грамматических описаниях лично-притяжательный показатель личных местоимений отождествляется с показателем винительного падежа прономинального склонения: шур. *Давэ́рт йа́тэн дү́в ма́н-эм* (я-ACC)

йт ньотэс ‘В трудное время он мне (букв.: меня) не помог’; шур. *Му́й щирэ́н ма ны́н-ан* (вы-ACC) *йэ́дды пе́да ньотты питды́дэм?* ‘Как я в дальнейшем буду вам (букв.: вас) помогать?’; шур. *Му́й ху́ват йухат дү́в-ед* (он-ACC) *ньотэс* ‘Сколько времени потом ему (букв.: его) помогал’;

– зарегистрированы единичные случаи, в которых личное местоимение стоит в форме, условно называемой формой дательного падежа: усть-собск. *Мосты́ кемна дү́в иса пöрайна му́ң-ев-а* (мы-ACC-DAT) *ньотыды́йэд* ‘По мере необходимости он всегда нам помогает’. Личное местоимение принимает лично-притяжательный аффикс, отождествляемый с показателем винительного падежа, и показатель дательного падежа. Такое двойное падежное маркирование может быть связано с прагматическими факторами [Кошкарева 2001];

– именем существительным без падежного маркера, так как в именном склонении винительный падеж отсутствует: сынск. *Аи́цен ньотты хирэ́т адты́йа* ‘Папе (букв.: папу) помоги мешки носить’;

– от информантов получены также примеры, в которых имя в позиции объекта оформлено показателем дательного падежа: сынск. *Аи́-ен-а* (отец-POSS.2SG.SG-DAT) *ньота хирэ́т адты́йа* ‘Папе помоги мешки носить’; шур. *Ми́н кимэ́нтак а́ньт-емэ́н-а* (мать-POSS.3SG.DU-DAT) *ньотлэ́мэн* ‘Мы оба помогаем нашей маме’.

Выбор винительного или дательного падежа для оформления имени в объектной позиции может регулироваться сложными прагматическими факторами: личные местоимения чаще встречаются в форме винительного падежа, имена существительные – дательного. Однако конструкции с дательным падежом объекта могли возникнуть под влиянием русского языка. На употребление формы дательного падежа имен существительных

могли повлиять и формы личных местоимений, в которых второй собственно падежный показатель появляется в рематической позиции, тем самым он служит средством выражения не столько семантической роли, сколько коммуникативной функции.

Выбор формы винительного или дательного падежа существенно влияет на интерпретацию ситуации и распределение в ней ролей участников. Форма винительного падежа участника, получающего помощь, формирует представление о ситуации, в которой агенс непосредственно воздействует на пациенса, тогда как форма дательного падежа ассоциируется с семантической ролью бенефицианта – лица, извлекающего пользу из ситуации, а не претерпевающего непосредственное воздействие.

Коми

Значение ‘помочь’ выражается глаголом *ортсооны* (в с. Мужы зафиксирован также вариант *ортсооны*, но он существенно менее распространен). В других диалектах коми языка встречаются фо-

нетико-морфологические варианты *ортсалны*, *отсавны*, *отсални*, *отсалны* [КСК I: 1084, 1088]. Лексема, называющая участника, который получает помощь, оформляется при глаголе *ортсооны* дательным, а действие, в выполнении которого оказывается помощь, выражается инфинитивом глагола: *Ортсоо менум нуны көрöбкасэ* ‘Помоги мне нести коробку’ (с. Мужы).

Обобщение данных

Глаголы с семантикой ‘помочь’ демонстрируют в пределах ареала разные стратегии морфосинтаксического кодирования участника, которому оказывается помощь. В ненецком и селькупском языках он выражается прямым дополнением и оформляется аккузативом, в коми-зырянском получает дательное оформление, а в хантыйском совместим с обеими стратегиями. В языках мира достаточно распространены обе стратегии, ср., например, типологические данные базы ValPal (<http://valpal.info/microroles/helpee>).

ПЛАВАТЬ

Глаголам с семантикой движения в воде (плавание) посвящен типологический проект, результаты которого изложены в [Майсак, Рахилина (ред.) 2007]. Из языков нашего ареала в этом проекте был рассмотрен только селькупский. Имеются также данные по печорскому диалекту коми языка, существенно отличающемуся от изучаемого нами ижемского диалекта.

На приведенной карте показано распределение глаголов, описывающих плавание человека. Вместе с тем семантические противопоставления в этом поле намного шире. По данным [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], основная оппозиция связана со шкалой активности плавания, включающей следующие элементы:

- активное плавание живых существ;
- плавание судов / людей на судах;
- направленное пассивное перемещение в воде (например, плывущее по течению бревно);

– нахождение предмета на поверхности воды (например, мусор в озере).

Межъязыковые различия типов систем сводятся, во-первых, к тому, какие из участков шкалы активности различаются лексически, а какие описываются одинаково; во-вторых, к тому, развивают ли языки дополнительные семантические противопоставления внутри каких-либо участков.

Ненецкий

Для описания активного перемещения в воде животного или человека используется глагол *нохолёрчъ*: *Нохолы* ‘Плывет’ (о животном, человеке) (с. Новый Порт); *Вэняко нохолё мадаңгуда* ‘Собака переплывает реку’ (с. Новый Порт); *Ты нохолё мадаңгуда* ‘Олень переплывает реку’ (с. Новый Порт); *Нохолё теневадм’* ‘Я умею плавать’

**плавать
(о человеке)**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

(с. Сёяха); *ендад' уабта' ни' нохолёрчь* 'плыть против течения' (с. Яроно). В значении 'купаться, окунаться, нырять' по отношению к человеку, животному или птице используется глагол *пәдирчь* (с фонетическим вариантом *пәдерчь*; сс. Гыда, Ан-типаюта).

Для описания перемещения лодки используется глагол *минзь* 'двигаться': *енд' сер' минзь* 'плыть по течению' (с. Гыда); *Енд' ня' минзь саңгово"уа* 'Против течения плыть трудно' (с. Гыда); *Ендад' уабта' ни' миңа* 'Плывет против течения' (с. Яроно). Здесь ненецкий язык следует типологически распространенной стратегии, когда перемещение судов описывается общими глаголами движения типа 'идти'.

Пассивное перемещение по течению неодушевленных предметов описывается глаголом *ху"лэсь*: *Ху"лы* 'Плывет' (о предмете, который несет течением; с. Новый Порт); *Яха ендад' сер пэхэрэй ху"лы* 'По течению реки бревно плывет' (с. Сёяха).

Для обозначения пассивного плавного медленного движения по поверхности воды от информанта с. Яроно зафиксирован также глагол *хайнәсь*, основное значение которого – 'скользить, плавно и медленно двигаться по гладкой поверхности': *ендад' сер' хайнәсь* 'плыть по течению' (с. Яроно). Неясно, насколько в говорах на территории Ямало-Ненецкого АО этот глагол применим и по отношению к активному перемещению, однако в «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко для него приводятся соответствующие примеры: *ламбин хайна* 'мои лыжи скользят'; *мюд хайна* 'аргиш медленно двигается' и под. [Терещенко 1965: 723]. В [Янгасова 2001] встретился пример *Тай', сыркар" нанонда мюня пэнёвы намгэрида техэ ти", яв' ендакана хэня* 'Посмотри-ка туда, несет течением все вещи, которые были погружены в его корабль'. Вероятнее всего, в нем использован фонетический вариант глагола *хайнәсь*, и применяется он в данном случае к направленному пассивному движению в воде. Зафиксированы также примеры кодирования пассивного плавания общими глаголами перемещения, ср. глагол *минресь* 'нести; везти' в

примере *Но сэръ"я ся"ня намдаңгу, ид' ендад минрена нив на* 'Как же огромная льдина услышит, ведь ее несет течением' [Янгасова 2001].

В контекстах нахождения на поверхности воды без направленного перемещения глаголы плавания в наших материалах не зафиксированы.

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах для описания активного перемещения в воде животного или человека используется глагол *урҕо: шйпа ур-н-а* (плавать-INSERT-3SG.SBJ) 'утка плавает'. В значении 'купаться' по отношению к человеку, животному или птице используется тот же глагол.

Пассивное перемещение по течению неодушевленных предметов описывается глаголом *күрыҕо: шй күра* 'пена плывет по течению'. Для описания перемещения лодки вниз по течению используется глагол *пэнтыҕо*. Перемещение лодки против течения описывается глаголом *тйтыҕо*.

Хантыйский

Для обозначения процесса плавания человека, животных и рыб и неодушевленных предметов используются разные глаголы.

Активное плавание одушевленных существ (человека, животных и птиц) описывается глаголом *уцты* и его итеративным коррелятом *уцидыты*: *Ма уцдэм* 'Я плыву' (с. Восяхово); *Хөтэң уцэд төрэн күтэн* 'Лебедь плывет в траве' (с. Восяхово); *Хүд уцэд* 'Рыба плывет' (с. Восяхово); *Ампем васы хөца уцэд* 'Собака моя к утке плывет' (с. Восяхово); *Йох апицен вантман тайи, хүва аҕ уцэд* 'Смотри за братишкой, чтобы он не заплывал далеко' (с. Шурышкары).

К плаванию неодушевленных субъектов данный глагол не применяется. Так, движение судов и людей на судах описывается глаголами движения *мәнты* 'идти' или *йиты* 'прийти, приехать': *Муши эты Дор воша хопән мәндэм (*уцдэм)* 'На лодке плыву из Мужей в Шурышкары' (с. Восяхово);

*Пõх хопа дэдэс на Йамкурта мәнэс (*уцэс)* ‘Парень сел в лодку и поплыл в Ямгорт’ (с. Овгорт); *Хоп Йамкурт пэда мәнэс (*уцэс)* ‘Лодка ушла в сторону Ямгорта’ (с. Овгорт); *Лүв йама вантты питэс на шийадэсды, йайэд ай хопэн йитад* ‘Он присмотрелся и увидел, что это, оказывается, старший брат плывет в лодке’ (с. Шурышкары).

Пассивное перемещение субъекта по течению реки описывается глаголом *нопэтты* в пассивном залоге: *Йõхан хўват навэрт нопэтда* ‘По реке несет бревно’ (с. Овгорт); *Хайдэм хўдэт нопэтдайэт* ‘Дохлую рыбу несет течением’ (с. Овгорт); *Ас хўват йаха йэрэм навэртэт нопэтдайэт* ‘По реке плывет плот’ (букв.: вместе связанные бревна; с. Восяхово). Возможность использования этого глагола в активном залоге отвергается носителями языка, ср.: **õв навэрт нопэтэд* – ожидаемое значение ‘Течение несет бревно’ (с. Овгорт); **Ас õвэд ма навэртэм нопэтсэдды* – ожидаемое значение ‘Течение Оби унесло мое бревно’ (с. Овгорт).

Помимо глагола *нопэтты*, пассивное направленное перемещение в воде может описываться и глаголом с более общей семантикой *туты* ‘нести’: *Хоп õвэн туда* ‘Лодку несет течением’ (с. Овгорт). Опрошенные нами носители (в первую очередь в с. Овгорт), как правило, не усматривают семантических различий между *нопэтты* и *туты* в таких контекстах. Однако в некоторых идиолектах предпочтению отдается глаголу *нопэтты*.

В говоре с. Восяхово зафиксировано использование в контексте пассивного направленного плавания общего глагола движения *мәнты* ‘идти’: *Павэрт мәнэд* ‘Бревно плывет’ (с. Восяхово). В говоре с. Овгорт, где семантика глаголов плавания проверялась наиболее подробно, такое употребление не встретилось, а одним из носителей было эксплицитно отвергнуто.

Пассивное нахождение субъекта на поверхности воды (без отчетливого направленного перемещения) описывается глаголом *ховыйты*: *Түвэн нампэр ховыйэд* ‘В озере плавает мусор’ (с. Овгорт); *Йиңк эдты пõх ховыйэд* ‘На воде парень лежит’ (с. Овгорт); *Йаңк питэрэн хоп ховыйэд* ‘У берега реки лод-

ку качает ветром’ (с. Восяхово). При этом глагол *ховыйты* предполагает наличие в ситуации достаточно обширной водной поверхности. По отношению же к контейнерам небольшого размера используется бытийный глагол *удты*: *Данты анэн кårтошка уд (*ховыйэд)* ‘В тарелке с супом картошка плавает’ (с. Овгорт). В [Лельхова 2012: 180] для данного глагола (записанного там как *ховиты*) отмечены также употребления применительно к движению самой воды: *Щикем тэвын, йиңк ид-нõх йаңхэд, йиңкен ховийд, тэвын кўш ат уд, иципа ныда* ‘Ясно, вода вверх-вниз ходит, вода рябит, хоть ясная погода без ветра, все равно видно’ [Там же].

С точки зрения базовых оппозиций система глаголов плавания в шурышкарском диалекте подобна системе казымского диалекта, описанной в [Соловар 2016]. В. Н. Соловар, в дополнение к этому, анализирует и некоторые периферийные глаголы (например, описывающие купание человека без обязательного заметного перемещения и течение воды) – в нашем исследовании такие глаголы, вслед за [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], детально не рассматривались, а имеющиеся примеры их употребления не входят в противоречие с данными В. Н. Соловар.

Коми

Наиболее богатая система глаголов плавания отмечается в сс. Мужи и Восяхово. В целом она соответствует системе из диалектов европейской части РФ, описанной в [Вострикова 2007] с основным фокусом на полевых данных печорского диалекта. Зона плавания одушевленных субъектов покрывается двумя глаголами – *варччыны* и *уйны* (у последнего есть также итеративный коррелят *уёоны*). Глагол *варччыны* описывает плавание человека, а также животных, совершающих активные движения конечностями, видимые для наблюдателя, например, собак: *Понмыс варчче берегедь* ‘Собака плывет до берега’ (с. Восяхово). Такое семантическое ограничение, по-видимому, следует из внутренней формы данного глагола: он образован путем прибавления показателя понижающей

актантной деривации *-ч-* к глаголу *вартны* ‘бить’ – именно отсюда проистекает семантика движения конечностями (см. также [Вострикова 2007] об аналогичных свойствах этого глагола в печорском диалекте коми языка).

Глагол *уйны* (использующийся также с суффиксом глагольной множественности в форме *уёоны*), в свою очередь, характеризует плавание рыб, водоплавающих животных, птиц и других животных, не совершающих при плавании видимых для наблюдателя движений конечностями (например, оленей): *Тытэн лия турын дорас юсь уе* ‘Там у травы с длинными листьями лебедь плывет’ (с. Восяхово); *Андатраыс ва улас уялэ / уе* ‘Ондатра под водой плавает / плывет’ (с. Восяхово). Интересно, что, помимо значения ‘плыть’, глагол *уйны* имеет и значение ‘ползти’, см. примеры из говора с. Мужы: *Дёля челядьыс уялэ, оз на ветлоо* ‘Маленький ребенок ползает, еще не ходит’; *Лудукуыс уе, колэ сіе вины* ‘Клоп ползет, надо его убить’. По данным [Лыткин, Гуляев 1970: 296], этимологически первичным является значение ‘плыть’.

Для зоны плавания судов и людей на судах в говорах сс. Мужы и Восяхово важно (по-видимому, в силу расположения этих сел по берегам рек) противопоставление между движением по течению и против течения. Однокоренные глаголы *кыытны* и *кылооны* характеризуют движение лодки по течению (и они же применяются к неконтролируемому направленному движению субъекта – например, бревна – по течению): *Мыжысянь Шурышкарэ пыжыс кыытэ* ‘Из Мужей в Шурышкары лодка плывет’ (т. е. по течению – с. Восяхово); *Пыжнас кор кылалам, оз верме кор, сэж сынам* ‘На лодке иногда плывем по течению, а когда не можем, тогда гребем’ (с. Восяхово); *Об кузя кер кылалэ* ‘По Оби бревно плывет’ (с. Восяхово); *Пыжыс пöри, пöö торъяс кылалэныс* ‘Лодка перевернулась, куски досок плавают’ (с. Восяхово).

Глагол *катны* обозначает движение лодки против течения: *Пыжыс катэ Шурышкарсянь Мыжыэ* ‘Лодка плывет из Шурышкар в Мужы’ (т. е. против течения; с. Восяхово). Движение водного транспор-

та с мотором, например теплохода «Метеор», описывается нейтральными глаголами движения – *мунны*, *локны* ‘идти’, *ветлыны* ‘ходить’.

Нахождение субъекта в воде или на поверхности воды (например, морковки в супе) описывается в говорах сс. Мужы и Восяхово бытийной конструкцией, глаголы плавания в этом случае не используются.

В говорах сс. Шурышкары и Овгорт исконная система глаголов плавания оказывается практически забыта. В большинстве контекстов используются глаголы *плавайтны* и *пльвитны*. Мужевские примеры с глаголами *уйны*, *кыытны* и *кылооны* опознаются некоторыми носителями, но скорее входят в их пассивный словарный запас. По отношению к транспортным средствам, как и в говоре с. Мужы, применяются нейтральные глаголы движения (*мунны*, *ветлыны*). В с. Овгорт отмечен также глагол *вужьёоны* (*Сыа бура вужъялэ* ‘Он хорошо плавает’), однако данных о его регулярном употреблении у нас нет. По-видимому, бедность системы глаголов плавания в этих говорах может объясняться худшей социолингвистической сохранностью коми-зырянского языка в данном селе. В настоящее время в сс. Шурышкары и Овгорт проживают в основном ханты, тогда как коми-зыряне крайне немногочисленны и в основном переходят на русский язык, что приводит к постепенной утрате исконной лексики и тонких различий в лексико-семантической системе.

В говоре с. Белоярск сохранены все те же противопоставления, что и в говоре с. Мужы. При этом плавание человека и животных иногда описывается русским заимствованием *плавайтны* (что может объясняться меньшей приспособленностью климатических условий Белоярска для купания человека в открытых водоемах).

В говоре с. Самбург глаголы *варччыны* и *уйны* не используются. При попытке выяснить наличие в этом говоре глагола *уйны* носители приводят примеры с глаголом *уёотны*: *Кöрыс чеччис ваас, бузгысис, уёотны кучис* ‘Олень в воду прыгнул, бултыхнулся, поплыл’ (с. Самбург). Глаголы *кыытны* и *кылооны* в этом говоре, как и в с. Мужы, описывают переме-

щение по течению. Перемещение против течения описывается глаголом *каны* ‘подниматься’ (по-видимому, словообразовательно связанным с *катны*): *Менум коосяс ва вочча каны* ‘Мне придется подниматься против течения’ (с. Самбург).

Обобщение данных

Системы глаголов плавания в уральских языках Ямало-Ненецкого АО характеризуются разным составом единиц и разным набором параметров. Од-

нако можно выделить и ряд общих черт. Во-первых, в каждом из языков особо лексикализуется активное плавание одушевленных существ. Во-вторых, в большинстве языков для описания плавания применяются нейтральные глаголы движения – в первую очередь по отношению к водному транспорту, но иногда и с более широкой сферой употребления (ср. данные хантыйского говора с. Восяхово). В коми-зырянском и селькупском языках отмечается дополнительное противопоставление движения лодки по течению и против течения реки.

БОЛЕТЬ (ГИПЕРОНИМ)

Глаголы с семантикой болевых ощущений достаточно хорошо исследованы в лексической типологии, см. в частности [Брицын и др. 2009; Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012]. Чаще всего такая семантика является вторичной для глаголов физического воздействия, разрушения, горения, звучания и некоторых других, ср. рус. *голова раскалывается, в боку колет, в животе режет, ноги гудят* и т. д. В данном атласе мы не рассматриваем такие семантические сдвиги, а фокусируемся на лексемах, у которых значение боли является первичным (по крайней мере на синхронном уровне). Мы рассмотрим совпадение и несовпадение лексем, описывающих болезнь (рус. *болеет*) и болевое ощущение в конкретной части тела (рус. *болит*), а также некоторые другие смежные вопросы.

Ненецкий

Значение ‘болеть’ (о человеке) на всей обследованной территории выражается глаголами *хангурчъ* с фонетическим вариантом *хангурць* (с. Яроно, Гыда); форма дуратива – *хануймбъсь*: *Нацекы хангурна* ‘Ребенок болеет’. Для обозначения боли в какой-либо части тела зафиксированы следующие глаголы: *есъ* ‘болеть’ (сс. Сёяха, Яроно), *едесъ* ‘болеть’ (сс. Новый Порт, Яроно), *есямзь* ‘заболеть’ (сс. Антипаюта, Яроно), *ебёсь* ‘болеть’ (форма дуратива, зафиксированная в Антипаюте и Яроно): *Нэвами еби* ‘Голова у меня бо-

лит’. В Антипаюте наряду с *ебёсь* отмечается также его фонетический вариант *ивесъ*, а в Яроно – *ибесъ*. От информанта из с. Яроно записаны также глаголы, более дифференцированно обозначающие характер боли в какой-либо части тела: *наркадарць* ‘чувствовать колющую боль’, *ниугърць* ‘ныть, болеть’.

Селькупский

В селькупских говорах имеется два глагола боли. Первый из них описывает состояние человека: *жүтыžo* ‘болеть, быть больным’: *Ира-ты жүт-а* ‘(Ее) муж болеет’. Второй глагол – *чүшыžo* ‘болеть, причинять боль (о частях тела)’: *Олы-ты чүш-а* ‘У него болит голова’ (букв.: его голова болит). Оба глагола используются во всех селькупских говорах.

Хантыйский

В хантыйском языке для выражения болевой семантики чаще всего используются не глагольные, а именные конструкции. По отношению к больному человеку применяется конструкция с прилагательным *кйшаң*, а по отношению к боли в какой-либо части тела – конструкция с лексемой *кйши*. По оценкам носителей языка, эти конструкции не взаимозаменяемы, ср. следующие примеры: *Ма ун ацэм кйшаң* (**кйши*) ‘Мой дедушка болен’

**болеть
(болеет)**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

(с. Овгорт); *Ма шйниэм кйши (*кйшаң)* ‘У меня спина болит’ (с. Овгорт). Для характеристики постоянного заболевания, затрагивающего какую-либо часть тела, тоже используется лексема *кйши*: *Пирэц ими сймэд кйши (*кйшаң)* ‘У старушки сердце большое’ (с. Овгорт).

Участник, обозначающий конкретную болезнь, кодируется локативом-инструменталисом: *Вася грип мушэн йохэтса* ‘Вася болен гриппом’ (с. Овгорт). По оценкам опрошенных носителей, конструкции с нейтральным выражением боли и наименованием болезни не вполне естественны для хантыйского языка, более привычным способом выражения такой семантики является указание на боль в конкретной части тела или на другие наблюдаемые симптомы (тогда как заболевание, вызывающее эту боль, могло быть и вовсе неизвестно носителям хантыйского языка в их исконной культуре), ср.: *Күрэд кйши, йошэд кйши* ‘Нога болит, рука болит’ (с. Овгорт); *Булмэт эд хйца этмэд* ‘Сыпь на теле появилась’ (с. Восяхово).

По отношению к больному человеку может использоваться также прилагательное *мушэң* (от сущ. *муш* ‘болезнь’): *Ма мушэңа йисэм* ‘Я заболела’ (с. Восяхово). По оценкам носителей, оно относится в первую очередь к серьезной болезни (и скорее не будет использовано по отношению, например, к легкой простуде).

Зафиксирован также глагол *хоңцты*, первые два значения которого, по [Лельхова 2012: 183], ‘переживать, тосковать’ и ‘сочувствовать’, а третье значение – ‘болеть’: *Атэм мушэн хоңцэд* ‘Болеет опасной болезнью’ [Там же]. По нашим данным, этот глагол в первую очередь действительно относится к эмоциональной сфере и используется в контекстах типа *Аңки пөхэд урэңэн хоңцэд* ‘Мать страдает из-за сына’ (с. Восяхово). К больному человеку (в примерах, аналогичных процитированному из [Лельхова 2012]) применить глагол *хоңцты*, однако, допустимо. Кроме того, нами отмечено выражение *хоңцты кйши*, обозначающее простудное заболевание. По отношению к частям тела данный глагол не используется, ср. **ньаврэм*

түрэд хоңцэд – ожидаемое значение: ‘У мальчика заболело горло’ (с. Овгорт).

Хантыйский материал оказывается чрезвычайно интересным с теоретической точки зрения. Как было показано в [Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012], болевые предикаты по своей природе стативны, и типологически это находит отражение в их морфосинтаксическом оформлении. Так, во многих языках глаголы, развившие вторичную семантику болевого ощущения, оформляются показателями дуратива либо результатива, привносящими, соответственно, значение длящегося состояния (длительно развивающегося процесса) либо результирующего состояния. В некоторых языках для выражения тех или иных типов болевых ощущений широко используются адъективные конструкции – тоже стативные по своей природе, ср. немецкий пример: *Ich habe schneidende Schmerzen im Bauch* (букв.: Я имею режущие боли в животе) [Рахилина и др. 2010: 507].

Данные хантыйского языка не просто укладываются в типологическую тенденцию морфосинтаксической стативизации болевых предикатов, но и «абсолютизируют» ее, поскольку в качестве базового средства выражения болевой семантики используются именные конструкции.

Коми

Значение ‘болеть’ (о человеке) выражается в обследованных говорах глаголом *висьны*: *Ме тон кучи висьны и рөбита вылэ ог мун* ‘Я сегодня заболела и на работу не пойду’ (с. Белоярск); *Сья висе гриппен* ‘Он болеет гриппом’ (с. Восяхово). В других коми диалектах он используется повсеместно, см. [КСК I: 218]. Этот же глагол используется и для обозначения боли в какой-либо части тела, наряду с глаголом *доймыны* (ранее пересечение сфер употребления этих глаголов в говорах зауральских ижемцев было отмечено в [Игушев 1987]). В говорах с. Мужы и Восяхово лексема *висьны* является нейтральным способом описания физической боли, тогда как глагол *доймыны* относится к боли от ушиба (ср. также

дойдны ‘ушибить’), или к менее интенсивной боли, или к более конкретно локализованной боли, ср. пример из говора с. Восяхово: *Юрнам тиуки, сідь дойме!* ‘Головой стукнулся, так болит (ушибленное место)’. По оценке носителей языка, более четко локализованная боль описывается глаголом *доймыны*, тогда как глагол *висьны*, если его вставить в приведенный пример, указывает на ситуацию сотрясения мозга и на боль во всей голове (более подробно о коми-зырянских данных см. [Лучина 2011]).

В говорах сс. Шурышкары, Овгорт и Белоярск в зоне боли используются те же лексемы. В говоре с. Шурышкары и с. Овгорт их семантика детально не проверялась. В говоре с. Белоярск различие между глаголами *висьны* и *доймыны* выражено не вполне отчетливо.

В говоре с. Самбург используются оба глагола, при этом в контекстах боли в какой-либо части тела различие между ними тоже размыто. В отдельных идиолектах происходит их дифференциация: глагол *висьны* преимущественно относится к болезни человека, тогда как боль в конкретной части тела описывается чаще всего глаголом *доймыны*.

Обобщение данных

Уральские языки ареала демонстрируют разные стратегии совмещения / разделения значений

болезни и физической боли. В ненецком и селькупском языках эти значения выражаются разными лексемами, в хантыйском – также разными, но однокоренными и различающимися только суффиксальным оформлением. В коми-зырянском языке один и тот же глагол (*висьны*) в целом ряде говоров сочетает оба значения, но дополнительно имеется еще один глагол (*доймыны*), описывающий узко локализованное болевое ощущение. В говорах Белоярска и Самбурга различие между глаголами *висьны* и *доймыны* размывается, а в отдельных идиолектах носителей самбургского говора они, напротив, дифференцируются между контекстами болезни и локализованной боли. Система в таких идиолектах похожа и на ненецкую, и до известной степени на русскую (однако в русском языке различие между разными интерпретациями проявляется в морфологическом оформлении – ср. *болеет* и *болит*). Вместе с тем определенно усматривать здесь результат контактного взаимодействия языков на имеющемся материале невозможно.

Важной задачей будущих исследований могло бы стать сопоставление метафорических выражений с болевой семантикой (ср. рус. *голова раскалывается, живот крутит, ноги гудят* – о первой попытке такого исследования в мужевском говоре коми см. [Лучина 2011]).

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОЛЕНЕВОДСТВОМ И ТРАДИЦИОННЫМ ВЕДЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВА

АРКАН, НАРТЫ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ, КАСЛАТЬ, СТРЕЛЯТЬ

В этом разделе мы рассмотрим лексику, описывающую традиционные промыслы ямальских народов. Центральное место в их жизни занимает оленеводческая культура, которая с давних времен является источником материального благополучия. Изначально данный род занятий специфичен для ненцев и в дальнейшем заимствуется коми, хантами и селькупками, которые частично приспособливают под новые реалии собственный лексикон из

оседлых сфер хозяйствования, частично заимствуют различные ненецкие наименования, что позволяет сделать интересные наблюдения относительно характера изменений в лексике рассматриваемых языков. Любопытны и другие виды традиционных занятий, такие как охота, в сфере которой наблюдается освоение ямальскими народами огнестрельного оружия и параллельная адаптация лексических средств для описания новых реалий.

АРКАН

Ненецкий

На всей обследованной территории, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, аркан обозначается лексемой *тынзь'* (с фонетическими вариантами *тынчь'* (с. Самбург, Антипаюта) и *тынть'* (с. Нори); *тынзям'* *сáночь* 'свернуть аркан кольцами' (с. Антипаюта); *Тынзям'* *нямад* 'Бери аркан' (с. Сёяха).

Слово *тынзь'* образовано путем присоединения к глагольной основе *ты'-* 'ловить оленей' (которая, в свою очередь, образована от именной основы *ты* 'олень') дестинативного аффикса *-бць'* (*-бцян*) / *-сь'* (*-сян*) / *-ць'* (*-цян*), при помощи которого от основ переходных и непереходных глаголов образуются предметные имена со значением орудия, предназначенного для осуществления действия, названного производящей основой, см. [Буркова 2010: 262–263].

Селькупский

В северных селькупских говорах аркан называют *э́тá-ль* *орас-тэмты* (Красноселькуп, Сидоровск, Киккиакки), *э́тá-й* *орас-тэмты* (Пуровская Толька) – букв.: веревка для ловли оленей; *ор-тэмты* (Часелька), *орса-тэмты* (Толька Красноселькупская, Киккиакки, Ратта), *орса-тэмны*

(Красноселькуп, Быстринка), *орас тэмны* (Быстринка, Фарково) – букв.: веревка для ловли.

Название аркана образовано на базе исконной селькупской лексики: основу составляет существительное *тэмты* / *тэмны* 'веревка', определением к которому служит форма предназначительного причастия (один из показателей *-са*) от глагола *ора-зо* 'ловить, хватать' с выпадением конечного гласного аффикса (*ора-с тэмты*) либо конечного гласного основы, предшествующего аффиксу (*ор-са тэмты*); возможно также безаффиксальное присоединение первой основы с выпадением конечного гласного (*ор-тэмты*). Адъективная форма существительного 'олень' (*э́тá-ль/й*), уточняющая объект лова, по сути факультативна.

Хантыйский

Повсеместно для обозначения аркана используется заимствованное из ненецкого слово *тыницаң*: сынск. *Ки́дем тыницаң сõх ва́ньцэл* 'Зять кожу [для] аркана разрезает'; приуральск. *тыницаң сэвты* 'плетсти аркан', *тыницаң сэвты йүх* 'палочка для плетения аркана', *тыницаң тáхты* 'шкура для изготовления аркана' [Рандымова 2004: 124]; шур. *күд тыницаң* 'толстый аркан', *вац тыницаң* 'тонкий аркан' [Онина 2003: 39].

Многие ханты воспринимают слово *тынцаң* как собственно хантыйское, уже не ощущая его заимствованный характер, несмотря на то, что в хантыйском языке оно лишено, в отличие от ненецкого, прозрачной внутренней формы, связывающей его с существительным ‘олень’ и обозначающим приспособление для его ловли.

Интересным является отражение ненецкого звонкого звука в виде хантыйского *ц*, вызванное отсутствием в хантыйском языке звонких согласных.

Коми

В коми-зырянских говорах аркан обозначается словом *няртала* (в говорах сс. Белоярск и Самбург зафиксирован также фонетический вариант *няртла*). В говоре с. Мужы дополнительно отмечено употребление русского заимствования *аркан*. В единичных случаях при работе с носителями мужевского говора было зафиксировано и ненецкое заимствование *тынзян*. В целом, однако, оно оценивается как слово ненецкого, а не коми-зырянского языка и в коми-зырянской речи не используется. В диалектном словаре коми языка фиксируется для нескольких

диалектов вариант *няртала* (но не *няртла*) [КСК I: 1055]. В [КСК II: 621] только для ижемского диалекта отмечен также вариант *тынзей*, представляющий собой ненецкое заимствование, но в обследованных нами говорах он не встретился.

Обобщение данных

В ненецком и селькупском языках представлены исконные наименования аркана. В ненецком оно образовано от слова ‘олень’ с помощью дестинативного показателя. Собственное селькупское наименование – ‘веревка для ловли оленей’, но упоминание оленя нередко выпадает из этой конструкции, и остается просто ‘веревка для ловли’. В хантыйский и коми ненецкое слово пришло в адаптированном виде: *тынцаң* для хантыйского и *тынзян* (в диалектном словаре также *тынзей*) – для коми. Тем не менее, если в хантыйском данное слово закрепилось как основное наименование аркана, то в коми его нельзя признать устоявшимся, и вместо него используется преимущественно другая лексема – *няртала* (надежных сведений о ее происхождении у нас нет).

НАРТА

Ненецкий

В качестве гиперонима повсеместно используется существительное *хӑн*: *Хӑн мимба тенева* ‘Он умеет делать нарты’ (с. Яроно); *Хӑнани’ уамдыдм’, ниры томани’ няю сырӑадм’* ‘Сел на нарту, смотрю в ту сторону, откуда я пришел’ (с. Яр-Сале). Имеется ряд специальных наименований для разных видов нарт, в большинстве своем совпадающих на всей обследованной территории. Так, грузовая нарта для перевозки грузов средней тяжести повсеместно обозначается лексемой *хурӑмы* (фонетический вариант *хурӑмы*): *Хурумы тӑсь* ‘Дал(а) грузовую нарту’ (с. Сёяха). Грузовая нарта для перевозки мягких вещей, одежды и продуктов обозначается лексемой *вандако*: *Вандако талья*

нюхулед ‘Потащи сюда грузовую нарту’ (с. Сёяха). Для обозначения так называемой «поганой» нарты, на которой перевозят доски, служащие в чуме полом, настил под постелью, железные листы из-под очага, повсеместно используется существительное *сябу*. Так называемая «священная нарта», в которой хранятся предметы религиозного культа, везде обозначается лексемой *хэхэ’ хӑн* (фонетический вариант *хэ’ хӑн*). Для обозначения мужской нарты фиксируется существительное *уэдалёсь’*. Ручная нарта, санки обозначаются существительным *хӑнако* (диминутив от *хӑн*). Женская нарта повсеместно обозначается сочетанием *не’ хӑн*. Для обозначения нарты, служащей для перевозки шестов чума, на большей части обследованной территории фиксируется существительное *нуто”* (фоне-

тический вариант *нуту*"), однако от информанта из с. Гыда был также получен вариант *ямб хйн* (букв.: длинная нарта). Оба варианта отмечаются и в словаре [Терещенко 1965]. Повсеместно фиксируется существительное *ханз* "полоз нарты".

Среди лексики, относящейся к кочевому образу жизни, имеются и заимствования из русского языка. Так, от информанта в с. Яроно записана лексема *ларь*, служащая для обозначения нарты, в которой перевозятся продукты. Данная лексема приводится и в словаре [Терещенко 1965], однако имеет помету б.-з. и зап. От информанта в с. Гыда зафиксирована лексема *сундук* в значении 'ящик для перевозки продуктов на нарте'. Это слово тоже приводится в словаре [Терещенко 1965], с пометой *ям*.

Селькупский

В качестве гиперонима повсеместно используется существительное *заулы* с фонетическими вариантами *заулы* / *хаулы* / *жавлы*. Имеется ряд специальных наименований для разных видов нарт, в большинстве своем совпадающих по всем северным говорам (с точностью до фонетических вариантов). Мужская нарта называется *жумьль заулы*, женская нарта – *ималь заулы*, грузовая нарта для перевозки железной печки – *кэсылъ заулы* (букв.: железная нарта), нарта с сундуком для перевозки и хранения посуды, вещей, продуктов – *поль корыль заулы* (букв.: деревянного сундука нарта), нарта для перевозки шестов чума – *мэтыль заулы* (букв.: чума нарта), священная нарта, на которой возят сакральные вещи семьи или шаманские вещи, – *лэсылъ заулы* (букв.: духов нарта).

На Турухане и реже на Среднем Тазе для обозначения нарты используется и другая лексема – *й̄-сса-м* / *й̄-сса-мы* 'небольшая ручная нарта'. Это существительное образовано от глагола *й̄-жо* 'тащить по земле, волочить' с помощью показателя предзнаменительного причастия *-сса* и субстантиватора *-мы* (с возможным отпадением конечного гласного субстантиватора). В такую нарту не запрягали оленей, запрячь могли разве что собак. Это селькупское слово из «дооленной» жизни и «дооленного» спосо-

ба охоты, когда охотник, уходя добывать зверя, сам тянул за собой нарточку с продуктами и снаряжением или запрягал в нее собак. Для нарточки, в которую запрягали собак, было свое название – *канал-ь й̄-сса-м* 'собачья нарта'.

Хантыйский

Хантыйская терминология, связанная с ведением оленеводства, полно описана в двух монографиях – по шурышкарскому диалекту С. В. Ониной [Онина 2003], по приуральскому – З. И. Рандымовой [Рандымова 2004]. Приведем здесь собственные полевые материалы, а также данные из названных монографий, но не в полном объеме, а лишь фрагментарно, с учетом признаков, существенных для иллюстрации межъязыковых контактов.

Общее название для нарты в хантыйском языке – *ухэл* / *охэл*: сынск. *ўдэң ухэл*, усть-собск. *кадаң ухэл* 'оленья упряжка'; сынск. *Ньдэ ўдыён кирэм ухэл* 'Четырьмя оленями запряженная нарта'; *Ухэл кулмэс* 'Нарта развалилась'; *Ухэл пайты пёрэн порэтты титэс* 'Полоз нарты стал сверлить сверлом'.

Наименования конкретных разновидностей нарт многочисленны, некоторые представляют собой словосочетания, первый компонент которых описывает функцию или характерную особенность нарты, другие являются заимствованиями из ненецкого языка. См. подробнее [Онина 2003: 37–39; Рандымова 2004: 17–25; Олень... 2016].

Перечислим вначале некоторые собственно хантыйские наименования разновидностей нарт; представляющие собой словосочетания, указывающие на предназначение того или иного типа нарт в хозяйстве; они являются функциональными аналогами ненецких лексем: шур. *нэңэт ухэл*, приурал. *ныңэт ухэл* 'женская нарта'; шур. *йош ухэл* 'мужская нарта' (букв.: рука нарта); сынск., приурал. *йохэт ухэл* 'мужская нарта' (от *йох* 'люди, мужчины'); шур. *велэк ухэл* 'нарта без груза, идущая отдельно и не входящая в аргиш'; шур. *лыташ ухэл* 'легковая нарта' (букв.: свободная нарта); приурал. *онас ухэл* 'грузовая (аргишная) нарта'; шур.

- К коми
- Х хантыйский
- Н ненецкий
- С селькупский

ват ухэл ‘нарта для перевозки вещей, продуктов, одежды’; шур., усть-собск. *хотэң ухэл* ‘нарта для продуктов’ (букв.: дом-ADJ нарта); *сõх дэлты ват ухэл* ‘грузовая нарта со спальными принадлежностями’; *уд ухэл* ‘нарта для перевозки шестов чума’; шур. *хот шаниш ухэл*, усть-собск. *хот санс ухэл* ‘священная нарта с предметами религиозного культа’ (букв.: за спиной чума нарта); усть-собск. *хўв ухэл* ‘длинная нарта, предназначенная для перевозки шестов чума’; усть-собск. *тови ухэл* ‘весенняя нарта с запасом зимних вещей’; *ай ухэл* ‘санки’ (букв.: маленькая нарта); сынск. *амп ухэл* ‘собачья нарта’ и др., а также усть-собск. *йўвна* ‘нарта с постельными принадлежностями’.

Для обозначения места нарты в аргише используются следующие обозначения: усть-собск. *элты ухэл* ‘ездовая нарта’ (букв.: верхняя нарта) – ведущая, первая нарта в аргише; шур., усть-собск. *олэң ухэл* ‘первая нарта, прокладывающая путь, или первая нарта в аргише (вслед за ездовой)’; шур., усть-собск. *кўтэл ухэл* ‘средняя нарта’, шур. *йõлта ухэл*, усть-собск. *йõлта ухэл* ‘последняя нарта’.

Широко известны в хантыйских диалектах и названия нарт, заимствованные из ненецкого языка: усть-собск. *вантаку* ‘грузовая нарта’; шур. *кўрам*, усть-полуйск. *курама* / усть-собск. *кўрама* ‘большая нарта для перевозки вещей’; сынск., усть-собск. *щопув* ‘нарта для перевозки досок для пола, а также некоторых женских принадлежностей’ (ср. ненецк. *сябу* ‘длинная нарта без настила с тремя копыльями на каждой стороне’, употребляется для перевозки досок, служащих в чуме полом, настила под постелью, листа из-под очага и мешков из-под женской обуви, так называемая «поганая нарта» [Терещенко 1965: 594]).

Для обозначения отдельных частей нарты используются те же существительные, которые описывают части тела человека и животных: шур. *ухэл кўр* ‘копыль’ (букв.: нарта нога), шур. *ухэл ньõл* / усть-собск. *ухэл ньыл* ‘нос нарты’.

Из ненецкого языка заимствованы названия некоторых деталей нарты: шур. *хърмет* ‘изгиб’ (ср. ненецк. *хърму*“(д) ‘изгиб (полоза нарты)’); шур., усть-собск. *нярма* ‘полозья (дополнительные) для нарты’

(ср. ненецк. *нярма* ‘дополнительные полозья’ – защитный слой чего-либо (например, планка, железо, новый слой дерева к полозьям, листовое железо к лодке) [Терещенко 1965: 357]; шур., усть-собск. *тюнтяр* ‘передок нарты’ (ср. ненецк. *тёндер*” ‘передок и спинка ездовой нарты’ [Терещенко 1965: 654]; *щан* ‘деталь узды, обхватывающая морду оленя’ (ср. ненецк. *сян* ‘две плоские костяшки, скрепленные ремнем на узде оленьей упряжки’ [Терещенко 1965: 600]; шур. *сормакка* ‘костяное кольцо аркана (из рога оленя)’ (ср. ненецк. *сармик* ‘костяной блок для аркана’ [Терещенко 1965: 536]); шур. *амдёр* ‘шкура для сидения на нарте’ (ср. ненецк. *намдёр*” ‘шкура для сидения на нарте’ [Терещенко 1965: 379]; в отличие от ненецкого языка, в хантыйском нет слов, начинающихся на *ң*, поэтому соответствующий первый звук выпадает; ср. также собственно хантыйское выражение для обозначения данного предмета – шур., усть-собск. *омэсты тӓхты* ‘шкура для сидения’) и др.

Таким образом, в хантыйском языке представлено, с одной стороны, большое количество описательных оборотов, содержащих исконную лексику, дающую развернутую характеристику типа нарты, а с другой, используется значительное количество прямых заимствований из ненецкого языка, которые претерпевают определенные изменения и осваиваются в соответствии с фонетическими законами хантыйского языка.

Коми

Общее, повсеместно используемое наименование для пассажирской нарты – *дадь*. Женская нарта во всех исследованных говорах называется *баба дадь*, мужская нарта – *мужык дадь*. Отдельное слово *норт* используется в говоре с. Самбург для называния мужской летней легкой нарты. Кроме того, в говорах сс. Мужы, Восяхово, Белоярск имеется наименование нарты с местом для ребенка – *бõлка дадь*, а в сс. Самбург и Белоярск – *челядь дадь* как обозначение детских саней или заимствованное из ненецкого слово *хануку* в том же значении.

Гипероним для грузовой нарты – *додь*. Это существительное обозначает также сани и в обсле-

дованных нами говорах, и в целом по диалектам коми языка, см. [КСК I: 453]. Целый ряд производных от него названий используется в мужевском говоре по отношению к нартам для перевозки строительных материалов и продуктов: *лата додь* ‘нарта для перевозки досок пола’, *ыы додь* ‘нарта для перевозки шестов, жердей’, используемых при установке стоек чума, *нюк уу додь* ‘нарта для перевозки оленьих шкур для покрытия чума’, *кантука додь* ‘нарта для перевозки рыбы и мяса’, *сит додь* ‘нарта для перевозки помета, навоза’. Наименования подобного типа зафиксированы и в говоре с. Самбург: *сёян додь* ‘грузовая нарта для продуктов’, *нянь додь* ‘грузовая нарта для хлеба’. В других говорах предназначение грузовой нарты не специфицируется или используются другие наименования, такие как *ыы утыча* в говоре с. Белоярск.

Помимо этого, во всех говорах используются заимствованные из ненецкого языка лексемы. Так, словом *ваньдей* описывается грузовая нарта для перевозки и хранения одежды, выделанных шкур и продуктов; словом *утыча* (в говоре с. Восяхово

также *утича*) – грузовая нарта для перевозки досок, шкур, соломенных циновок, посуды и шестов; словом *сябуча* (в с. Самбург также *сябича*) – нарта для перевозки постельных принадлежностей. В с. Белоярск также зафиксировано наименование *дадь бёр додь* (букв.: грузовая нарта за пассажирской нартой) вместо *ваньдей* для второй по счету нарты в аргише.

Обобщение данных

Наибольшее разнообразие исконных лексических средств для обозначения разных типов нарт представлено в ненецком языке, свои наименования есть и в селькупском. В хантыйском и коми имеются только наиболее общие названия: хантыйский представлен лексемой *ухал*, в коми различается пассажирская и грузовая нарта – *дадь* и *додь* соответственно. В хантыйском и коми языках имеются как собственные описательные обороты, характеризующие функциональное предназначение нарты, так и большое количество заимствований из ненецкого языка.

КАСЛАТЬ

Ненецкий

Значение ‘кочевать’ повсеместно выражается глаголами *мюсесь* ‘кочевать, ехать с аргишем’ и *мюсерчь* (форма многократного действия) ‘перекочевывать, ездить с аргишем’ с фонетическим вариантом *мюсерць*, используемым, по-видимому, под влиянием большеземельского говора, отраженного в большинстве школьных учебников и учебных пособий, и *мюсерть* (сс. Нори, Гыда). Оба глагола производны от именной основы *мюд* ‘аргиш, олений обоз, караван из нарт’, а та, в свою очередь, от *мю* ‘протяженность пути, расстояние от одной стоянки до другой’. От информанта из с. Яроно зафиксирован также глагол *ямдаңгась* ‘перекочевывать (время от времени)’, а от информанта из с. Самбург – глагол *ямдэньсь* ‘перекочевывать’.

Селькупский

Значение ‘кочевать, ехать с аргишем’ повсеместно выражается глаголами *картыжо* и *карыжо*. Они образованы с помощью разных суффиксов от существительного *кары* ‘аргиш’.

Хантыйский

В хантыйском языке используется глагол *касэлты* ‘каслать, кочевать’: сынск. *Ўтэн удәм мӧхет ныкды касэлты питсэт* ‘Люди, жившие в верховье (в чуме), стали каслать в низовья (в поселок, деревню)’. Очевидно, этот глагол и был заимствован в местные территориальные разновидности русского языка как диалектизм, имеющий источником своего происхождения хантыйский язык (см. также [Аникин 2000: 271–272]).

- К** коми
- Х** хантыйский
- Н** ненецкий
- С** селькупский

Для аргиша используется лексема шур., усть-собск. *онас* (ср. казымское *анас*): сынск. *Онасэт ньохлэсэт* ‘Аргиши тронулись’.

Коми

Значение ‘каслать’ выражается глаголом *вөрзёоны*: *Важэн гожэмнас вөрзалим быд лун гожсянинэдь* ‘Раньше летом каслали каждый день до летних пастбищ’ (с. Белоярск); *Кёрдорсаяс воийисныс вөрзёоны арнас тёёянинэ* ‘Оленеводы начали каслать осенью к зимним пастбищам’ (с. Мужы). Он входит в то же словообразовательное гнездо, что и глаголы *вөрзъыны* ‘тронуться с места’ (*Дыр ог сулалэ, кык лун мысьтэн вөрзям* ‘Долго не стоим, через два дня тронемся’, с. Восяхово) и *вөрзедны* ‘пошевелить, сдвинуть что-либо’ (*Вөрзедам этэсьыс шкапсэ* ‘Сдвинем с места шкаф’, с. Мужы).

Все эти лексемы, в свою очередь, образованы от глагола *вөрны* ‘шевелиться’ с использованием инхотивного суффикса *-зь-*. В [КСК I: 269] глагол *вөрзёоны* не зафиксирован в качестве отдельного словарного входа. Для глагола *вөрзъыны* там же приведены различные ситуации перемещения, в т. ч. значение ‘тронуться, трогаться, сдвигаться’, но без четкой привязки к употреблению этого слова в оленеводстве.

В [КСК I: 643], в то же время, приведен специфичный для зауральских говоров ижемского диалекта глагол *каслайтны* ‘каслать’. В наших материалах он эпизодически встречается, например: *Кёрдорсаяс каслайтэныс аргышъяснаныс мёд местээ, ылэ* ‘Оленеводы каслают со своими аргишами на другое место, далеко’

(с. Мужы). Вместе с тем проблематично оценить, является ли это слово существующим долгое время устойчивым способом выразить данное значение или отражением общей тенденции сильного влияния русского языка на коми-зырянский и общего большого числа русских заимствований в речи зауральских ижемцев. В равной степени не известен достоверно и источник появления этой лексемы в коми (теоретически можно предполагать заимствование как из хантыйского, так и из русского языков). Вместе с тем внутренняя форма этого глагола следует общей модели сохранения императивной основы в русских заимствованиях, см. такие встречающиеся с разной степенью частотности формы, как *любитны* ‘любить’, *рисуйтны* ‘рисовать’, *играйтны* ‘играть’ и пр. (ср. упоминание этой же тенденции в воспоминаниях В. И. Беликова об экспедициях к коми в конце 1960-гг.: <http://darwin.philol.msu.ru/~searchtoo/Aria/belikov.htm>). Это обстоятельство можно рассматривать как возможный довод за посредничество русского языка в заимствовании данной лексемы в коми.

Обобщение данных

В ненецком и селькупском языках слово ‘каслать’ исторически связано со словом ‘аргиш’, а в последнем является его прямым производным, образованным при помощи показателя вербализации. В хантыйском языке данное значение также выражается исконным словом. Семантика глагола ‘каслать’ в коми является результатом развития из глагола с семантикой ‘трогаться, сдвигаться’ через закрепление импликатуры типичного перемещающегося участника (нарты, олени).

СТРЕЛЯТЬ

Ненецкий

Для значения ‘стрелять’ (о действии с помощью оружия) фиксируется глагол *енерчь* (фонетический вариант *енерть*, сс. Нори, Гыда), функционирующий в данном значении и в западных говорах. Употребляется по отношению как к стрельбе из лука, так и из огнестрельного оружия. Однако исходно

этот глагол, по-видимому, обозначал стрельбу именно из лука, так как он явно связан с именной основой *ен* ‘тетива’. См. некоторые примеры употребления этого глагола: *Пыдар енерчь пир" нар?* ‘Ты умеешь стрелять?’ (с. Лаборовая); *Хане ядэладась, енерть сидни' тохоламбэсетысь та' мальңайна, чикыхасава няни вадё" мяхад* ‘Мать возила на охоту, учила нас стрелять, когда брат подрос’ (с. Нори).

Селькупский

В селькупском языке значение ‘стрелять’ повсеместно выражают два глагола: *чаттызо* (переходный) и *чүзо* (непереходный). Оба они имеют первое значение ‘бросить’, из которого в дальнейшем развилось значение ‘выстрелить’. На Среднем Тазе и на Турухане для описания выстрела в медведя употребляется глагол *кбстызо* ‘пожертвовать’.

Хантыйский

В хантыйских говорах в значении ‘стрелять’ повсеместно используется глагол *эсэдты*: *Йох хойат пйшкан эдты эсэдс* ‘Мужчина выстрелил из ружья’ (с. Овгорт). Исходно этот глагол используется в значении ‘пускать, выпускать’ – как по отношению к стрельбе из лука (*нбд эсэдты* ‘стрелу пустить’), так и по отношению к более широкому классу ситуаций допущения движения, например: *Камэн шушидыты аңкэмэн ат эсэддайэм* ‘На улице ходить меня мама не пускает’ (с. Овгорт); *Кят ай хұдыйэ хойэс, эсэдсэддам* ‘Две маленькие рыбки попались, отпустил’ [Лельхова 2012: 203]. Можно предположить вторичный характер употреблений в контекстах стрельбы из ружья, которые развиваются по аналогии с контекстами стрельбы из лука.

В с. Овгорт зафиксирован также глагол *орэтты / орьиты* (в [Лельхова 2012] он отсутствует), описывающий шумную стрельбу из ружья, как в примерах: *Камэн пйшканэн орэтлэт, наврэм бдты ат верэтэл* ‘На улице из ружья стреляют, ребенок не может заснуть’ (с. Овгорт); *Ат хұват пйшканэн орьитэс* ‘Всю ночь из ружья стрелял’ (с. Овгорт). Последний пример, по оценке носителя языка, уместен, например, в такой ситуации, когда стреляющий не давал спать окружающим.

Коми

Значение ‘стрелять (о действии с помощью оружия)’ выражается глаголом *луйны*, широко используемым в данном значении и в других диалектах коми

языка [КСК I: 869]. Переносно этот глагол описывает в коми-зырянских говорах различные типы болевых ощущений, см. примеры из говора с. Мужы: *Кудь лыйышитис кокам!* ‘Как стрельнуло у меня в ногу!’, *Челядьыс кынмис, и пеляс лыйлэ* ‘Ребенок простудился, и у него в ухе стреляет’, *Мыкырччи, да кокам лыйис* ‘Наклонилась, и в поясницу мне стрельнуло’.

В [КСК I: 869] для глагола *луйны* приведены (в т. ч. для ижемского диалекта) также значения ‘бросить, кинуть’ (в кого-либо чем-либо) и ‘ударить, поразить’ (о молнии). В наших материалах такие употребления лексемы *луйны* не фиксируются. Интересно, кроме того, что этимологически исходным значением глагола *луйны* является, согласно [Лыткин, Гуляев 1970: 164], именно значение ‘кинуть, бросить’.

Обобщение данных

Семантика ‘стрелять’ тесным образом связана с семантикой каузации перемещения. Так, в хантыйском языке используется слово ‘выпускать’ с исходной семантикой пермиссивной каузации перемещения. В селькупском языке используются два глагола с первичным значением факитивной каузации перемещения ‘бросить’. Коми-зырянская лексема также, по-видимому, исторически является результатом развития значения ‘бросить’. В дальнейшем, посредством закрепления имплицатуры, приводимого в движение типичного объекта (стрела, пуля) происходит перенос из семантики каузации перемещения в значение ‘стрелять’.

Интересно отметить сохранение особого места медведя в ряду животных, на которых охотятся, у селькупов и хантов. При описании охоты на медведя старшее поколение селькупов Среднего Таза и особенно Турухана еще недавно старалось не использовать обычные глаголы со значением ‘стрелять’, заменяя их эвфемизмом – глаголом со значением ‘принести жертву’. Аналогично и в хантыйском языке в медвежьих игрищах по отношению к медведю соответствующий глагол не употребляется, используются образные обороты с переносным значением.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА

НОЖ, НОЖНИЦЫ, РУЖЬЕ, ТОПОР, ДЕНЬГИ, ЖИЛИЩЕ, СТОЛ

В этом разделе мы рассмотрим обозначения некоторых предметов традиционного быта. Часть из них (как, например, нож или топор) принадлежит к материальной культуре народов Сибири с очень давних времен, другие вошли в обиход позже, в том числе в результате контактов с соседними этносами: как, на-

пример, ружье, деньги, а также чум у народов, заимствовавших ненецкий оленеводческий уклад, в ряду остальных, связанных с оленеводством реалий. Поэтому исследовательский вопрос может состоять здесь в том, есть ли различия в лингвистической категоризации предметов быта разной степени «исконности».

НОЖ

Ненецкий

Нож повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, обозначается существительным *хар*: *памя хар* ‘острый нож’; *савак хар* ‘заостренный нож’; *тынха хар* ‘тупой нож’; *Нини' тяхана' харми' тая, пармадани' тараңа-хама* ‘За поясом есть нож, он меня оберегает’ (с. Яр-Сале); *Хар силць тара* ‘Надо нож наточить’ (с. Сёяха).

На всей обследованной территории фиксируется также глагол *естьаьс* ‘строгать ножом’ от основы *еся* ‘железо’. Лезвие ножа в большинстве случаев обозначается существительным *нянд* ‘лезвие, острие’: *хар' нянд* ‘лезвие ножа’; в с. Антипаюта зафиксирован также вариант *еся* ‘железо’: *хар' еся* ‘лезвие ножа’.

Рукоятка ножа может обозначаться по-разному, в зависимости от материала, из которого она изготовлена: *хар' ня* (букв.: дерево ножа); *хар' лы* (букв.: кость ножа). От информанта из с. Яроно зафиксирован гипероним *ня"морчь* ‘рукоятка’ (букв.: предназначенный для хватания рукой). Ножны в большинстве случаев обозначаются лексемой *се'* ‘чехол, футляр, крышка’ (с фонетическим вариантом *че'*; часто один и тот же информант указывает оба варианта в качестве приемлемых): *хар се'* ‘ножны’. В с. Гыда зафиксирован также вариант *уэся'* ‘ёмкость’: *хар' уэся'* ‘ножны’.

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах нож обозначается лексемой *паңы* (в Пуровской Тольке встречается вариант *пауы*). Специальный изогнутый нож для изготовления деревянной посуды называется *бар-паңы* (*бары-ль* ‘кривой’, *паңы* ‘нож’).

Хантыйский

В зависимости от диалекта слово *нож* встречается в двух огласовках – *кеши* (шур.) и *кесы* (приуральск.), например: шур. *Йүх бдңийэ кешийэн ньохрэм* ‘Кончик палки ножом обструган’; сынск. *Кешем хярңайэн катдэм* ‘Нож ржавчиной покрылся’ (букв.: нож ржавчиной схвачен); сынск. *Кешишикед пдңцэм ун* ‘Ножище страшно большой’.

Характеристики ножа – ‘острый’ и ‘тупой’ – описываются прилагательными *пасты* (также ‘быстрый’) и *няиш* соответственно, например: шур. *Кешет щдх ньашэт, лдхэтты мослэт* ‘Ножи совсем тупые, наточить надо’; сынск. *Пасты кешийэн эвэтми* ‘Острым ножом разрежь’ (букв.: резани).

Части ножа обозначаются следующими словами: шур. *кеши йэтдэн / йэтдэ* ‘лезвие ножа’; шур. *кеши ндэ* ‘ручка ножа’, например: сынск. *Уңхем кеши йэтдэн хопеми* ‘Лиственничную серу лезвием ножа копни’; шур., сынск. *Тдм кеши йэтдэд ньумэр* ‘У этого ножа лезвие тупое’; шур., сынск. *киши ндэти кеши* ‘ножик с рукоятью из капа’.

От существительного *на́л* ‘ручка (ножа)’ образуется глагол *на́лэтты* со значением ‘насаживать (нож) на черенок’: сынск. *Кешийэд на́лэтты питэс* ‘Свой нож на черенок стал насаживать’.

Слово *сотэп* используется для названия ножен: сынск. *картэң сотэп* ‘металлические ножны’; сынск. *йўх сотэп* ‘деревянные ножны’; сынск. *уңхэң тәхты сотэп* ‘ножны из просмоленной кожи’; сынск. *Лўв сотпэд мўв хор оңэт эвэдт верэм* ‘Ножны его сделаны из бивня мамонта’.

Особый вид ножа с узким длинным лезвием обозначается словом *щохри* (шурышкарский диалект) / *щохри* (приуральский диалект), которое используется также в составе парного слова: усть-собск. *щохри-хōхри* ‘стрекоза’, в переносном значении ‘проныра’.

Коми

В обследованных коми-ижемских говорах нож обозначается словом *пурт* (по данным [КСК II: 237], используется во всех диалектах). В говоре с. Белоярск за-

фиксировано также существительное *чукри*, описывающее нож с узким и тонким лезвием, которым, в частности, можно обдирать оленью шкуру (употребление этого существительного в остальных говорах не проверялось). Согласно [КСК II: 735; 737], существительное *чукри* (и его фонетический вариант *чукир*) не слишком широко распространено в коми диалектах – оно фиксируется для ижемского диалекта, а также для отдельных говоров печорского и верхневычегодского диалектов. В [Лыткин, Гуляев 1970: 313] утверждается, что эта лексема заимствована в коми язык из хантыйского либо из мансийского языка.

Обобщение данных

Нож в каждом из уральских языков Ямало-Ненецкого АО обозначается особой лексемой, не имеющей когнатов среди других обозначений ножа в языках ареала. В коми-зырянском и в хантыйском языках дополнительно употребляются слова *чукри* и *щухри*, связанные с определенными действиями из области традиционного хозяйствования.

НОЖНИЦЫ

Ненецкий

Ненецкое слово *уэ́ттобэ́рць* с фонетическими вариантами *уэ́ттобэ́рць* (с. Сёяха), *уэ́ттобэ́ртъ* (с. Гыда), *уэ́ттопэ́рць* (с. Нори) и *уэ́ттубэ́рць* (с. Самбург) представляет собой имя действия, образованное от словосочетания со значением ‘делать волосы’.

Селькупский

В северных селькупских говорах зафиксировано два лексических варианта названия ножниц (оба с локальными фонетическими вариантами). Во-первых, ножницы описываются как ‘нож с двумя лезвиями’: *шитты бэ́нты-ль па́ны* (Красноселькуп, Сидоровск, Часелька) / *шитты бэ́нты-й па́ны* (Красноселькупская Толька, Киккиакки) / *ситты бэ́нты-й па́ны* (Ратга, Пуровская Толька): *шитты*

‘два’, *бэ́нты* ‘лезвие’, *-ль/-й* ‘адъективатор’, *па́ны* ‘нож’. Во-вторых, ножницы описываются как ‘два ножа’: *ситты-па́ны* (Быстринка) / *ситты-па́ны* (Фарково): *ситты* ‘два’, *па́ны* / *па́ны* ‘нож’.

Хантыйский

Для обозначения ножниц используется описательное словосочетание *ка́т йэ́тлэ́п кеши* / *кесы* (букв.: нож с двумя лезвиями): сынск. *Ка́т йэ́тлэ́п кешен ты шайшэмты́йэ са* ‘Ножницы сюда дай-ка ненадолго’.

Коми

В говорах коми-зырянского языка ножницы обозначаются не композитом (как в хантыйском и селькупском языках), а специальной лексемой – *шыран*. Существительное *шыран* ‘ножницы’ является однокоренным

к глаголу *шырны*, который в обследованных говорах ижемского диалекта имеет значения ‘стричь (например, ногти, волосы)’, ‘резать ножницами’, а в литературном коми-зырянском языке – значение ‘резать на мелкие части’ (тип инструмента в этом случае не специфицируется), см. подробнее [Кашкин 2010].

В присыктывкарском диалекте, положенном в основу литературного коми языка, ножницы обозначаются русским заимствованием *ножич* [КСК I: 1008], зафиксированным и в ряде других диалектов, но не в ижемском. В наших материалах лексема *ножич* также не встретилась. Лексеме *шыран* в [КСК II: 824] приписано первое значение ‘ножницы для стрижки овец’ (в т. ч. для присыктывкарского диалекта, но не для ижемского). Общее значение ‘ножницы’ зафиксировано для вымского, ижемского, нижневычегодского и удорского диалектов.

Обобщение данных

Название ножниц следует в языках ареала двум моделям. В хантыйском и селькупском в основе этого наименования лежит визуальная характеристика наличия двух лезвий, тогда как в ненецком и коми-зырянском языках наименованием ножниц служат отглагольные образования, маркирующие функцию этого предмета быта. Не исключено, что такое различие наименований может быть обусловлено более поздним характером появления ножниц в обиходе по сравнению, например, с ножом. Отметим, вместе с тем, что наименования ножниц не заимствуются языками народов Ямало-Ненецкого АО ни друг от друга, ни из русского языка (в отличие от литературного коми, где для выражения этого значения используется русское заимствование).

РУЖЬЕ

Ненецкий

Ружье повсеместно обозначается существительным *туни*: *Туни тэврад* ‘Принеси ружье’ (с. Сёяха). От информанта в с. Гыда зафиксирован также вариант *тухуни* (в словаре [Терещенко 1965] не отмечается). Дробь повсеместно обозначается существительным *мууг* с исходным значением ‘стрела’. Зафиксированы также лексемы *ладортйна* ‘курок, боек’ (с. Сёяха): *Ладоранам' нёр пэр* ‘Не трогай курок’; *мйнзэхал* ‘курок, боек’ (с. Яроно). Первая представляет собой субстантивировавшееся причастие от глагола *ладорчъ / ладорць* ‘бить, ударять’, вторая – существительное, образованное от глагола *мйнзэхалчъ / мйнзэхалць* ‘шевельнуться, двинуться’.

Селькупский

В селькупских говорах Таза, Верхней Тольки и Турухана ружье называется старым русским заимствованием *пушкат / пушкан* (из русского *пушка*). Кроме того, на Среднем Тазе и Турухане исполь-

зуется еще одно русское заимствование – *рушак* (из русского *ружье*).

Хантыйский

Повсеместно используется заимствованное из русского языка слово *пйшкан* (шурьшкарский диалект) / *поскан* (приуральский диалект) – от рус. *пушка*. Интересным является перенос значения с орудия большого размера на обозначение ружья. Заимствование основано на функции произведения выстрела.

Стрельба из ружья описывается теми же лексическими средствами, что и стрельба из лука, ср. использование глагола *эсэты* ‘отпустить, выпустить’ в значении ‘стрелять’. В основе этого значения лежит образ натяжения тетивы и высвобождения стрелы, который метонимически переносится на процесс стрельбы из ружья, физически не имеющий ничего общего со стрельбой из лука: шур. *Вой велты хй пйшкан эты эсэс* ‘Охотник выстрелил из ружья’. Аналогично и ружейный заряд называется: *пйшкан нол* (букв.: ружейная стрела; шур., сынск.).

Однако для стрельбы из ружья имеется и специальный глагол – *орэты* ‘стрелять из ружья’: сынск. *Васы ведты алэң кўш, тйта, тута пйшкан орэдэт* ‘Уток убивать хоть и рано, здесь, там из ружья стреляют’; усть-собск. *Поскан тўр сый орэмэщамэс* ‘Послышался выстрел’.

Ствол ружья ассоциируется с горлом, что находит отражение в употреблении следующих выражений: шур. *кйт тўрпн пйшкан*; сынск. *кйт тўрэң пйшкан* ‘двуствольное ружье’ (букв.: с двумя горлами ружье); *пйшкан тўр сый* ‘выстрел’ (букв.: ружье горло звук).

Коми

Ружье в обследованных коми-зырянских говорах описывается старым русским заимствованием

пицаль. Согласно [КСК II: 126], эта лексема очень широко распространена в коми диалектах (в фонетических вариантах *пишишь* и *пиштишь*).

Обобщение данных

Ружье описывается в ненецком языке незаимствованной лексемой, а в коми-зырянском, хантыйском и селькупском – старыми русскими заимствованиями. При этом для исконных языков ареала источником заимствования служит слово *пушка*, описывающее орудие большого размера, а для коми языка (и на европейской территории РФ и, вслед за этим, у переселившихся за Урал ижемцев) – уже другое наименование оружия (*пицаль*).

ТОПОР

Ненецкий

Топор практически повсеместно обозначается существительным *тыбка*. В качестве возможного фонетического варианта информанты практически на всей обследованной территории указывают также вариант *тубка*, характерный для западных говоров тундрового ненецкого языка. В с. Самбург зафиксирован вариант *тэбка*: *тыбкам' силчь* 'наточить топор' (с. Яроно); *Тыбкар содад* 'Возьми с собой топор' (с. Сёяха); *Мань тэбканэ пямсам пидм* 'Я рублю дерево топором' (с. Самбург).

На всей обследованной территории фиксируются также глаголы *сябърчь* 'тесать топором' и *сәпәчь* 'рубить топором'.

Лезвие топора повсеместно обозначается существительным *нянд* 'лезвие, острие': *тыбка' нянд* 'лезвие топора'. Топорище повсеместно обозначается словом *ня* 'дерево': *Тыбка ня малий'* 'Топорище сломалось' (с. Сёяха).

Селькупский

Повсеместно во всех северных селькупских говорах топор обозначается существительным *ничы*. От него образуется прилагательное *ничы-тыль* со значением 'предназначенный для изготовления топора'. Обух топора называют *ничы-ш-шук/у* (топор-GEN-затылок, букв.: топора затылок). Топорище называют *ничы-т-паззы* (топор-GEN-рукоятка, букв.: топора рукоятка).

Хантыйский

Повсеместно используется слово *дайэм*: сынск. *Даймэл ивейна лакэнд* 'Топор постоянно выпадает (из топорища)'; усть-собск. *пәй ләјәт тәлән кә асем* *әи ләјәтнә тит јүх еватл* 'Если ты принесешь топор,

отец этим топором нарубит дров' [Николаева 1995: 242]; шур., сынск. *Даймән күр донэм хәйц хойса* 'Топором по сухожилию чуть не попала'.

Топорище, рукоятка топора называется тем же словом, что и ручка ножа, – *нәл*. По отношению к топору также используется глагол *нәлэтты* со значением 'насаживать нож или топор на черенок': шур., сынск. *Даймэл нәлэтәл* 'Топор свой насаживает (на топорище)'.

Обух топора называется словом *муңх / уңх*, лезвие – *интәл*: *Дайэм интәл дәл* 'Лезвие топора мягкое' (т. е. быстро становится тупым).

Для характеристики качества заточки топора, как и для слова 'нож', используются прилагательные *пәсты* 'острый; быстрый' и *нәйш* 'тупой': сынск. *пәсты дайэм* 'острый топор', *нәйш дайэм* 'тупой топор'. Имеется однокоренной глагол *нәйш-мәлтты* 'затупить': сынск. *Даймем әл кетмәдән, нәйшмәлтдәдән* 'Топор мой не трогайте, затупите'.

Коми

Для обозначения топора в обследованных коми-зырянских говорах используется существительное *чер*, в северных говорах (Белоярск, Самбург) имеющее фонетический вариант *тер*. По данным [КСК II: 696], лексема *чер* повсеместно распространена в диалектах коми языка. Вариант *тер* в [КСК II] не отмечен.

Обобщение данных

Как и нож, топор также обозначается в каждом из обследованных языков особой лексемой, заимствований данного обозначения нами не обнаружено. В хантыйском и селькупском языках одинаково называются части ножа и топора, для описания качества заточки используются одни и те же прилагательные.

ДЕНЬГИ

Ненецкий

Деньги повсеместно обозначаются лексемой *еся* (часто в форме мн. ч.: *еся*) с исходным значением ‘железо’, ср.: *Няби тобъёва падм' вабтуада: ялриндо' еся". Пинтадо' сер" сыхыбтяръяданю, есь юре уэта хануэ хая* ‘Вытряхнула первый мешок: там одно железо. Соединила их – получилась нарта’ (с. Антипаюта); *Есям нир выярт* ‘Железо не прогнешь’ (с. Сёяха); *Еся" уэбнанда – есядамда хуугува* ‘Деньги если [нужны] – деньги себе найдет’ (с. Антипаюта); *Есям' тась* ‘Он(а) деньги дал(а)’ (с. Сёяха). От информанта в с. Самбург зафиксировано также словосочетание *еся уэся'* ‘кошелек’ (букв.: емкость для денег).

Селькупский

Деньги повсеместно обозначаются одной единственной лексемой с фонетическими вариантами по говорам: *зомтӓ* (среднетазовские и туруханские говоры) / *хомтӓ* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры); в Красноселькупской Тольке, Киккиакках и Быстринке встречаются оба варианта. Существительное всегда употребляется в форме единственного числа.

Хантыйский

В разных диалектах хантыйского языка используются фонетические варианты слова ‘деньги’, ср.: казымское *вух*, сынское и шурышкарское *о́х*, усть-полуйское *ох*. С продвижением на север степень огубленности гласного ослабевает.

Хантыйское слово *о́х* ‘деньги’ метонимически развивает эту семантику из значения ‘серебро; серебряный’, ср.: сынск. *о́х луйэт* ‘серебряное кольцо’; шур. *Ма о́хдам шавиман тайсыдам* ‘Я сэкономила деньги’; сынск. *Нянь лэтты о́хдам тӓт хотэн удлэт* ‘Деньги на хлеб в кошельке лежат’; сынск. *А о́хдща у́йэм о́хдал*

йовэдэл ‘Откуда-то взятые деньги он раскидывает’; сынск. *Шиттыды́йэм о́хдал о́хды́йэ тӓрэттэсды* ‘Добытые деньги все потерял’.

В фольклорных текстах оно употребляется с определением *сорњи / сорњеу* ‘золотой’. Лексема *о́х* встречается также с определениями, конкретизирующими материал, из которого изготовлены деньги (одновременно их наличие свидетельствует о выветривании в этих случаях значения ‘серебро’): *нэпек о́х* ‘бумажные деньги’, *карты о́х* ‘монеты’ (букв.: железные деньги). Для обозначения монет отмечено также выражение *щел о́х* (букв.: жидкие деньги).

Значение ‘богатый’ выражается в хантыйском языке отсубстантивным прилагательным *тащӓң*: сынск. *Лӓв тащӓң нэ, ар о́х тайӓд* ‘Она богатая женщина, у нее много денег’. Однако само существительное *тащ* описывает исходно стадо оленей и не имеет значения ‘деньги’: *Мӓң тащев кӓрт пӓңӓда ньӓхӓдсэв* ‘Мы перегнали стадо к поселку’; *Лӓв о́хдал (*тащдал) даращ дыпийӓн о́ддӓд* ‘У нее деньги лежат в ящичке’ (с. Овгорт). В то же время это существительное может, согласно [Кошкарева (ред.) 2011: 124], приобретать более общее значение ‘богатство’.

Коми

В коми-зырянских говорах развилось несколько способов наименования денег. Часто в этом значении используется русское заимствование *деньга*. Во многих говорах такую семантику развивает существительное *сьӓм* с исходным значением ‘чешуя’: *Тэнад сьӓм выйым?* ‘У тебя деньги есть?’ (с. Мужы). В [КСК II: 476] такие употребления слова *сьӓм* зафиксированы для девяти диалектов коми языка, включая ижемский. В русском языке отмечается семантическое развитие слова ‘чешуя’ в обозначение тонких металлических предметов, ср. «железная чешуя, огарь, лом, мелочь из кузницы на перековку» в словаре В. И. Даля и «мельчайшая

Обобщение данных

пластинка золота» в «Словаре золотого промысла Российской империи» О. В. Борхвальдт. Не исключено, что в коми языке появилась калька этой модели полисемии.

Несколько менее распространено обозначение денег словом *лэбалан* (имперфективное причастие от глагола *лэбооны* ‘летать’), ср.: *Модасы сестасныс лэбалан* ‘Завтра дадут деньги’ (с. Мужы). В [КСК I: 874–875] сведений о таких употреблениях не приводится. Кроме того, бумажные деньги могут описываться лексемой *шайт* (по сведениям из [КСК II: 752], распространенной в пяти диалектах коми языка в значении ‘рубль’, а по данным [Лыткин, Гуляев 1970: 316], являющейся иранским заимствованием). Интересно, что для казымского диалекта хантыйского языка в словаре В. Н. Соловар отмечено слово *шойт* со значением ‘рубль’ [Соловар 2014: 78], а в словарной статье первым для этого слова дается значение ‘хвост’ [Там же: 380].

Наконец, в значении ‘копейка’ может использоваться существительное *ур*, описывающее также белку (можно предполагать связь этого употребления с использованием в старину беличьих шкурок в качестве платежного средства). В [КСК II: 663] для ижемского, нижневычегодского и печорского диалектов у существительного *ур* фиксируется значение ‘копейка’, еще для четырех диалектов – помеченное как устаревшее значение ‘единица денежного счета’ (при этом все приводимые примеры тоже содержат в русских переводах эквивалент ‘копейка’).

Наименования денег в уральских языках Ямало-Ненецкого АО оказываются неоднородны с точки зрения, во-первых, их заимствованного или исконного характера; во-вторых, полисемии и первичности / вторичности значения.

В коми-зырянском языке среди наименований денег имеются заимствования (русское и иранское), тогда как в других языках наименования не являются прозрачными заимствованиями.

С точки зрения полисемии селькупская лексема, а также заимствованные коми-зырянские лексемы выражают только значение ‘деньги’.

В ненецком и хантыйском языках названия денег образованы путем метонимического переноса от названий материалов (железа и серебра соответственно), из которых обычно изготавливались деньги. Аналогично устроено и коми-зырянское наименование копейки, исходно описывающее белку (видимо, оно связано с использованием беличьих шкурок как обменных эквивалентов).

Наконец, выявляются (в коми-зырянской системе) метафорические наименования денег. Одно из них (*сьём* ‘чешуя’) связано, по всей видимости, с внешним сходством формы монет и чешуи. Другое наименование (*лэбалан* ‘летающий’) основано, вероятнее всего, на сопоставлении товарно-денежного обмена с быстрым перемещением.

ДОМ, ЧУМ И ДРУГИЕ ВИДЫ ЖИЛИЩ

Ненецкий

Чум, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, на всей обследованной территории обозначается существительным *мя*": *Теняна пэв-дя мякана пензьретаваць* "Вчера в темном чуме шаманили" (с. Сёяха); *Теда'ямдагуни', тедамбой" мями' нёхоми' хавра, нюрте"э ва"авни' тер" тэвахани'* 'Давай-ка мы с тобой поставим наш чум на новое место, только чум пока не будем снимать, а только вещи начнем перетаскивать' (с. Аксарка); *Хадума. Несэй мяк' тебава* "Запуржило. Мы попали в чужие чумы" (с. Лаборовая); *Пуныуы ельчаңгана тамбирувна выдарани, ненэй, мя"ми сыра уылворна, тюку тита сарвомана* 'В последнее время мы так сдали, правда, чум наш снегом заносит, аж вот до этих перекладин' (с. Антипаюта).

Вся остальная собранная лексика, относящаяся к чуму, тоже практически совпадает с одноименной лексикой в других говорах. Так, общим названием нюка (покрытия чума) является существительное *ея*: *Ея тырабтад* 'Высуши покрытие чума (т. е. нюки)' (с. Сёяха). Внутренний нюк повсеместно обозначается лексемой *мойко*. Дверь чума / дома везде обозначается существительным *нё*. Внутреннее пространство жилища (дома, чума) – *мой* (от информанта в с. Яроно зафиксирован также вариант *мой хыуг*). Практически не варьируют обозначения шестов чума. Так, дверной шест чума обозначается лексемой *нёны*, ср. существительное *нё* 'дверь' (в с. Новый Порт зафиксирован также фонетический вариант *нюны*). Главный шест чума, с развилкой на конце, к которому прикрепляются все остальные, обозначается существительным *макода* (в с. Новый Порт зафиксирован также фонетический вариант *мокода*). Везде одинаково, при помощи слова *симзы*, обозначается так называемый «священный» шест – вертикальный шест в чуме, к которому прикрепляются концы поперечных шестов для подвешивания крюков над очагом: *Симзы тяхамна хибяхартахана ханаць вэва* 'За святым

шестом нельзя проходить никому' (с. Сёяха). Лексемой *ти*" везде обозначается поперечный шест над очагом для подвешивания котла. От информанта из с. Яроно зафиксировано существительное *есен'бчь'* для обозначения шеста, при помощи которого нюки поднимаются на остов чума (букв.: предназначенный для натягивания нюков). Оно приводится и в словаре [Терещенко 1965].

Повсеместно фиксируются глаголы *мяр'ась* 'поставить, установить (чум)' и *есесь* 'натянуть нюк, ставя чум', *есен'ась* 'натягивать нюк, ставя чум': *Саля ни' мял мярад* 'На мыс поставь свой чум' (с. Сёяха); *Мяма" мярава"* 'Мы поставили чум' (с. Яр-Сале); *Маня" есенава"* 'Мы натягиваем нюки на чум' (с. Сёяха).

Повсеместно на обследованной территории совпадают и названия других видов жилищ: *хар'ад* 'дом', *ня хар'ад* 'изба' (букв.: деревянный дом).

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах лексема *м'от* обозначает неспецифицированное жилище. Чум – это *ол'жа м'от* (букв.: простое жилище), землянка – *чу-ль м'от* (букв.: земляное жилище), изба – *ма'зубль м'от* (букв.: бревенчатое жилище).

Хантыйский

Слово со значением «дом» употребляется в двух фонетических вариантах: повсеместно оно имеет огубленный гласный в корне – *хот*, однако для усть-полуйского говора зарегистрирована и неогубленная гласная фонема – *хат*, например: *Luw lăxiji koŋar mōla tām xatna ollət* 'Они, бедные, несчастные, в каком-то доме живут' [Николаева 1995: 230].

Повсеместно слово *хот* обозначает избушку, срубленную из бревен: сынск. *навэрт хот* 'бревенчатый дом'; сынск. *Мин т'ам хота амуй т'ом хота д'ондамэн* 'Мы в этот или в тот дом зайдем';

усть-собск. *Майнэм хотэм унты тус* ‘Довез меня до дома’; шур. *Хот эдты нусэң шўв этэл* ‘Из дома по- тынуло дымком’.

Для обозначения чума используются сочетания *йёрэн хот* ‘ненецкий дом’, а также сынск. *ўды хот* ‘чум’ (букв.: олений дом), отражающие специфику типичного жилища оленеводов. Для такого типа построек используются не отдельные слова, а словосочетания, это свидетельствует о том, что подобный тип жилища не был исконным. Отметим, однако, что в говоре с. Овгорт в качестве наименования чума встречается лексема *хот* без дополнительных определений.

Для обозначения других видов построек к слову *хот* добавляются определения, например: *нўки хот* ‘зимний чум, покрытый нюками’; сынск. *Тонты хотэв дыпийэн ньаврэм холэтлаты питэс* ‘В летнем чуме (букв.: в берестяном доме) громко заплакал ребенок’; сынск. *Йэмэң хот эдты шайңкан сый шацэл* ‘Из церкви (букв.: из священного дома) звон колокола слышен’; сынск. *ов хот* ‘кухня’ (букв.: дверной дом); *дов хот* ‘конюшня’ (букв.: дом лошади); *амп хот* ‘конура’ (букв.: дом собаки) и др.

В фольклорных текстах слово *хот* как символ домашнего очага, убежища сопровождается разнообразными определениями: сынск. *улпэсэң хот* ‘дом с имуществом’; усть-собск. *шоңхалэң хот* ‘дом с чувалом’; сынск. *ар шўңэң хот* ‘дом со многими углами’ и под.

В атрибутивной функции слово *хот* используется для обозначения всего того, что находится в доме: шур. *хот тыхэл* ‘семья’ (букв.: домашнее гнездо); шур. *Мўң шеңк йама кўтлэвэн улдэв, мўң хот тыхэл тэл* ‘Мы очень хорошо вместе живем, у нас дружная семья’ (букв.: наше домашнее гнездо полное).

У дома есть внутренняя часть и внешнее пространство, окружающее его: сынск. *Хот лыпы сыстама тайты мосэл* ‘Внутренность дома надо в чистоте содержать’; *хот пўңэл* ‘двор, пространство рядом с домом’.

Для номинации двери дома используется слово *ов* ‘отверстие’: сынск. *хот ов* ‘дверь дома’; сынск. *Хот ов пўншты мосэл* ‘Двери дома надо открыть’. Это слово обозначает также и устье реки.

В номинациях подоконника и порога двери используется слово *хон* ‘лодка; осина’, формирующее ассоциацию с рыболовецкой культурой: *ов хон* ‘дверной порог’; *ишњи хон* ‘подоконник’; например: сынск. *Катра хотэт ов хондал пайдтан улдэт* ‘В старинных домах пороги высоко находятся’; шур. *Турупкайэн пидэн ишњи хона пўнмем* ‘Вместе с твоей трубкой на подоконник положил’.

Другие части дома именуются следующим образом: *ов нухэл* ‘крыльцо’: сынск. *Ов нухлэв йада версэв* ‘Крыльцо отремонтировали’ (букв.: снова сделали); шур. *хот даңэл* ‘потолок; крыша’: шур. *Куцайэл дов хот даңла хуңхидыйэс* ‘Хозяин на крышу конюшни залез’; сынск. *хот сур* ‘стена’ (букв.: дом высота); сынск. *хот хыр* ‘пол’ (букв.: дом пространство).

Коми

Наименованием дома в обследованных говорах является существительное *керка* (фиксируемое в [КСК I: 659] во многих коми диалектах). В [КСК I: 341] приводится также слово *горт* с дефиницией ‘свой дом, свое жилье, место, где живешь или откуда родом’ (заметим также, что в [Лыткин, Гуляев 1970: 79] эта лексема признается источником заимствования для хантыйского *курт* ‘хантыйское жилище или поселение’, ср. также использование последнего компонента в топонимах – *Овгорт*, *Унсельгорт* и пр.). Однако в современных зауральских говорах существительное *горт* не используется в таком значении и, более того, становится поводом для насмешек над носителями европейских диалектов коми, поскольку оно имеет омоним *горт II* ‘гроб’ [КСК I: 341], употребляемый носителями зауральских диалектов и понимаемый ими как единственно возможное значение слова *горт*.

Чум во всех обследованных говорах обозначается существительным *чом*, восходящим к общепермскому **čom* ‘шалаш, амбар, хлев, чулан, пристройка к дому; маленькое (по сравнению с жилым домом) строение’ [Лыткин, Гуляев 1970:309]. В [КСК II: 721] это слово широко фик-

Названия типов традиционных жилых построек (дом, чум)

Ямало-Ненецкий автономный округ

- К** коми
- Х** хантыйский
- Н** ненецкий
- С** селькупский

сируется в основном диалектном массиве коми языка и может приобретать разные значения в зависимости от типичной для того или иного района сферы хозяйствования. Так, практически повсеместно оно имеет значения ‘шалаш’, ‘конура’, в верхневычегодском, печорском и удорском диалектах может обозначать ‘холодный хлев, закут на пастбище для мелкого скота’, в коми-язьвинском – ‘амбар’ (отсюда, по [Аникин 2000: 673], могло заимствоваться в русский, из русского – далее в мансийский и якутский), в нижневычегодском и среднесыольском диалектах описывает ‘конусообразно сложенные снопы конопли, льна на полях’. По словам жительницы с. Восяхово, родной диалект которой – печорский (с. Еремеево), ее отец называл словом *чом* небольшое строение, использовавшееся в качестве кладовки и построенное на сваях отдельно от избушки, а также этим словом в ее родном говоре можно назвать шалаш: *Ме турунсö орлалі и кари аслым ичöтик чом* ‘Я нарвал травы и сделал себе небольшой шалаш’. Однако в наших ижемских материалах ничего, кроме чума, данное существительное не обозначает (что, по-видимому, обусловлено исторической важностью оленеводства в жизни зауральских

коми, а также трудностями ведения в климатических условиях Ямало-Ненецкого АО многих отраслей сельского хозяйства, распространенных в Республике Коми).

Обобщение данных

Чум как жилище изначально специфичен для северносамодийской культуры. Так, в ненецком языке для его обозначения используется слово *мя*” как наиболее нейтральное слово с семантикой жилой постройки. Когнат данного слова *мѳт* в селькупском не имеет конкретной привязки к чуму и обозначает любой вид жилища, тогда как для наименования собственно чума используется составное *олѳамѳт*. Коми-зыряне и ханты, освоив данный вид жилища, называют его уже существующими в их языках лексемами, обозначающими сооружения, типичные для оседлого образа жизни. Так, в коми используется слово *чом* с исходным значением ‘шалаш’, ‘хлев’, ‘амбар’, ‘конура’, в хантыйском – слово *хот*, которое изначально обозначает деревянную избу, часто с дополнительным определением *йѳрэн* ‘ненецкий’, указывающим на источник заимствования постройки данного типа.

СТОЛ

Ненецкий

Стол и низкий столик в чуме повсеместно обозначаются существительным *толь*, представляющим собой, по-видимому, заимствование из русского языка: *Толь ни' уавар" мэн* 'На стол еду положи' (с. Сёяха); *Начеки толь' нид уаварм' секадта* 'Ребенок со стола еду рукой схватил' (с. Яроно).

Селькупский

Для обозначения низкого столика в чуме в северных селькупских говорах используются две лексемы: *лэм* (Ратга, Фарково) и *тэ́нты-по* (букв.: широкий дерево; Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Пуровская Толька, Быстринка, Фарково). Первое значение обеих лексем – 'доска', второе – 'столик'. Стол обычной высоты повсеместно называют словом *истол*, заимствованным из русского и фонетически адаптированным. В настоящее время это слово все чаще произносится в соответствии с фонетическими правилами русского языка.

Хантыйский

Слово *пáсан* используется для обозначения как традиционного низкого столика, так и высокого стола на четырех ножках, например: сынск. *Пáсан хойца ванашиэк хата* 'Двигайся ближе к столу'; шур. *Хойнашиэк олман пáсан сёрыйн ал опса* 'За столом развалившись не сиди'.

В [Лыткин, Гуляев 1970: 235] отмечается факт заимствования хантыйского *пáсан* 'стол' из коми языка. Обратное направление заимствования – из хантыйского языка во все коми диалекты – маловероятно ввиду отсутствия тесных контактов носителей хантыйского языка с носителями коми диалектов европейской территории России. Этимологии обсуждаемых лексем и каких-либо сведений об их возможном общеуральском происхождении не

приводится ни в [Лыткин, Гуляев 1970], ни в базе данных Starling.

В то же время обозначение стола с тем же корнем (с точностью до соответствий гласных между диалектами) широко распространено и в восточнохантыйских диалектах (*pəsän* для ваховского и васюганского диалектов и др. – см. подробнее [Терешкин 1981: 393]). Эти данные вызывают некоторые сомнения относительно гипотезы о прямом заимствовании данного слова из коми языка в связи с тем, что восточные ханты проживают в отдалении от коми-зырян и не имеют с ними столь же тесных контактов, как западные ханты. С другой стороны, нельзя исключать древность данного заимствования и распространение этого слова по всем диалектам вместе с соответствующим предметом быта. Так, по данным [ОФУЯ 1976: 241–242; 335], начало переселения хантов из района Приуралья на восток датируется XII в., а начало влияния коми языка на хантыйский – X–XI вв.

Слово *пáсан* 'стол' употребляется в разных образных выражениях, связанных с обычаями угощения, гостеприимства: шур. *Дын мөхты мойэң хойат пáсан сора опсацтдадэн* 'Они очень гостеприимные' (букв.: для гостей стол с угощением ставят); сынск. *Пáсанэт опсэмэт, сыр-сыр дэтотэн пөнэмэт, ванты рүвэн хойат тярэмда* 'Столы поставлены, разнообразными яствами уставлены, глядя, человек насыщается' (букв.: человеку достаточно).

В фольклорных произведениях встречаются устойчивые обороты, характеризующие стол, полный еды и угощений: сынск. *пори пáсан* 'стол с угощениями'; сынск. *сёрэң дат, мавэң дат пáсан* 'стол с напитками, с медовыми яствами'.

Коми

Стол в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО обозначается существительным *пызан*, повсеместно [КСК II: 251] используемым в диалектах коми языка.

Обобщение данных

Образование наименований стола в языках ареала следует разным стратегиям. Для коми-зырянского языка используется слово, у которого это значение является исходным и которое не опознается как прозрачное заимствование из какого-либо другого языка. В других языках на-

звания стола в той или иной степени вторичны. В селькупском языке используются либо метонимически производные образования с исходным значением ‘доска’, либо русское заимствование. В ненецком языке рассматриваемое значение тоже выражается русским заимствованием, а в хантыйском – предположительно заимствованием из коми.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ОБЪЕКТЫ ФАУНЫ

**ЖИВОТНЫЕ – МЕДВЕДЬ, ВОЛК, ЛИСА, ЗАЯЦ, ОЛЕНЬ (ГИПЕРОНИМ);
РЫБЫ – ЩУКА, ЯЗЬ;
ПТИЦЫ – ПТИЦА (РОДОВОЕ НАЗВАНИЕ), ГАГАРА, КУРОПАТКА, ГЛУХАРЬ,
ОРЕЛ, ВОРОНА, ВОРОН, ЧАЙКА, ЖУРАВЛЬ**

В данном разделе мы рассмотрим обозначения рыб, связанных с доминирующими отраслями хозяйства: оленеводством, охотой и рыболовством.

МЕДВЕДЬ

Ненецкий

Однословное обозначение медведя – лексема *вӱрк*, она фиксируется повсеместно. Поскольку медведь является у ненцев священным животным, слово *вӱрк* представляет собой до некоторой степени табу, а соответствующее значение часто передается иносказательно. Так, во всех обследованных поселках зафиксирован эвфемизм *ям' мядота* (букв.: землю в качестве жилища использующий): *Ям' мядота хоны* 'Медведь спит' (с. Сёяха). В с. Сёяха зафиксирован также эвфемизм *пэдарэй* (букв.: лесной). В с. Самбург записаны выражения *я' ваңгӱна иле* (букв.: в земляной яме живет) и *пивна ядэрта* (букв.: на улице ходящий), а в с. Нори – *пихина мэнаку* (букв.: на улице находящийся). Последние два выражения в таком значении больше нигде не встретились, обычно они используются по отношению к волку. Другие эвфемизмы, зафиксированные в словаре [Терещенко 1965]: *урико* (букв.: дедушка), *париденяко* (букв.: черненький), *хэбидя* (букв.: священный) в наших материалах не встречаются.

Селькупский

Слово *зорбы*, обозначающее медведя, известно во всех северных говорах. Традиционно оно было табуировано, и до сих пор по всем говорам чаще используются эвфемизмы: медведя-самца называют *ильча* 'дедушка', а медведицу *имыля* 'бабушка'.

Точно так же повсеместно используется название *лӱсы* (произносится с озвончением интервокального согласного *лӱзы*) 'черт'. В сказках медведя обычно называют *лӱс-ира* (*лӱз-ира*) 'черт-старик' (точнее, 'черт-мужчина, черт-мужик'). Женский вариант этого названия практически не встречается. Охотники обычно называют медведя *сӱрым* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Фарково), *сӱрым* (Верхняя и Нижняя Толька, Ратта) 'зверь'. В верховьях Тольки медведя зовут *пӱна* / *пӱна-ира* или *бабайка* (из русск.), а в Красноселькупской Тольке и на Турухане по отношению к медведю используются русские имена *Миша* (самец) и *Машиа* (самка), особенно в качестве обращения. Так, в записанном на Турухане в с. Фарково в 2014 г. рассказе о медвежьем празднике участники постоянно обращаются к медвежьей голове со шкуркой, которую усаживают за стол и потчуют чаем, используя русское *Миша*. На Среднем Тазе и Турухане при описании охоты на медведя пожилые люди не употребляют обычный глагол *чатты-зо* 'выстрелить', но заменяют его на *зӱсты-зо* 'пожертвовать, принести в жертву'. До сих пор сохраняются правила, которые не полагалось нарушать, добывая медведя, освеживая его и поедая его мясо. Однако это не означает, что этим правилам следуют всегда. Так, считается, что, освеживая медведя, нельзя ломать его кости, тушу следует разбирать по суставам. Но можно воспользоваться присказкой, которая позволит обойти запрет: хруст костей уподобляется хрусту веток в лесу, и всякий раз, как ломают медвежью кость,

громко объявляют, что это хрустят сучья в лесу под тяжестью наступающего на них медведя. Когда едят медвежье мясо, имитируют крик воронов: мясо едят не люди, мясо клюют вороны.

В Красноселькупской Тольке и Ратте медведя-шатуна называют *кўнама* ‘беглец’. От жительницы Ратты, переехавшей в Красноселькупскую Тольку, у нас записана дидактическая сказка о двух женщинах, одна из которых правильно воспитывает своего ребенка, а вторая неправильно: дети этой женщины шумят после захода солнца, и их съедает медведь (или черт), которому крики детей не дают спать. Этот сюжет очень популярен у северных селькупов и известен практически на всей территории их проживания. Обычно пришедшего медведя называют *лōзы* или *лōз-ира*, а в сказке из Ратты он зовется *кўнама* ‘беглец; медведь-шатун’¹.

Хантыйский

Повсеместное название медведя – *мойпар*, которое носителями языка интерпретируется как иносказание «хозяин пира» в связи с медвежьим праздником. Используется и большое количество табуированных наименований: так, в с. Овгорт зафиксированы варианты *атицийэм ики* (от *атици* ‘младший брат; младшая сестра’), *уртыйэм ики* (от *урты* ‘дядя (младший брат матери)’), в с. Восяхово отмечен также вариант *акэм ики* (от *аки* ‘дядя по отцу’). В речи носители хантыйского языка стараются не употреблять это слово, заменяя его в том числе и указательными местоимениями типа *тот*, *этом*. Приведем один из примеров такой замены: *Щиташиэк унт сōртэн ин икен* (букв.: этот твой мужчина) *ōмийтад щациэл* ‘Немного там в лесочке медведь ревет, слышно’ (с. Овгорт). Встречаются также именованья *пўни* ‘медведь’ и *ошњи* (букв.: шуба из овчины > *ош* ‘овца’): *нōви ошњи* ‘белый медведь’.

Части тела медведя, а также номинации связанных с ним действий во время медвежьих игр ищ табуи-

руются и выражаются лексемами в переносных значениях, например: *хус* ‘звезда; перен. глаза медведя’; *сāх* ‘шуба; перен. шкура медведя’; *молицан* ‘малица; перен. шкура медведя’; *воңицты* ‘собирать ягоды; перен. есть (во время медвежьих игр ищ)’; *эңхты* ‘снять; перен. освеживать медведя, снять шкуру’; *вохэлтты* ‘позвать; перен. добыть (о медведе)’ и мн. др.

Коми

Основным средством наименования медведя служит лексема *ош*. Помимо нее, зафиксирован ряд эвфемизмов, во-первых, характеризующих внешние признаки медведя: *гōна пель / гōна пеля* (букв.: мохнатые уши / с мохнатыми ушами), *кōсōй лапа* (букв.: косолапый); во-вторых, олицетворяющих медведя, в т. ч. представляющих его как родственника человека: *Миши дядь / дядя Миша* ‘дядя Миша’, *дядьнум* ‘наш дядя’, *дяднум* ‘наш дед’; а также *старик*, *миша*, *мишка* (в некоторых представленных случаях вероятно заимствование из русского языка). В с. Самбург зафиксировано также наименование *вōрын ветлалысь* (букв.: в лесу ходящий), характеризующее медведя по признаку места обитания. Некоторые иллюстрации табуированных употреблений представлены далее: *А ме видеда зэй ылын из бōктіыс мыйке съод пятна локтэ, вōрэ, бōрэ-воде ветлалэ. Съсыся дыр видеде-видеде: матэджык воис, а оказывачче, старикис локтэ. Ошкыс локтэ* ‘А я смотрю, очень далеко возле горы какое-то черное пятно идет, двигается, туда-сюда ходит. Потом долго смотрел-смотрел: подошел (зверь) поближе, а оказывается, медведь идет. Медведь идет’ (с. Восяхово); *Дядя Миша, ин вōрзедлы менэ, ме тэнэ ог вōрзедлы* ‘Дядя Миша, не трогай меня, я тебя не трогаю’ (с. Восяхово); *Миши дядь, мун-мун, керкаад мун, кудь абу грех эстэн уёоны* ‘Дядя Миша, иди домой, как тебе не стыдно здесь бродить’ (с. Самбург).

Обобщение данных

Во всех языках имеется особая лексема со значением ‘медведь’, однако повсеместно она является в той или иной степени табуированной, что

¹ Этот сюжет широко распространен и в хантыйском фольклоре, однако непослушных детей наказывает не медведь, а мифическое существо *менк*.

обусловлено распространенным на обследуемой территории культом медведя, представлениями о генетической связи человека и медведя или о божественном происхождении медведя, а также с представлением о нем как о хранителе моральных норм и традиций. В связи с этим в каждом из языков существует и ряд эвфемизмов, описательных обозначений данного животного. Условно они могут быть разбиты на несколько групп:

- 1) обозначение, связанное с местом обитания:
 - ненецкий: ‘землю в качестве жилища использующий’, ‘в земляной яме живет’, ‘лесной’;
 - коми: ‘в лесу ходящий’;
- 2) обозначение по внешнему облику:
 - хантыйский: ‘шуба из овчины’;
 - коми: ‘мохнатые уши / с мохнатыми ушами’;
- 3) обозначение, связанное с мифологическими представлениями о генетической связи медведя и

человека и приписыванием медведю человеческих черт:

- селькупский: ‘дедушка’, ‘бабушка’, ‘черт-мужчина, черт-мужик’, *Миша, Маиша*;
 - коми: ‘дядя Миша’, ‘наш дядя’, ‘наш дед’, *старик, Миша*;
 - хантыйский: ‘тот или иной родственник’, ‘мужчина’ и др.;
- 4) обозначения, обусловленные значимостью для носителей языка медвежьего праздника – комплекса обрядов, связанных с охотой на медведя:
 - хантыйский: ‘гость праздника’;
- 5) обозначения, связанные с представлением о медведе как об опасном животном:
 - селькупский: ‘черт’, ‘зверь’, ‘бабайка’.

Как можно видеть, в селькупском и коми ряд эвфемизмов, используемых для описания медведя, заимствован из русского языка.

ВОЛК

Во всех языках ареала для наименования волка используется большое количество табуированных наименований. Рассмотрим их далее.

Ненецкий

В ненецком языке некоторые наименования волка отражают особенности традиционной хозяйственной деятельности ненцев и связаны с нанесением вреда оленям: *тым' ханота* (букв.: оленей в качестве кровавой жертвы убивающий); *ты' хано* (букв.: оленя в качестве кровавой жертвы убивает).

Еще одно обозначение волка – *сармик* ‘зверь’. В ненецком языке слово *сармик* имеет самое общее значение ‘зверь’ и с определениями может обозначать различные виды животных: *я' сармик* ‘зверь, живущий на земле’ (букв.: земли зверь) – зайцы, песцы, горностаи и др.; *ид' сармик* ‘рыба’ (букв.: воды зверь), *нув' сармик* ‘птица’ (букв.: неба зверь), а без определений, в самостоятельном употреблении обозначает волка.

Имеются и наименования волка, мотивированные признаком места его обитания: *пивня ядэрта* (букв.: по улице гуляющий), *пихий* (букв.: уличный).

В [Терещенко 1965: 409] зафиксировано существительное *уылека*, первое значение которого – ‘злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь’, а второе значение – ‘волк’, см. словарный пример из большеземельского диалекта: *Тёнянэ саць серо"на, си"йв уылекам' тэмбарангу* ‘Лисица очень хитра, семерых волков обманет’. Однако в наших материалах по восточным говорам ненецкого языка подобные эвфемизмы для обозначения волка не встречаются.

Селькупский

В селькупском языке (Красноселькуп, Сидоровск, Фарково) имеется аналогичное ненецкому обозначение волка как животного, наносящего вред оленям, – *э́таль* (в Фаркове *а́таль*) *амырыль сұрып* (с локальными фонетическими вариантами)

‘зверь, питающийся оленями’ (букв.: олень едящий зверь). В Пуровской Тольке оленя называют *ѳтйй апсы сӯрым* ‘зверь, у которого оленья еда’ (букв.: оленья еда зверь) с тем же общим смыслом.

Зафиксирована также лексема *нѳты* (Красноселькуп, Часелька, Красноселькупская Толька, Фарково) / *нѳтый* (Часелька). Информанты пояснили это название волка следующим образом: «Мы называем волка ‘тот, кто гоняет оленей’». По форме *нѳты* – это основа глагола несовершенного вида *нѳ-ты-ѳо* (гнать-IPFV-INF) ‘гонять, догонять, преследовать’.

Встречается и именование волка гиперонимом ‘зверь’ – *сӯрым/н/ѳ*. Отметим, однако, что чаще так называют не волка, а медведя.

Наконец, волк может характеризоваться по внешнему признаку «большая длина хвоста»: *чумпы тальчы* ‘длинный хвост’ (Ратта), *тальчысымый сӯрым* ‘зверь, имеющий хвост’ (Ратта), *чумпы тальчий сӯрым* ‘длиннохвостый зверь’ (Толька Пуровская).

Хантыйский

В говорах шурышкарского диалекта широко используется наименование (*ѳды / вѳды*) *пѳрты вой* (букв.: (оленья) грызущий, кусающий зверь). Нами зафиксированы также близкие семантически варианты *ѳды дѳты вой* (букв.: оленья едящий зверь; с. Овгорт) и *ѳды велты вой* (букв.: оленья убивающий зверь; с. Восяхово).

Встречаются также наименования, связанные со словом ‘ночь’ – типичным временем активности волка: *ат дайѳдыт* (букв.: ночь ждущий некто) (с. Катравож); *атѳн / атѳдѳн йѳцхты вой* (букв.: ночью ходящий зверь; с. Овгорт, с. Восяхово).

В с. Овгорт зафиксировано наименование *кѳль* ‘черт’, представляющее волка как нечистую силу.

Наконец, имеется сакральное именование *йѳ-вѳр*, не употребительное в профанном языке.

Коми

В коми-зырянском языке волк обозначается заимствованным из русского существительным *звер*

(встречаются также фонетические варианты *зверь, зьвер*), часто в словосочетании *лѳк звер* (букв.: плохой зверь).

Существительное *кѳин / кѳйин* ‘волк’, широко используемое в литературном языке и в других коми диалектах (см. [КСК I: 727–728]), в обследованных поселках не употребляется и лишь пассивно известно отдельным носителям, знакомым с литературным языком. С другой стороны, в [Хаузенберг 1972: 22] наименование *лѳк звер*, общеупотребительное в обследованных нами говорах зауральских коми, оценивается как уходящее в основном диалектном массиве коми языка. Во время экспедиции в с. Восяхово мы работали с жительницей этого села родом из с. Еремеево Троицко-Печорского района Республики Коми (ее родной диалект – печорский). По ее словам, до переезда в Восяхово такого наименования она не встречала. В с. Самбург встретился также вариант *лѳк* (букв.: плохой) с утратой второго компонента составного наименования *лѳк звер*.

В более северных коми-зырянских говорах (Белоярск, Самбург) встречаются некоторые наименования, отсутствующие в более южных говорах Шурышкарского района. Можно предполагать их развитие под влиянием моделей полисемии, существующих в контактном с ними ненецком языке и в других языках ареала. Среди таких наименований волка встречаются:

– характеристики по внешним признакам: *кузь бѳж / кузь бѳжа* (букв.: длинный хвост / с длинным хвостом); *лы бѳж / лы бѳжа* (букв.: костяной хвост / с костяным хвостом);

– характеристика по времени активности (говор с. Самбург): *вой ветлалысь* (букв.: ночью ходящий);

– характеристики по месту обитания: *ылласа* (букв.: уличный; с. Белоярск), *ыллаын ветлалысь* (букв.: по улице ходящий; с. Самбург);

– отождествление с нечистой силой (с. Самбург): *ѳма* (букв.: ведьма), *бука* (букв.: нечистая сила).

Обобщение данных

Наименования волка в уральских языках Ямало-Ненецкого АО образуются по следующим моделям:

1) название по функции «убийство и поедание оленей» (ненецкий, селькупский, хантыйский);

2) название по функции «погоня за оленями» (селькупский);

3) название при помощи гиперонима 'зверь' (ненецкий, селькупский, коми-зырянский);

4) название по внешним признакам (селькупский, коми-зырянский);

5) название по времени, когда волк в основном выходит на охоту (хантыйский, коми-зырянский);

6) название по признаку обитания во внешнем, по отношению к человеку, пространстве (ненецкий, коми-зырянский);

7) сравнение с нечистой силой (коми-зырянский);

8) сакральные именованья, не употребительные в профанном языке (хантыйский).

Примечательным является большое количество табуированных наименований в коми-зырянских говорах, хотя в коми говорах европейской части РФ эти наименования не зафиксированы. Нельзя исключать их развития в говорах зауральских коми под языковым и культурным влиянием контактирующих идиомов.

ЛИСА

Ненецкий

Лиса повсеместно обозначается существительным *тёня*. Эта лексема по умолчанию относится к рыжей лисе. Факультативно может добавляться определение *нярьяна* ‘красный’. Если речь идет о черно-бурой лисе, добавляется определение *пйриденя* ‘черный’ (с. Яроно, Сёяха) с фонетическим вариантом *пйридена* (с. Антипаюта, Яр-Сале, Новый Порт) или *сеуг* ‘черный, темный’ (с. Гыда).

Селькупский

Лиса повсеместно обозначается лексемой *лоџа*. Для черно-бурой лисы тоже повсеместно используется сочетание с сокращенной формой прилагательного ‘черный’ – *сā лоџа*. Словосочетание *няр лоџа* ‘рыжая (букв.: красная) лиса’ употребляется реже, но допустимо во всех говорах.

Хантыйский

Лиса в обследованных говорах и диалектах обозначается одним и тем же словом, имеющим фонетические варианты *õхсар* (шурышкарский диалект) / *охсар* (приуральский диалект); ср. казымское *вухсар* [Соло-

вар 2014: 54]. По умолчанию, как и в других языках, это обозначение относится к рыжей лисе.

Коми

Лиса повсеместно описывается существительным *руч*. Здесь данные зауральских ижемских говоров совпадают с данными остальных диалектов коми, где слово *руч* также используется в этом значении [КСК II: 320–321]. Отдельные носители из с. Самбург называли в качестве одного из наименований лисы ненецкое заимствование *чоне*, но в целом оно оценивается носителями этого говора как слово ненецкого, а не коми-зырянского языка. При работе с носителями других коми-зырянских говоров лексема *чоне* не встречалась нам вовсе, в [КСК I, II] она также отсутствует.

Обобщение данных

Для обозначения лисы в каждом из языков на обследованной территории используется особая лексема: ненецк. *тёня*, сельк. *лоџа*, хант. *õхсар* / *охсар*, коми *руч*. Предварительно можно предположить, что данные слова по умолчанию обозначают рыжую лису. В случае, когда речь идет о черно-бурой лисе, обычно добавляется уточняющее обозначение ‘черный’, ‘темный’.

- К коми
- Х хантыйский
- Н ненецкий
- С селькупский

ЗАЯЦ

Ненецкий

Заяц обозначается лексемой *тэвэйси* (букв.: без хвоста): *Тэвэйси нявоты* ‘Заяц бежит’ (с. Сёяха); *Тэвэйси вэнякохд нявотъсь* ‘Заяц от собаки убежал’ (с. Сёяха). В «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко для значения ‘заяц’ фиксируется также слово *нява* [Терещенко 1965], характерное, по-видимому, для западных говоров. В материалах, записанных на территории Ямало-Ненецкого АО, оно было зафиксировано лишь от одного информанта (с. Яроно), и его употребление, вероятно, обусловлено влиянием ненецкого литературного языка.

Селькупский

Заяц обозначается лексемой *нёма* по всем северным селькупским говорам. Герой известнейшей селькупской героической легенды по имени *Нёмьль Поръы ира* ‘мужик (обычно переводят как ‘старик’) Заячья Парка’ носит заячью парку, прочность которой спасает его от смерти и помогает победить ненцев.

Хантыйский

В хантыйских говорах заяц обозначается существительным *шовэр* (шурышкарский диалект) /

совэр (приуральский диалект) – с закономерным диалектным чередованием *ш / с*.

Коми

Заяц обозначается существительным *кӧч* (в говорах Белоярска и Самбурга отмечен также фонетический вариант *кӧть*). Некоторые коми-зырянские информанты из с. Самбург предлагают в качестве эквивалента для слова ‘заяц’ лексему *бӧжтэм* (букв.: бесхвостый), калькируя в данном случае полисемию ненецкого *тэвэйси*. В [КСК I: 743] лексема *кӧч* указана как повсеместный способ наименования зайца в коми диалектах, тогда как вариант *бӧжтэм* в этом словаре отсутствует.

Обобщение данных

Лексема ‘заяц’ имеет разное происхождение в языках обследованного ареала.

В тундровом ненецком она буквально означает ‘без хвоста’.

Аналогичное буквальное значение зафиксировано и для лексемы ‘заяц’ в восточной части ареала распространения коми-зырянского языка, где это слово, по-видимому, является калькой с ненецкого. В селькупском источнике лексемы со значением ‘заяц’, возможно, является глагол ‘преследовать’.

ОЛЕНЬ

Ненецкий

Гипероним для обозначения одомашненного оленя – лексема *ты*. Поскольку оленеводство является у ненцев одним из основных традиционных видов хозяйственной деятельности, существует большая группа однословных обозначений, дифференцирующих оленей по разным признакам: полу, возрасту, репродуктивным качествам, особенностям поведения, привычкам и т. д. Специально эта лексика не собиралась, однако даже зафиксированный материал позволяет предполагать, что она едина, по крайней мере, для всех говоров на территории Ямало-Ненецкого АО. Так, олений бык-производитель повсеместно обозначается словом *хора*, кастрированный олень – словом *хабт*. Общее название для важенки, самки оленя, – *яхдай*, яловая важенка обозначается словом *нензады*, а бесплодная важенка – словом *хабтарка*. Общее название для оленьего теленка – *сую*, ласк. *су"ляко / суляко*, олененок-самец второго года жизни обозначается словом *намна*. Имеется специальная лексема для обозначения дикого оленя: существительное *илебць'*, образованное от глагольной основы *иле-* 'жить' при помощи дестинативного суффикса *-бць'* (букв.: предназначенный для жизни; средство жизни): *Ся"ны' нэбто' хане хэвы, сюдбя нынада юб' пендавы" си"ив илебцям' пыда хадавы* 'Однажды пошел охотиться, один раз выстрелил из своего огромного лука, убил семь диких оленей' (с. Яроно).

Селькупский

У селькупов домашний и дикий олень называется одним словом *ѳтӓ*. Это название фиксируется во всех поселках бассейна Таза. Только на Турухане в Фарково у носителей говора Нижней Баихи используется вариант *ѳтӓ*. Если надо подчеркнуть, что речь идет о диком олене, в Красноселькупе и Сидоровске используется словосочетание *мачьль ѳтӓ* 'лесной олень', а на Среднем Тазе и Турухане

дикого оленя раньше называли *нун ѳтӓ* (букв.: небесный олень).

Названия, дифференцирующие домашних оленей по полу и возрасту, одинаковы по всем северным селькупским говорам: *ѳѳры* 'олень-самец, бык-производитель' (так называют самцов и других, как правило, крупных, чаще копытных зверей); *ѳѳнты* 'выхолощенный олень'; *чэкты* 'важенка' (самка оленя); *ваукута* 'яловая важенка' (из ненецкого); *торняу / торняк / торня* 'олененок' (от рождения до полугода); *нялакы* 'олененок' (от полугода до года; из ненецкого); *кэрпау / кэрпак / кэрпа* 'годовалый олененок'; *ланча ѳѳры* 'олень-самец от года до двух лет (*лончак*)'; *нѳр пѳль* 'трехлетний (олень)'. С упадком оленеводства эта лексика теряется, сегодня немногие ее еще помнят.

Хантыйский

Диалектные варианты для обозначения этого понятия зафиксированы в приуральском и разных говорах шурышкарского диалекта. В шурышкарском диалекте, как и в казымском, олень называется *вѳлы / ѳлы* (с выпадением первого согласного по говорам), тогда как в приуральском и сс. Восяхово, Шурышкары и Питляр известно и употребляется также слово *кӓлау*, не имеющее аналогий в других хантыйских диалектах.

Терминология, связанная с разными названиями оленя по возрасту, полу, особенностям поведения, частично заимствована из ненецкого, частично образована на основе собственных языковых средств по ненецким моделям. Подробно эта лексическая группа рассмотрена в специальных исследованиях: на материале шурышкарского диалекта – С. В. Ониной [Онина 2004], приуральского диалекта – З. И. Рандымовой [Рандымова 2004]. В них представлены подробные словники и богатый фактический материал. Исследование широкого круга вопросов, связанных с современным оленеводством, содержится также в книге «Олень в культуре народов Севера» [Олень... 2016].

олень
(гипероним)

Ямало-Ненецкий автономный округ

К коми
Х хантыйский
Н ненецкий
С селькупский

Коми

Одомашненный олень повсеместно обозначается лексемой *кӧр*, широко зафиксированной в этом значении и в [КСК I: 736]. Специального обозначения дикого оленя не зафиксировано. Имеются и отдельные наименования для разновидностей оленей, в некоторых случаях заимствованные из ненецкого языка: *теля* ‘теленек’, *хора* ‘олень-производитель’, *бык* ‘кастрированный олень’, *нялуку* ‘годовалый теленок оленя’, *намнюку* ‘самец оленя от 1 года до 2 лет’, *важэнка* ‘самка оленя’, *сырича* ‘двухгодовалая самка оленя’, *ханторка* ‘бесплодная самка оленя’, *менуэрэй* ‘олень – вожак стада’, *авко* ‘ручной олень’.

Обобщение данных

Оленеводство играет важную роль в жизни коренного населения Ямало-Ненецкого АО, хотя

удельный вес этой хозяйственной деятельности различен в системе жизнеобеспечения ненцев, селькупов, ханты и коми.

Во всех четырех языках существует особая лексема для обозначения оленя. Кроме того, имеется разветвленная терминология, связанная с обозначением оленей по полу, возрасту, репродуктивным качествам, особенностям поведения, привычкам и т. д. Наиболее разработана она в ненецком языке; в других языках обследованного ареала эта терминология частично заимствована из ненецкого.

В ненецком, единственном из четырех языков, имеется также специальная лексема для обозначения дикого оленя – *илебцъ*, буквально означающая ‘предназначенный для жизни; средство жизни’. Однако, хотя это слово и известно носителям, встречается оно преимущественно в фольклорных текстах. По-видимому, это обусловлено тем, что, как отмечает М. Я. Бармич, на территориях проживания ненцев на диких оленей уже давно нет специальной охоты [Бармич 2014].

ЩУКА

Ненецкий

Щука повсеместно обозначается существительным *пыря*. Для территорий севернее Салехарда более характерны фонетические варианты *пыри*, *пыре*: *Пыри – хэбидя халя* ‘Щука – священная рыба’ (с. Сёяха). В сс. Гыда и Сёяха записан вариант *пйри*.

Селькупский

Для обозначения щуки в селькупских говорах повсеместно используется лексема *пичча*. Большую старую щуку называют *пичча-ира* (щука-AUG) или со стяжением гласных *пиччэйра* ‘щучища’.

Хантыйский

Во всех хантыйских диалектах, включая шурышкарский и приуральский, используется слово *сорт* ‘щука’; в с. Мужы зафиксировано так-

же описательное выражение *йэмәң хўд* (букв.: священная рыба); сынск. *пеңкәң сорт* ‘зубастая щука’; сынск. *сорт хошйиңк* ‘щучья уха’; сынск. *Ащем ун сорт йоша навэтмад* ‘Мой отец большую щуку добыл, оказывается’.

Части щуки обозначаются теми же лексемами, что и части тела человека и животных: шур. *сорт ньдл* ‘нос щуки’; шур., сынск. *сорт пеңк* ‘щучий зуб’ (это сочетание является также названием орнамента «щучьи зубы»); шур. *сорт пеңк дӧв* ‘челюсть щуки’.

Специфическими для рыб являются названия частей: шур. *сорт ньдхицэм* ‘жабры щуки’; шур. *ньдл ньорәң* ‘хрящ носа щуки’; шур., сынск. *сорт ньдл* ‘содержимое желудка щуки’.

Процесс добычи рыбы, как и добычи животных, передается глаголом *велты* ‘убить, добыть’: *Ма сорт вел-с-эм* (добыть-PAST-OBJ.1SG.SG) ‘Я щуку добыл’; а также глаголами *моцэтты* ‘добыть’ и *катэдты* ‘поймать’.

Для именованя щуки повсеместно употребляется существительное *сир*, выражающее эту семантику и в других коми диалектах [КСК II: 377]. Наряду с ним в коми-зырянских говорах, контактных с ненецким языком (сс. Белоярск, Самбург, Нори), используется существительное *сятура*. В [КСК II: 503] оно зафиксировано только для ижемского диалекта, отмечено оно и в [Игушев 1976]. Некоторым жителям с. Мужики и с. Восяхово это слово пассивно известно, но оценивается как устаревшее и вышедшее из употребления. По-видимому, данное наименование связано с ненецким глаголом *сяторъсь* ‘кусаться’ [Терещенко 1965: 606], ср. также отмеченное в большеземельском и западных ненецких диалектах существительное *сяторэй* ‘щука’ (букв.: кусачая) [Там же].

Практически в каждом из языков обследованного ареала щука обозначается одной и той же лексемой во всех говорах. Исключением является коми-зырянский язык, в восточной части ареала распространения которого наряду с исконным словом *сир* функционирует заимствованное из ненецкого языка слово *сятура*. В диалектах ненецкого языка, распространенных на территории Ямало-Ненецкого АО, для обозначения щуки используется лексема *пыря / пыри / пйри*. Слово *сятура / сятора / сяторэй* (букв.: кусачий) регистрируется в крайнезападных говорах тундрового диалекта ненецкого языка (см. [Бармич 2014: 200]).

ЯЗЬ

Ненецкий

Язь практически на всей обследованной территории обозначается словом *лысу*. Полученные данные согласуются с данными словаря [Терещенко 1965], в котором слово *лысу* имеет помету *вост.*, а для большеземельского и западных говоров приводится фонетический вариант *лэсу*. Информанты связывают слово *лысу* с существительным *лы* ‘кость’.

Селькупский

В селькупских говорах для обозначения язя повсеместно используется лексема *лауа*. Адъективная форма существительного ‘язь’ входит в название хантов и верхнетолькинских селькупов: и тех, и других называют ‘язевыми людьми’ – *лауаль бумыт*.

Хантыйский

В обследованных говорах хантыйского языка язь обозначается существительным *мевты* (шурышкарский диалект) / *мейты* (приуральский диалект): шур. *Мевты хул муй атэм, лбвэң кепа ищи эплэң* ‘Язь рыба

разве плохая [рыба], хоть и костистая, тоже вкусная’. В сс. Аксарка и Мужики зафиксировано также описательное название *дов ның* (букв.: кость женщина), в основу наименования положен признак, аналогичный ненецкому наименованию этой разновидности рыб.

Коми

Язь обозначается в коми-зырянских говорах существительным *сын*, отмеченным как повсеместно используемое в [КСК II: 456]. В говоре с. Самбург зафиксированы также наименования *лыа чери*, *лыко чери* и *лыко*. Существительное *чери* является гиперонимом со значением ‘рыба’. Слова *лыа* и *лыко* обычно связываются носителями с существительным *лы* ‘кость’, поскольку язь – костистая рыба. Один из носителей самбургского говора, вместе с тем, связал образование *лыа чери* с существительным *лыа* ‘песок’, проинтерпретировав все сочетание как ‘песчаная рыба’ (мотивация здесь, однако, не вполне ясна; по-видимому, имеет место народная этимология). В [КСК I, II] указанные самбургские варианты не приводятся. Вариант со сходной мотивацией – *лыэсь чери* (с атрибутивной формой от су-

ществительного *лы* ‘кость’) был упомянут и одним из жителей с. Восяхово, но данных о его регулярном употреблении в этом и в соседних говорах у нас нет.

Обобщение данных

В каждом из изучаемых языков имеются собственные наименования для обозначения язя, одна-

ко выявляется особый ареал, охватывающий приуральский диалект хантыйского языка и самбургский говор ижемского диалекта коми-зырянского языка, в которых модель наименования язя повторяет ненецкую и связана с признаком «костистый». Вероятно, это обусловлено ареальным влиянием ненецкого языка на контактирующие с ним на данной территории идиомы.

ПТИЦА (ГИПЕРОНИМ)

В данном разделе мы рассмотрим обозначение в языках обследованного ареала общего понятия ‘птица’, а также некоторых видов птиц, распространенных в данном ареале: гагары, куропатки, глухаря, орла, вороны, ворона, чайки и журавля.

Ненецкий

В качестве гиперонима для обозначения птицы чаще всего используется лексема *тиртя*, представляющая собой лексикализованное причастие от глагола *тирць / тирць* ‘летать’: *Нэрё тиртя" ханда* ‘Осенью птицы улетят’; *Тиртя" мална* ‘Птицы щебечут’ (с. Сёяха). Встречаются также описательные названия *нув' сармик* (букв.: животное неба; сс. Сёяха, Гыда, Новый Порт, Нори), *тиртя сармик* (букв.: летающее животное; с. Яроно): *Иба няю нув' сармик" хая* ‘Птицы на юг полетели’ (с. Сёяха). По отношению к маленьким птицам – воробьям, ласточкам, стрижам и т. п. – употребляется также лексема *лэ"мор* (севернее встречается в варианте без гортанного смычного – *лэмор*).

Селькупский

У селькупов птиц, как и зверей, называют *сұрып* (Красноселькуп, Сидоровск, Часелька, Фарково), *сұрым* (Толька Красноселькупская, Киккиакки, Ратта, Быстринка, Толька Пууровская) ‘зверь; птица’. Для обозначения мелких птичек используются лексемы со звукоподражательными корнями: *чичыка* (образовано от глагола *чичы-мпы-жо* (ше-

бетать-DUR-INF) ‘пищать, щебетать, чирикать’ с помощью уменьшительного суффикса *-ка*) ‘маленькая птичка’ (Средний Таз). Уменьшительный суффикс присутствует и в трех следующих наименованиях: *шұньча-ка* ‘маленькая птичка’ (Верхний Таз, Верхняя Толька); *тїты-ка* ‘маленькая птичка’ (Быстринка, Турухан), *сбтэу-ка* ‘маленькая птичка’ (Турухан). Среди птичек с такими именами называют трясогузку, синицу, зуйка.

Хантыйский

В качестве родового обозначения для разных птиц используется словосочетание *тõхлән вой* (букв.: крылатый зверь): шур. *Тõхлән вой тõрән кўт эдты нõх пурдәс* ‘Птица взлетела из травы’; шур. *Йўхән ун пнты тõхлән вой омәсәд* ‘На дереве сидит большая черная птица’.

Слово *вой* ‘зверь’ употребляется по отношению к разным животным, в том числе служит для создания описательных названий, например: сынск. *кўрән вой* ‘лось’ (букв.: ногастый зверь), *ўды пõрты вой* ‘волк’ (букв.: оленя грызущий зверь) и др. Употребляется оно также и в составе наименований разных видов птиц, например: сынск. *нәхты вой* ‘куропатка’ (букв.: смеющаяся птица), *кўцты вой* ‘рябчик’ (букв.: свистящая птица): *Унта йәңхәс, туп и кўцты вой моцатәс* ‘В лес сходил, только одного рябчика добыл’; *Рәнев шрпийән нәхты вой кәдтәм тәдлийә* ‘Под нашей горкой полно следов куропаток’.

В очевидных контекстах слово *вой* ‘зверь’ может употребляться и без определения *тõхлән* ‘кры-

латый’, например: сынск. *Ши войэн йам турэм ки уйэтэд, «ветлов, ветлов» ўвал, атэм турэм ки ўйэтэд, «йирув, йирув» ўвал* ‘Если эта птица (букв.: зверь) предсказывает хорошую погоду, то кричит *ветлов, ветлов*, если плохую погоду предсказывает – *йирув, йирув*’; *Имайэм ими сэсыдал вормад на тухэдал войэн питэмэт* ‘У тети ловушки насторожены, и в некоторые из них птицы (букв.: звери) попались’; *Ин войэн хайс кўтэн хайэмэмал* ‘Эта птица в тальнике спряталась’.

Маленькие птички называются одним общим словом *щицки* ‘воробей и др. маленькие птички’: сынск. *Апем щицкет пела ъльэмал* ‘Собака на птичек засмотрелась’; усть-собск. *Щицкидам њањэн пярңалтсэддам, вана ат йилэт* ‘Птичкам хлеба крошил, пусть ближе подойдут’; шур. *Курт хяр щицкет йи нўва, йи нўва датэмтыдэт* ‘Деревенские птички с одной ветки на другую ветку перелетают’.

Слово *щицки* входит в состав названий некоторых птиц, например, *щицкўрек* ‘курица, петух’, *кер щицки* ‘пуночка’ (небольшая северная птица из семейства воробьиных; букв.: наст птичка): усть-собск. *Кер щицкийэ эсэдсэды* ‘Выпустил пуночку’; *хяда щицки* ‘ласточка-береговушка’; *нохэр / нахэр йўх щицки* ‘кедровка’; *варэс щицки* ‘овсянка’ (букв.: куст птичка).

Лексема *пўшэх* употребляется в составе наименований птенца и птичьего яйца, из которого птенец вылупляется: сынск. *щицки пўшэх* ‘птенчик’, *кар-эң пўшэх* ‘яйцо птицы’ (букв.: скорлупа-ADJ птенец), ср. также: сынск. *кар-эң пўшэх кар-эл* ‘скорлупа яйца’ (букв.: скорлупа-ADJ птенец скорлупа-POSS.3SG.SG).

Для обозначения частей тела птиц используются, с одной стороны, те же самые слова, которые описывают части тела человека и животных, а с другой стороны, специфические лексемы, обозначающие части тела, характерные только для птиц. Так, клюв называется тем же словом, что и нос человека и выступающая часть морды животного – *њол*: сынск. *кўрэк њол* ‘клюв орла’; *тор њол* ‘клюв

журавля’: *Щицки њол кињца ван* ‘Птичьего клюва короче’ (букв.: по сравнению с птичьим клювом короткий).

Птичий коготь называется тем же словом, что и ногти человека (*кўни кар*) или когти животных – *кўни*: сынск. *хотэң кўни* ‘коготь лебедя’.

К узкоспециализированным лексемам, обозначающим части тела птицы, относятся, в частности, следующие: *пўка* ‘зоб птицы’: сынск. *лўк пўка* ‘зоб глухаря’; сынск. *сѡва* ‘желудок птицы’; усть-собск. *хул њуха* ‘грудное мясо птицы’ и др.

Коми

В коми используется русское обозначение *птица*, которое иногда осваивается как *тица* с упрощением начального кластера. Имеется также лексема *джидж* (с фонетическими вариантами *джыддж*, *дидж*, *дидь*), которая обычно служит общим наименованием небольших певчих птичек. В [КСК I: 413] данная лексема представлена как специфическая для ижемского диалекта. Распространенные в коми диалектах гиперонимы *кай*, *лэбач* и *пўтка* [КСК I: 625, 875; КСК II: 200] в наших материалах не отмечены.

Обобщение данных

Для ненецкого, селькупского и хантыйского языков нехарактерно наличие специальной лексемы для обозначения птицы. Птиц, как и зверей, обозначают одним и тем же словом с общим значением ‘зверь; животное’. Имеется ряд описательных названий, характеризующих птиц как животное, умеющее летать: ‘летающий’, ‘животное неба’, ‘крылатое животное’.

В коми в качестве гиперонима для обозначения птиц выступает слово, заимствованное из русского языка.

Во всех четырех языках фиксируется особая лексема, используемая для обозначения мелких птиц.

ГАГАРА

Ненецкий

Гагара повсеместно обозначается словом *нюня* – как в ямальских, так и в большеземельских говорах, ср. [Терещенко 1965: 332]

Селькупский

В селькупских говорах отмечено два названия для гагары: *някыы* ‘краснозобая гагара’ и *вбчыно / мбчыно* ‘черная гагара’. Оба они известны повсеместно.

Хантыйский

Повсеместно употребляется слово *тахтэң* (с.с. Овгорт, Азовы Питляр) / *тахтэң* (с. Горно-князевск). Для разграничения разных видов гагар используются описательные обороты: приуральск. *нави ньдпи тахтэң* ‘белоклювая гагара’, *вурты ньдпи тахтэң* ‘краснозобая гагара’, *путы турпи тахтэң* ‘чернозобая гагара’. В с. Катравож зафиксировано также наименование *лулы*. Гагара считается священной птицей, так как она, согласно мифологии хантов, достала землю со дна Миро-

вого океана. Для казымского диалекта зафиксированы табуированные наименования: *дор вой* (букв.: озерный зверь), *тахтэң аки ики* ‘гагара дядя’.

Коми

Гагара обозначается русским заимствованием, в освоении которого отмечается фонетическая вариативность: *гагара, гөгöra, гөгера*. Аналогично устроенный набор вариантов наблюдается и в целом по коми диалектам: *гагара, гөгара, гөгöra, гөгөря, гөгера* [КСК I: 303, 345, 346, 347] (в варианте *гөгöra*, вопреки общей фонетической системе ижемского диалекта, во втором слоге содержится *ö*, но это соответствует одной из регулярных стратегий освоения русских заимствований).

Обобщение данных

Обозначения разных видов гагар фиксируются в ненецком и селькупском языках. В коми название гагары представляет собой заимствование из русского языка.

Гагара краснозобая
(Gavia stellata)

Ямало-Ненецкий автономный округ

КУРОПАТКА

Ненецкий

Для обозначения куропатки на всей обследованной территории фиксируется существительное *хоркы*. Другие варианты: *пайдык* (с. Яроно и Лаборовая), *хйбэвко* (с. Яроно), *хонде"э* (с. Гыда). В словаре [Терещенко 1965] эти лексемы описываются следующим образом: *хоркы* – ям. ‘куропатка’; *пайдык* – б.-з. ‘куропатка’; *хйбэвко* – м.-з. и ям. ‘куропатка’; *хонде"э* – б.-з. ‘куропатка’. От других информантов на обследованной территории данные варианты не зафиксированы, за исключением слова *хонде"э*.

Селькупский

На Верхнем Тазе (Рагта) и на р. Тольке (Толька Красноселькупская, Толька Пуровская, Быстринка) сохранилось старое селькупское название куропатки – *у*. На Среднем Тазе (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск) и на Турухане старое название куропатки мало кто знает, в основном там куропатку называют заимствованным из русского словом *курпашка*.

Хантыйский

Для обозначения куропатки в разных диалектах и говорах хантыйского языка используются разные слова: *шоха* / *соха*, *нйвы вой* (букв.: белый зверь), *нйхты вой* (букв.: смеющийся зверь), *пойтэк*. Используется модифицированная модель на основе

слова *вой*, а также заимствованное из коми название *пойтэк*, известное также и в казымском диалекте хантыйского языка. В с. Овгорт зафиксированы также варианты *хйти* и *хй"эв*, образованные от звукоподражания крику куропатки.

Коми

Куропатка обозначается на коми-зырянском языке существительным *байдык*. В [КСК I: 50] функционирование этой лексемы отмечается для ижемского, вымского и удорского диалектов. Вариант *байдöг*, приводимый в словаре [Там же] для присыктывкарского и некоторых других диалектов, в наших идиомах не встречается.

Обобщение данных

В разных частях ареала распространения ненецкого и хантыйского языков фиксируются разные названия куропатки, многие из которых основаны на звукоподражании. В отличие от ненецкого и хантыйского, в обследованных говорах коми используется одна и та же лексема *байдык*, обнаруживающая параллели в ненецком и хантыйском, ср. ненецк. *пайдык*, хант. *пойтэк*. В селькупском языке исконное название для куропатки сохранилось только на юге обследованного ареала. В остальной части используется русское заимствование.

ГЛУХАРЬ

Ненецкий

Глухарь повсеместно обозначается лексемой *лук*. Это же слово используется и в значении ‘тетерев’. В с. Яроно зафиксирован также вариант *ля лук* (букв.: лесной глухарь), а в с. Сёяха – вариант *сензя*: *Сензям' нямадм'* ‘Я поймал глуха-

ря’. Все три обозначения приводятся и в [Терещенко 1965].

Селькупский

Глухарь повсеместно обозначается лексемой *сэуны*. Эта лексема служит и родовым названием

боровой дичи – глухарей и тетеревов разных видов. Самку глухаря называют *шүмә* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Толька Красноселькупская), *сүмә* (Толька Красноселькупская, Киккиакки, Ратта, Толька Пуровская, Быстринка, Фарково). Самца глухаря называют *кәркыт* (Толька Красноселькупская, Ратта, Толька Пуровская).

Хантыйский

Общим для всех диалектов является слово *лүк*, которое имеет параллель в ненецком. В сс. Овгорт, Азовы, Мужы были записаны наименования самца глухаря – *питы лүк* (букв.: черный глухарь) и самки глухаря – *хайшаң лүк* (букв.: пестрый глухарь).

Коми

Повсеместным средством наименования глухаря является существительное *чукчи* (в с. Нори

отмечен также фонетический вариант *тюкти*). По данным [КСК II: 737], оно распространено в значительной части коми диалектов, включая ижемский. Кроме того, в обследованных населенных пунктах употребительно слово *дозмер*, обозначающее самку глухаря. Его литературному соответствию *дозмөр* (употребимому и во многих других диалектах коми языка) в [КСК I: 454] приписано толкование ‘глухарь’, не содержащее ограничение пола, что не соответствует нашим данным.

Обобщение данных

В наименованиях глухаря обнаруживаются параллели в ненецком и хантыйском языках, ср. ненецк. *лук* и хант. *лүк*. В ненецком и селькупском лексема, используемая для обозначения глухаря, служит и родовым названием для боровой дичи: глухаря, тетерева и т. п. В селькупском, хантыйском и коми фиксируется дифференцированное обозначение самца и самки глухаря.

ОРЕЛ

Ненецкий

Орел повсеместно обозначается существительным *лимбя*. Лексема ‘орел’ используется также в названии месяца: *лимбя’ иры* ‘февраль’ (букв.: месяц орла).

Селькупский

Орел повсеместно обозначается лексемой *лимпьы*. Как и в ненецком языке, эта лексема используется и в названии месяца: *лимпьы ирәты* ‘март, февраль’.

Хантыйский

Повсеместно орел именуется словом *күрәк*. Так же, как в ненецком и селькупском языках, эта лексема используется в названии месяца: *сынск. ропхәң күрәк тыдәң* ‘февраль’ (букв.: месяц об-

манчивого орла). В приуральском диалекте часто все крупные птицы (беркут, коршун, ястреб, а также орел) называются одним словом *сывас*. Возможно, опрошенные нами информанты неточно представляют себе различия между разными видами птиц. Ср. также употребление слова *күрәк* в значении ‘ястреб’ в казымском диалекте [Соловар 2014: 131], а также другое наименование орла в казымском диалекте – *кари* [Соловар 2014: 112].

Коми

Орел обозначается в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО существительным *кутии* (в речи некоторых носителей из с. Самбург встречается вариант со смягчением конечного согласного – *куч*). Согласно [КСК I: 778], лексема *кутии* (с дефиницией ‘подорлик’) распространена в коми-зырянских говорах повсеместно.

Обобщение данных

Обозначение орла в ненецком и селькупском языках имеет общие корни, ср. ненецк. *лимбя*, сельк. *лимты*. Заметной чертой для ненецкого, хантыйского и селькупского языков является использование лексемы 'орел' в названии месяца – февраля и / или марта, ср. ненецк. *лимбя' иры* 'февраль' (букв.: месяц орла), сельк. *лимпль ирйтты*

'март, февраль' (букв.: месяц орла), хант. *ропхэң кўрэк тылдэц* 'февраль' (букв.: месяц обманчивого орла). Это не случайно: в названных языках в основу народного календаря положены цикличность природных явлений, хозяйственных и промысловых занятий.

Исключением является коми, в котором все наименования месяцев заимствованы из русского языка, а лексема 'орел' в них, соответственно, не используется.

ВОРОНА

Ненецкий

Значение 'ворона' повсеместно передается существительным *вўруэ*.

Селькупский

Название вороны повсеместно передается лексемой *кэря*.

Хантыйский

В хантыйском названии вороны наблюдается параллель с ненецким – *вўрца* (шурышкарский диалект) / *ворца* (приуральский диалект).

Коми

Ворона описывается в обследованных говорах существительным *куваркан*, встречается также ва-

риант *кувыркан*. В [КСК I: 756] вариант *куваркан* зафиксирован только для ижемского диалекта, наряду с вариантом *кваркан* для удорского диалекта [КСК I: 651].

В большинстве коми диалектов значение 'ворона' выражается, однако, существительным *рака* [КСК II: 277].

В обследованных говорах последнее слово многим носителям неизвестно, а для остальных имеет не вполне устойчивый денотат (в частности, информанты понимали его как 'ворон' и 'грач').

Обобщение данных

Наименования вороны в ненецком и хантыйском языках фонетически сходны. Коми-зырянское наименование отличается от употребительного в большинстве других диалектов.

ВОРОН

Ненецкий

Ворон повсеместно обозначается лексемой *хўруэс*: *Хўруэс тируа* 'Ворон летает' (с. Сёяха).

Селькупский

Название ворона повсеместно передается лексемой *кўля*. Крик ворона имитируется при поедании

меди медвежьего мяса: «Это не мы, люди, едим мясо лесного родственника, это вўроны его клюют».

Хантыйский

В Аксарке и Катравоже для обозначения ворона используется лексема *харнэс*, созвучная приведенному выше ненецкому существительному. В Овгорте, Шурышкарах и Катравоже зафиксировано

также название *хулах*. Ср. в казымском диалекте – *хөлах* [Соловар 2014: 339].

Коми

Наименованием ворона в обследованных коми-ижемских говорах служит существительное *кырныш*. По данным [КСК I: 797], оно используется в этом значении и в других диалектах коми языка.

Обобщение данных

Особая лексема для наименования ворона используется в каждом из языков. В приуральском диалекте хантыйского языка слово *харнэс*, очевидно, заимствовано из ненецкого, так как в более южных говорах, граничащих с казымским диалектом, употребляется общая для казымского и шурышкарского диалектов лексема *хөлах / хулах*.

ЧАЙКА

Ненецкий

Чайка на большей части обследованной территории обозначается существительным *хэлэв*, причем информанты в большинстве случаев уточняют его значение как ‘речная чайка’. При этом в словаре [Терещенко 1965] для *хэлэв* указано просто значение ‘чайка’, однако в приводимых текстовых примерах речь практически везде идет не о речной, а о морской чайке, например: *Яв' вархана халэв" лямбворна", намгэхэва таявангабя* ‘На берегу моря чайки взлетают невысоко, что-то, наверное, есть’ [Там же: 209]; *Яв' нимня тиртя халэв халям' хадаби* ‘Летающая над морем чайка ловит рыбу’ [Там же: 662]. Для обозначения чайки-поморника в с. Новый Порт зафиксировано слово *хурёхо*, а в с. Яроно – *хуряв* и *тёрняв*. Однако информанты из сс. Сёяха и Лаборовая для последнего слова (в Лаборовой зафиксирован фонетический вариант *тёрбяв*) указали значение ‘речная чайка’: *Тарпяв нимнанда сюра* ‘Речная чайка над ним кружится’. В с. Самбург зафиксированы следующие варианты: *хэлэв* ‘большая чайка’, *тёрняв* ‘маленькая чайка’, *харяв* ‘халей, маленькая чайка’. В словаре [Терещенко 1965], помимо слова *хэлэв*, для обозначения различных видов чаек приводятся следующие лексемы: *хурёхо* ‘поморник’; *хуряв* ‘поморник длиннохвостый’; *тёрняв* (в западных говорах *тёрбяв*) ‘птица из породы чаек’.

Селькупский

На Среднем Тазе (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск) и на Турухане (Фарково) чайку называют

зальльык, на Верхнем Тазе и Верхней Тольке (Толька Красноселькупская, Рагта, Киккиаки, Толька Пуровская, Быстринка) – *заййыу*. Корень слова звукоподражательный, ср. *зальльай-льай-льай-льай* и *зальльуй-зальльуй* ‘подражание крику чайки’.

Хантыйский

Как и в ненецком языке, речная чайка называется *хэлэв*: сынск. *Хэлэв лэвам хул уиэмэртты нута пьоны* ‘Халеем подьеденную рыбу в котел для квашения положи’.

В приуральском диалекте слово *хэлэв* употребляется также для обозначения разных видов поморников: *хув посэң хэлэв* ‘длиннохвостый поморник’, *ван посэң хэлэв* ‘короткохвостый поморник’. Зафиксированы немногочисленные названия для других видов чаек: *соры* – для одной из разновидностей речных птиц типа чайки и *карийол* ‘чайка черноголовая’ (с. Овгорт).

Коми

Чайка обозначается существительным *каля*. В с. Мужы некоторые информанты предлагали переводной эквивалент *халей*, понимаемый ими как слово коми-зырянского языка. В целом, однако, в обследованных поселках слово *халей* оценивается носителями как русское либо ненецкое / хантыйское и не используется в коми-зырянской речи (равно как и не фиксируется в [КСК I, II]). По данным [КСК I: 631], лексема *каля* используется в большинстве коми-зырянских идиомов в значении ‘чайка’. Кроме того, в словаре вы-

делены омонимы *каля II* ‘белый’ (в присыктывкарском диалекте) и *каля III* ‘глазированный, полированный (о глиняной посуде)’ (в ижемском диалекте). В случае этих лексем нельзя исключать сценария семантического сдвига: по метонимической модели с чайки на ее цвет для *каля II* и по метафорической модели для *каля III*. В обследованных нами идиомах слово *каля*, однако, не обозначает ничего, кроме чайки, поэтому дополнительных данных за или против такой гипотезы в нашем распоряжении нет.

Обобщение данных

Лексема, служащая в качестве общего обозначения чайки, по-видимому, имеет общие корни во всех обследованных языках и, возможно, основана на звукоподражании, ср.: ненецк. и хант. *хълэв*, сельк. *цальльык*, *цаййыу*, коми *каля*. В ненецком, в отличие от других языков данного ареала, зарегистрирован также ряд названий, дифференцирующих разные виды чаек.

ЖУРАВЛЬ

Ненецкий

Журавль повсеместно обозначается существительным *хърё* (фонетические варианты *хъре*, *хърю*).

тор / хънсаң тар, т. е. ‘пестрый; расписной, украшенный; перен. красивый’.

Селькупский

Журавль повсеместно обозначается в селькупских говорах лексемой *цара*. Лексема выступает в качестве первого компонента названия клюквы: *цара топыр* (букв.: журавлиная ягода). Журавль часто символизирует духа-помощника шамана и в связи с этим упоминается в селькупских шаманских песнях.

Коми

Журавль на территории обследованного ареала обозначается существительным *тури*, широко употребительным в коми диалектах [КСК II: 589]. В с. Нори зафиксированы также описательные наименования, мотивированные внешними признаками: *кузь ныра* (букв.: длинноносый) и *кузь кока* (букв.: длинноногий).

Хантыйский

В хантыйском журавль называется *тор* (шурьшкарский диалект) / *тар* (приуральский диалект). Иногда добавляется определение *хъниаң*

Обобщение данных

Обозначение журавля обнаруживает параллели в двух самодийских языках – ненецком и селькупском, ср.: ненецк. *хърё*, сельк. *цара*. В двух финно-угорских языках, хантыйском и коми, аналогичная лексема тоже имеет общие корни, ср.: хант. *тор / тар* и коми *тури*.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ОБЪЕКТЫ ФЛОРЫ

ЯГОДА, БРУСНИКА, МОРОШКА, КЛЮКВА; БЕРЕЗА; ТРАВА

ЯГОДА (ГИПЕРОНИМ)

Ненецкий

Ягода повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, обозначается существительным *юдя*. Эта лексема может использоваться и в наименованиях других ягод (см., например, далее комментарий к карте «Клюква»).

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах ягода называется *топыр*. Это слово часто (но не обязательно) входит в названия конкретных ягод: *зара топыр* 'клюква', *няр топыр* 'брусника' и т. д.

Хантыйский

В говорах шурышкарского диалекта, граничащих на юге с казымским диалектом, употребляется ряд вариантов сочетания *во̆нцэм ѓт* (букв.: собранная вещь) с разными степенями стяжения и фонетических огласовок в зависимости от говора: *во̆цтѓт*, *во̆цтут* и др. В сс. Азовы, Овгорт, Шурышкары, Восяхово, Питляр зафиксировано слово *рых*, которому в приуральском диалекте и в с. Мужы соответствует вариант *рэх*.

В казымском диалекте родовое название *вѓд* самостоятельно не употребляется, но вычленяется в

составе названий разных ягод, например: *хумѓсвѓд* 'клюква' (букв.: болотная ягода), *тохтѓнѓвѓд* 'голубика' (букв.: журавлиная ягода), *ампвѓд* 'водяника' (букв.: собачья ягода) [Соловар 2014].

Коми

В качестве общего наименования ягоды повсеместно используется существительное *вотыс*. Согласно [КСК I: 250], данный фонетический вариант используется в ижемском, вымском, печорском и удорском диалектах, тогда как для присыктывкарского диалекта, на котором основан литературный язык, а также для верхневычегодского диалекта приводится вариант *вотѓс*. Лексема *вотыс* может употребляться и в составе некоторых наименований ягод, например, *пуу вотыс / гѓрд вотыс* 'брусника', *турипуу вотыс* 'клюква', *йѓн вотыс* 'шиповник'.

Обобщение данных

В каждом из обследованных языков имеется собственное гиперонимическое наименование ягоды. В хантыйском языке одним из его вариантов служит составное наименование, далее претерпевающее различные фонетические стяжения. Во многих случаях гипероним может употребляться внутри составных наименований конкретных ягод.

ягода
(гипероним)

Ямало-Ненецкий автономный округ

БРУСНИКА

Ненецкий

Брусника повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, обозначается существительным *емзьдей*: *Емзьдей ибци* ‘Брусника кислая’ (с. Сёяха).

Селькупский

Для наименования брусники во всех северных селькупских говорах используется сложное слово *няр-топыр* (букв.: красная ягода). В Быстринке встретилось также название брусники *мачыт-топыр* (*мачы-т-топыр* – лес-GEN-ягода; букв.: леса ягода).

Хантыйский

Для наименования брусники в шурышкарском диалекте употребляется словосочетание со значением ‘красная ягода’: *ўрты рых* ‘брусника’: *Ўрты рых хõдна ньар* ‘Брусника еще не поспела’ (букв.: сырая; с. Овгорт). В с. Шурышкары фиксируется фонетический вариант *вўрты рых* с тем же буквальным значением ‘красная ягода’. В с. Азовы, находящемся в непосредственной близости с ареалом распространения казымского диалекта, зафиксировано название *ўрты воль* (букв.: красная ягода), в его составе употребляется слово *воль* ‘ягода’, которое в казымском диалекте самостоятельно не употребляется.

Коми

Брусника обозначается существительным *пуу*, иногда в сочетании *пуу вотыс* (букв.: брусничная ягода). Реже используется наименование *гõрд вотыс* (букв.: красная ягода). В литературном коми языке и многих других диалектах ижемскому *пуу* соответствует лексема *пув* (также означающая ‘брусника’ [КСК II: 222]). Словосочетание *гõрд вотыс* как средство обозначения брусники в [КСК I: 250, 356] не зафиксировано (одна из жительниц с. Восяхово – носитель печорского диалекта родом из с. Еремеево – также не встречала такого наименования у себя на родине). Заметим, что наименование брусники по признаку цвета отмечается в других языках ареала, поэтому нельзя исключать заимствование данной модели коми-ижемскими говорами.

Обобщение данных

В ненецком и коми-зырянском языках фиксируются специальные наименования брусники (*емзьдей* и *пуу* соответственно). В хантыйском и селькупском обозначением данной ягоды служит составное наименование ‘красная ягода’, а в одном из говоров селькупского еще и ‘лесная ягода’. Такая же модель встречается и в некоторых говорах зауральских коми-ижемцев. Нельзя исключать ареального характера ее возникновения.

МОРОШКА

Ненецкий

Морошка повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, обозначается существительным *мáрáңгá*: *Мáрáңгá нока* ‘Морошки много’ (с. Сёяха).

Селькупский

Повсеместно для обозначения морошки используются фонетические варианты одного и того же слова: *палцáк* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *палцáн* / *палцáн* (Красноселькупская Толька), *палцáн* (Рагта, Пуровская Толька, Быстринка), *палцок* (Фарково).

Хантыйский

В зависимости от диалекта для наименования морошки употребляются варианты *мурáх* (шурышкарский диалект) / *мóрáх* (приуральский диалект).

Коми

В обследованных нами говорах наименованиями морошки являются существительные *мырпом* и

нырпом. В [КСК I: 958] для ижемского и нескольких других диалектов также дается вариант *мырпом*, тогда как для еще нескольких диалектов, включая присыктывкарский, приведена лексема *мырпом*. Вариант *нырпом* в диалектном словаре [КСК I: 1028] фиксируется для шести диалектов, включая ижемский. В [Лыткин, Гуляев (ред.) 1970: 183] в качестве этимологического прозрачного варианта приводится *мырпом*, тогда как вариант *нырпом* отсутствует. Для этого варианта нельзя исключать как метатезу согласных, так и народную этимологию в результате смешения названия морошки и сочетания *ныр пом* ‘кончик носа’ (последняя трактовка предлагается, хотя не с полной уверенностью, А. И. Кузнецовой в [Кузнецова (ред.) 2010: 254]).

Обобщение данных

Для наименования морошки в обследованных языках используются лексемы, не имеющие друг с другом каких-либо прозрачных ареальных связей. Интересен возникающий в коми-зырянских говорах вариант *нырпом* (помимо более распространенного наименования *мырпом*) – в данном случае происходит мена фонетически близких согласных, не исключено, в результате народной этимологии.

КЛЮКВА

Ненецкий

Клюква описывается словосочетаниями *няриу нодя* (букв.: ягода, растущая на сфагнуме) и *харё' нодя* (букв.: журавлиная ягода): *Харё' нодя нярцони' вадюрна* 'Клюква растет на сфагнуме' (с. Сёяха). От информанта из с. Нори записано также название *неро' нодя* (букв.: тальниковая ягода), мотивированное, по-видимому, красноватым цветом коры тальника. Следует отметить, что, поскольку клюква растет только на сфагновых болотах, которых нет на севере обследованной области, носителям тундрового ненецкого языка в этих местах часто не известны ни эта ягода, ни ее словесное обозначение.

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах клюкву называют *џара топыр* (в Красноселькупе также вариант с первым словом в форме родительного падежа – *џарат топыр* (букв.: журавлиная ягода).

Хантыйский

Для разных диалектов и говоров зафиксированы разные обозначения клюквы. В с. Овгорт встречаются наименования *хъмэсвул* (букв.: кочка ягода), *кал рых* (букв.: болото ягода), *хъмалы рых* (букв.: вогнутость ягода, см. [DEWOS: 494]). В с. Шурышкары отмечен вариант *хъмэс рых*, также связанный с существительным 'кочка'. В приуральских говорах отмечен вариант *лӧпта рэх / рых* (надежных сведений о его внутренней форме

у нас нет), а в с. Мужы – *сота рых* и *нярсу рых*, последнее очевидно заимствованное из ненецкого. Все эти обозначения строятся на основе базовой лексемы для слова ягода (*вул* или *рых / рэх*). Типичным признаком для номинации является место произрастания ягоды – на болотных кочках.

Коми

Клюква обозначается сочетанием *тури пуу* (согласно трактовке [КСК II: 590], композитом *турипуу*). Буквально название этой ягоды означает 'журавлиная брусника'. В с. Нори отмечен также вариант *тури вотыс* (букв.: журавлиная ягода).

Соответствия ижемского варианта по диалектам – *турипув* (в т. ч. в присыктывкарском диалекте) и *турипул*, см. [КСК II: 590]. В говорах сс. Овгорт, Белоярск и Самбург используется русское заимствование *клюква* (с вариантом *клюква вотыс*, букв.: клюквенная ягода, в Самбурге).

Обобщение данных

Наименования клюквы в языках ареала строятся по двум основным моделям. Во-первых, они могут связываться с типичным местом произрастания клюквы – болотом / болотными кочками (ненецкий, хантыйский языки). Во-вторых, название клюквы иногда связывается с журавлем (ненецкий, селькупский, коми-зырянский языки). Последняя стратегия, по-видимому, не уникальна для рассматриваемого ареала, см. ее упоминание в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера.

БЕРЕЗА

Ненецкий

Береза повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, описывается существительным *хо* (встречается также фонетический вариант *хо'* с гортанным смычным): *Хо' вадёвы* 'Береза выросла' (с. Сёяха); *хо' ваноход сертавы хороко* 'коробочка, сделанная из березового корня' (с. Сёяха).

Карликовая береза повсеместно обозначается существительным *тюг* (встречается также фонетический вариант *тюг'* с гортанным смычным): *Пюг'* *лэяуга* 'Карликовая береза вспыхивает' (с. Сёяха).

Селькупский

Во всех говорах береза обозначается лексемой *кй̄*. Это очень важное для селькупов дерево. Наряду с лиственницей и кедром, оно считалось священным. В хозяйственной области береза была источником бересты, из которой изготовлялись покрывки чума, посуда, различные емкости для хранения вещей и для сбора ягод.

Хантыйский

Для обозначения березы повсеместно употребляется слово *сумэт*. Карликовая береза называется описательно – словосочетанием *пӧңки варэс*.

Коми

Береза обозначается словом *кыдь*, употребляющимся либо самостоятельно, либо в сочетании со словом *пу* 'дерево'. В литературном коми и в других диалектах этому соответствует *кыдз / кыдз пу*, см. [КСК I: 785]. Интересно также, что коми-зырянское слово для бересты (*сюмед* в наших материалах, *сюмӧд* в литературном языке и в большинстве других диалектов [КСК II: 491]) является когнатом хантыйского *сумэт* 'береза'. По данным [Лыткин, Гуляев (ред.) 1970: 274], неизвестно, имеет ли здесь место заимствование из одного языка в другой или развитие данных слов из общего корня в праязыке.

Обобщение данных

Наименование березы в языках ареала, за исключением хантыйского, восходит к одному и тому же праязыковому корню, см. подробное обсуждение в [Норманская, Дыбо 2010: 104–107]. В то же время хантыйское обозначение березы является когнатом коми-зырянского существительного со значением 'береста' (либо, возможно, коми-зырянским заимствованием).

ТРАВА

Ненецкий

В ненецком языке эквивалентом для русского слова 'трава' является существительное *нум'* (в с. Новый Порт в качестве основного варианта информанты приводят форму диминутива: *нубо-ча*). Имеется также словосочетание *ня' нум'* (букв.: дерева трава), которое используется для обозначения осоки. Кроме того, фиксируются следующие лексемы, обозначающие отдельные виды травы: *мърэй* (в западных говорах ей закономерно соответствует *мърэй*) – трава, из которой изготавливаются стельки для обуви и плетутся циновки; *търэнзь'* – дикий хлопок, растущий в тундре, употребляется в пищу оленями. Повсеместно также употребляется существительное *уамдэ"* 'цветок'.

Селькупский

В селькупском языке трава повсеместно обозначается существительным *нйтты*. Оно обозначает как растущую траву, так и скошенную высушенную траву – сено. В разных говорах существуют различные варианты обозначения конкретных видов травы, в первую очередь, полезных в хозяйстве: все они представляют собой словосочетания со вторым компонентом *нйтты*.

Хантыйский

В шурышкарском диалекте хантыйского языка зафиксировано слово *търэн* 'трава; сено', его эквивалентом в приуральском и в с. Мужы является лексема *пом / пам* 'трава; сено'. Интересно, что для казымского диалекта фиксируются обе эти лек-

семы: *пом* 'трава' и *турэн* 'трава; сено', в восточных диалектах, в частности в сургутском, также *пом* 'трава, сено' [Герёшкин 1981: 338]. Наличие лексемы *търэн / турэн* в казымском и шурышкарском диалектах хантыйского языка может быть обусловлено ареальными контактами с коми-зырянами (см. далее о наименовании *турын / турун* в коми). В базе данных Starling для этих лексем приводится прауральский корень **tarna*, но в то же время хантыйская лексема оценивается там как заимствование из коми.

Повсеместно используется также лексема *ван-ши* (шурышкарский диалект) / *вансы* (приуральский диалект) для обозначения мелкой молодой зеленой травы.

Коми

В коми-зырянском языке для наименования растущей травы используются фонетические варианты *турун* и *турын*. В [КСК II: 591, 592] отмечены они оба, в т. ч. фиксируется их сосуществование в ижемском диалекте. Во всех обследованных говорах данная лексема имеет, помимо значения 'трава (растущая)', также значение 'сено', что наблюдается и в других коми-зырянских диалектах.

Обобщение данных

В системе наименований травы наиболее интересны данные коми-зырянского языка и шурышкарского диалекта хантыйского языка, где это значение выражается фонетически сходными лексемами. В базе данных Starling предложена трактовка, согласно которой хантыйская лексема заимствована из коми-зырянского языка.

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

СНЕГ, ГРАД, ДОЖДЬ

Ниже мы рассмотрим обозначения в языках обследованного ареала атмосферных осадков: снега, града и дождя. Интерес, в первую очередь, представляет разработанность данной семантической

зоны в каждом из языков, наличие специальных обозначений для разных видов снега, града и дождя, а также пути развития метафорических наименований данных явлений.

СНЕГ

Ненецкий

Значение 'снег' передается существительным *сыра*: *сырам' танпйсь* 'топтать снег'; *сыра' сива* 'лопата для снега'; *Пи ня сыра тоярмы* 'К ночи снег затвердел' (с. Яроно); *Течяда нумгйна сыра марна* 'В холодную погоду снег хрустит' (с. Яроно); *Сыра хаморна* 'Снег падает хлопьями' (с. Антипаюта); *Сыра холка* 'Снег растаял' (с. Сёяха).

Второе значение данного слова, образованное путем метонимического переноса, – 'зима': *Ся"-ны' нэпто' нод" сыра' сава ерня, тарця тецьдана поугади' ватавнзь хаяха'* 'Однажды посреди зимы, в сильный мороз пошли вдвоем проверять свои сети' [Янгасова 2001].

Лексема *сыра* может также выступать в атрибутивной функции: *сыра мандал* 'снежный ком'; *сыра сюртяр* 'снежок' (букв.: снежный шар).

Разные виды снега обозначаются описательно: *пыдёко сыра* 'мелкий снег'; *ёря сыра* 'глубокий снег'; *идебя сыра* 'рыхлый снег'; *Ёря сыравна ядä* 'Он идет по глубокому снегу' (с. Гыда); *Нодь ва-рехэта идебя сыра помна сабкота* 'Он еле-еле по рыхлому снегу бредет' (с. Сёяха).

Селькупский

В селькупских говорах нет многообразия в описании снега. Повсеместно используется лексема *сыры* 'снег'. Употребляется словосочетание *сырыль пусза* 'снежная буря'. Образованный от существительного *сыры* глагол *сырыцо* означает 'огребать снег' (вокруг

костра, вокруг норы зверя во время охоты и т. д.). В Ратте зафиксирован глагол *чомжо* 'идти (о снеге)': *Чомта* 'Идет снег' (сильный, продолжительное время).

Хантыйский

В хантыйском языке повсеместно используется слово *доңыз*, которое обозначает и падающий снег, и снег, лежащий на земле, ср. шурышкарские примеры: *Дүв доңыз дөңдэтты ким этэс* 'Она на улице вышла снега занести'; *Доңыз хөдна ци питэд* 'Снег все еще идет'.

Возможно использование этого слова в форме множественного числа для обозначения большой снежной массы – комьев снега: *Доңыз-эт йүх элты ил әрәксәт* 'Снег (букв.: снег-PL) с деревьев падал' (сынский говор).

Разные характеристики снега обозначаются при помощи прилагательных, см. примеры из сынского говора: *нөви доңыз* 'белый снег', *күл доңыз* 'глубокий (букв.: толстый) снег'. Прилагательное *күл* 'толстый' указывает на то, что слой снега определяется не «в глубину», т. е. не при помощи вертикального измерения слоя, а характеризуется через его объем. Это же прилагательное *күл* используется для характеристики толстого человека, толстого бревна (и других протяженных предметов: ниток, веревки и под.), толстого слоя ткани и т. д. Приведем еще один пример с однокоренным прилагательным (также из сынского говора): *Күлтан питәм доңызән дөпас доңдәл ил ци нөрәтдә* 'Толстый слой снега сильно давит на крышу лабаза' (букв.: Толстым ставшим снегом крыша лабаза вниз так давится).

Другое прилагательное, которое может описывать тот же признак, – *мәл* ‘глубокий’, используется прежде всего для характеристики глубины воды, ср.: *Доңыз мәл* ‘Снег глубокий’ (сынский говор); *Йбхан курәл мәл* ‘Русло реки глубокое’ (сынский говор). Оно актуализирует признак нахождения внутри вещества (воды, снега), а не на его поверхности.

В сынском говоре зарегистрировано слово *айлак* со значением ‘глубокий снег’, однако контекстов его употребления не имеется.

Для обозначения разных видов мокрого снега используются специальные лексемы: *сулак* ‘мокрый, влажный (о снеге)’: *сулак доңыз* ‘мягкий влажный снег’ (сынский говор); а также *үцәл* ‘мокрый, рыхлый (о снеге)’: *үцәл доңыз* ‘мокрый, рыхлый снег’ (сынский говор).

Для указания на сухой сыпучий снег используется прилагательное *шүль* ‘сыпучий’: *Пүтңидал шүль доңызән лай тәвәдсәлды* ‘Сыпучий снег в ведра до краев затолкала’ (шурьшкарский диалект).

Специального слова, указывающего на размер крупинок снега, нет, используется прилагательное *ай* ‘маленький’ недифференцированной семантики: *Камән ай доңызийә пәрыйәл* ‘На улице мелкий снег сыпется’ (сынский говор).

Разные формы, которые принимает снег, называются словосочетаниями, в которых слово *доңыз* ‘снег’ выступает в роли определения при имени существительном. Образное выражение *доңыз сәм* ‘снежинка’ (букв.: снега глаз) обозначает единственный мельчайший объект, а зафиксированное в сынском говоре сочетание *доңыз рав* (букв.: снега крупинка) используется для номинации снежной крупы (слово *рав* употребляется для обозначения разных мелких частиц, таких как порошок, опилки и под.). Разные формы слежавшегося снега обозначаются при помощи существительных со значением ‘ком’, ‘куча’ и под., см. примеры из сынского говора: *доңыз поталы* ‘ком снега’; *доңыз пай* ‘сугроб, куча снега’; *Доңыз пай эвәлт лүк нөх пурдәс* ‘Из-под снега вдруг вылетел глухарь’.

В сынском говоре зафиксированы также слова *пурәнты* / *парәнты* ‘плотный снег; сугроб’, *щиңар*

‘ком снега’, однако контекстов их употребления в нашем распоряжении нет.

Для обозначения ситуации выпадения осадков в виде снега используются глаголы *йиты* ‘идти, стать’ и *питты* ‘падать, стать’, например: *Доңызца йид* ‘Снег идет’ (букв.: снег-DAT стало); *Доңыз питты вбдыйәс* ‘Снег перестал падать’.

Есть и другие глаголы, обозначающие падение снега, с семой ‘сыпаться’, которые представляют ситуацию как падение вниз или в разные стороны отдельных мелких частиц: *Ин пәл рән элты ши хәтәмәсәм, туп доңыз кәтна пүдәтыйәс* ‘Вот с высокой горки и скатилась, только снег в разные стороны посыпался’ (сынский говор); *Камән ай доңызийә пәрыйәл* ‘На улице мелкий снег сыпется’ (сынский говор).

Имеется специальный глагол, связанный с перемещением снега, который обозначает покрытие снегом больших поверхностей – *пөрттәты* ‘занести снегом’: *Йушәв доңызән пөрттәса* ‘Дорогу нашу снегом занесло’ (сынский говор).

Коми

Снег (и выпадающий в виде осадков, и уже находящийся на земле) описывается существительным *лым* (общим для разных коми диалектов, см. [КСК I: 870]). Различные виды снега обозначаются аналитическими сочетаниями, см., например, данные по говору с. Мужы: *небыд лым* ‘мягкий, рыхлый снег, мокрый снег’ (обычно о снеге во время теплой погоды); *пурхыд лым* ‘пушистый, рассыпчатый снег’ (обычно о свежеснежавшем снеге, легко разлетающемся от ветра); *гырысь лым* / *рап лым* ‘крупный снег’ (о снеге, идущем крупными хлопьями); *поснид лым* ‘мелкий снег’; *уль лым* / *ва лым* / *сырэй лым* ‘мокрый, липкий снег’; *чорыд лым* / *топыд лым* ‘крепкий, утопанный, утрамбованный снег’; *чарэм лым* ‘крепкий, смерзшийся, огрубелый снег, корочка, наст’.

Обобщение данных

Для всех языков обследованного ареала многообразие в описании снега не характерно. В каждом

из языков имеется существительное, которое используется и для описания атмосферных осадков, падающих с неба, и для обозначения сплошной массы таких осадков, покрывающих какое-либо пространство. Разные виды снега как падающего, так и лежащего на земле (мелкий снег, рыхлый снег, пушистый снег и т. д.), как правило, обозначаются

описательно, при помощи соответствующих атрибутивных словосочетаний. Лексемы со значением 'снег' в самодийских языках обследованного ареала, тундровом ненецком и селькупском, имеют общие корни. Обозначения снега в финно-угорских языках ареала (коми и хантыйском) восходят, согласно базе данных Starling, к разным праязыковым корням.

ГРАД

Ненецкий

Значение 'град' в основном выражается описательно, зафиксировано несколько вариантов, которые употребляются на всей обследованной территории – *салаба хад* (букв.: ледяная пурга); *салаба сарё* (букв.: ледяной дождь); *хянебчё' хад* (букв.: совиная пурга); *хянебчё' сыра* (букв.: совиный снег): *Салаба хад пэй* 'Начался град' (с. Сёяха). От информанта в с. Самбург записано также выражение *пэ хад* (букв.: каменная пурга). Специальная лексема для обозначения града была получена только от носителя приуральского говора ненецкого языка (с. Лаборовая): *санрё* 'град'. В словаре [Терещенко 1965: 530] приводится слово *санрэй* 'град' с пометой *б.-з.* и *зап.*

Селькупский

В среднетазовских говорах (Красноселькуп, Часелька) и на Турухане (Фарково) град называют *пўль сыры* (букв.: каменный дождь). В верхнетазовских и верхнетолькинских говорах (Ратга, Верхняя и Нижняя Тольки, Быстринка) – *пўй сыры*. Кроме того, в Ратге зафиксирована лексема *мулҕа* 'град'.

Хантыйский

В хантыйских говорах понятие «град» обозначается описательно – разнообразными словосочетаниями: *йэңкэң йэрт* (букв.: ледяной дождь; с. Азовы); *йэңкэң пайрэң* (букв.: ледяная туча; с. Шурышкары); *пайрэң йэрт* (букв.: туча лед; с. Шурышкары); *потэм сэм* (букв.: замерзший глаз; сс. Овгорт, Питляр, Катравож); *йэңк сэм*

(букв.: лед глаз; с. Питляр); *доңиц йэңк* (букв.: снег лед; с. Аксарка). Частотным является использование слова *сэм* 'глаз' в переносном значении для обозначения небольших предметов округлой формы.

Коми

В говорах сс. Мужы, Восяхово, Овгорт и Белоярск для наименования града зафиксировано только русское заимствование *град* (в [ССКЗД 1961: 428] именно такой способ номинации града фиксируется для ижемского, а также для удорского диалектов). Аутентичные наименования града отмечены в селах Нори и Самбург. В говоре с. Нори град обозначается как *йи лым* (букв.: ледяной снег), в говоре с. Самбург – как *паноо лым* (букв.: крупяной снег) или *йисора зэр* (букв.: ледяной дождь). Вариант *шер*, зафиксированный в [КСК II: 769], нам не встретился. В свою очередь варианты, зафиксированные в Нори и Самбурге, отсутствуют в [КСК I]. Учитывая их определенный параллелизм с наименованиями, встречающимися в исконных языках ареала, нельзя исключать контактного влияния на их развитие, но одновременно возможна и независимая от контактных языков семантическая мотивация.

Обобщение данных

Специальная лексема для обозначения града фиксируется в коми, где это слово представляет собой заимствование из русского языка, в южной части ареала распространения селькупского языка (верхнее течение Таза) и в северо-западной части ареала распространения ненецкого языка (с. Лаборовая).

На остальной обследованной территории град обозначается описательно, при помощи словосочетаний, демонстрирующих представление о данном атмосферном явлении как об особой разновидности

дождя или снега: ‘ледяной дождь’ (ненецкий, хантыйский, коми); ‘каменный дождь’ (селькупский); ‘ледяная пурга’, ‘совиная пурга’, ‘совиный снег’ (ненецкий); ‘ледяной снег’, ‘крупяной снег’ (коми).

ДОЖДЬ

Ненецкий

Дождь повсеместно, как и в других говорах тундрового ненецкого языка, описывается существительным *сарё* (в с. Нори зафиксирован фонетический вариант *сарю*): *Сарё хавна* ‘Идет сильный дождь’ (с. Антипаюта); *Сарёхамду"ма* ‘Дождь полил’ (с. Сёяха); *Сарёхурна* ‘Льет дождь’ (с. Гыда). Везде зафиксирован также глагол *сарюмзь* ‘пойти (о дожде)’: *Пихина сарюмя* ‘На улице дождь’ (с. Сёяха). Повсеместно используется также лексема *пыдё* (в сс. Лаборовая, Новый Порт, Сёяха и Нори зафиксирован фонетический вариант *пыдю*), описывающая мелкий морозящий дождь, изморось: *Пихина пыдю* ‘На улице мелкий морозящий дождь’ (с. Сёяха). Гроза везде обозначается словосочетанием *хэ(хэ)' сарё* (букв.: дождь духа-покровителя непогоды): *Хээ сарё то'* ‘Пришла гроза’ (с. Сёяха).

Селькупский

Во всех северных говорах представлен глагол *сэрыцо* ‘идти (о дожде)’, употребляемый исключительно в форме 3-го л. ед. ч.: *сэра* ‘идет дождь’. От этого глагола образуется существительное *сэрынтä* ‘дождь’, зафиксированное в среднетазовских и верхнетазовских говорах. Там же встречаются формы с иной огласовкой корня: *сорынтä*, *сорымтä* и *сорыттä* ‘дождь’. Мелкий затяжной дождь в среднетазовских говорах описывается лексемой *ишцак*. О таком дожде можно сказать *ишцак сэра* ‘идет мелкий затяжной дождь’.

Хантыйский

Общее для всех хантыйских диалектов слово для обозначения понятия ‘дождь’ – *йэрт*, см. пример из сынского говора: *Молхатэл тйлаң хятэл йэрт ус*

‘Вчера весь день был дождь’. Повсеместно используется и однокоренной глагол со значением ‘идти (о дожде)’ – *йэртты*: *Камэн йапсыйэ йэртэл* ‘На улице, надо же, дождь идет’ (сынский говор); *Йэртмад урэңэн, ма йбхэтты йнт верэтсэм* ‘Я не мог прийти из-за того, что шел дождь’ (сынский говор).

Коми

Дождь обозначается в коми-зырянском языке существительным *зэр*, повсеместно используемым и в других коми диалектах [КСК I: 576]. В обследованных говорах, как и в большинстве других диалектов коми, распространен и однокоренной глагол *зэрны* ‘идти (о дожде)’, чаще всего в безличной конструкции: *Бллыын зэрэ* ‘На улице дождь идет’ (с. Мужи).

В говоре с. Самбург зафиксирована, кроме того, лексема *тудю*, обозначающая мелкий дождь и, вероятно, заимствованная из ненецкого языка (для других говоров ее употребление специально не проверялось, в спонтанных примерах она не встретилась). Данная лексема приводится (только для ижемского диалекта) и в [КСК II: 224] с толкованием ‘изморось’ (мелкий дождь).

Обобщение данных

Во всех обследованных языках имеется существительное со значением ‘дождь’, а также однокоренной глагол со значением ‘идти (о дожде)’. В тундровом ненецком и селькупском, а также в восточном ареале распространения коми-зырянского языка дождь дифференцируется по степени его интенсивности и продолжительности: имеется отдельная лексема, описывающая мелкий морозящий дождь. В ненецком и селькупском языках эта лексема имеет разное происхождение, а в коми-зырянском представляет собой заимствование из ненецкого.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ПРЕДМЕТЫ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

СОЛНЦЕ, ЛУНА, ВОДА, ЗЕМЛЯ, КАМЕНЬ, ЛЕД

СОЛНЦЕ

Ненецкий

Для обозначения солнца как небесного светила повсеместно используется лексема *хаер*: *Хаер" нара няю сюрхална* 'Солнце поворачивает к весне' (с. Яроно); *Хаер тю"уна малехая* 'Солнце уже взошло высоко' (с. Сёяха). Наряду с ней везде употребляется и слово *яля* с исходным значением 'день, свет': *Ханяны яляхана хад нэсеты* 'Иные дни бывает, что пуржит'; *Яля тё"оку ханда тикы лимби" иры* 'Солнце повыше пойдет – орла месяц' (с. Лаборовая).

Селькупский

Для обозначения солнца и дня используется одна и та же лексема. Только существительное *чёлы* 'день' может употребляться как без посессивных маркеров, так и с посессивными, в то время как существительное со значением 'солнце' всегда имеет посессивный маркер 3-го л. ед. ч. – *чёлы-ты*', употребляемый здесь не в посессивном значении, а для маркирования единственного в своем роде предмета.

Хантыйский

Для обозначения солнца используются два слова – *най* и *хятэл*. Слово *най* имеет также значение 'огонь' и употребляется в составе имени богини – *Най ими* 'богиня огня'. Второе значение слова *хятэл* – 'день'. Эти два значения – 'солнце' и 'день' – актуализируются при сочетании однокоренных прилагательного и существительного: *Хятэл-эң хятэл-эн* (солнце-ADJ день-LOC) *о́х хойца сайэк* 'В солнечный день в голове ясно'. У этого слова также есть антропоморфный ряд ассоциаций: луч солнца ассоциируется с рукой – сынск. *хятэл йош* 'луч солнца' (букв.: рука солнца); *Сакдам хятэл йошэн йд вольдэт* 'Бусы мои на солнце (букв.: в руке

солнца) так и блестят'. Ср. также сочетание *най-эң хятэл* 'солнечный день' (солнце-ADJ день).

Объединение обеих этих лексем в одно парное слово встречается для обозначения Солнца как астрономического объекта, например: сынск. *Мўев Хятэл-Най мўхыллайа йнта вольман хятэл* 'Наша Земля непрерывно движется вокруг Солнца'.

Для обозначения небесного светила употребляются оба слова – по отдельности или в сочетании друг с другом, ср.:

хятэл най: сынск. *Хятэл най вуцидэс* 'Засияло дневное солнце'; *Щи хятэл най пдңэт сайа пентэс* 'Вот дневное солнце скрылось за тучи'; *Хятэл най ан ныда, вот рўв ан пддэл, шукэп сый ан щаццэл* 'Ни солнца дневного не видно, ни движения ветра, ни шума не слышно';

най: сынск. *Най этты йдңийэн, реп лўңда нўх хоңсэв* 'Перед восходом солнца (букв.: солнце появиться перед) мы поднялись на сопку'; *Най этэл* 'Солнце всходит'; *Лўңэн най кев пелэк мўв кимца дўңэл* 'Летом солнце заходит за горизонтом западной стороны';

хятэл: шур. *Йайсыена хутдэм кемэн, тови хятэл нўх йама этэман, курт калтнаңа ци йбхэтсэт* 'Когда хорошо посветлело, весеннее солнце высоко поднялось, к берегу деревни приехали'; *Хятэл дўңэм кемэн, мўң йбдэн усэв* 'К тому времени, когда солнце зашло, мы были дома'.

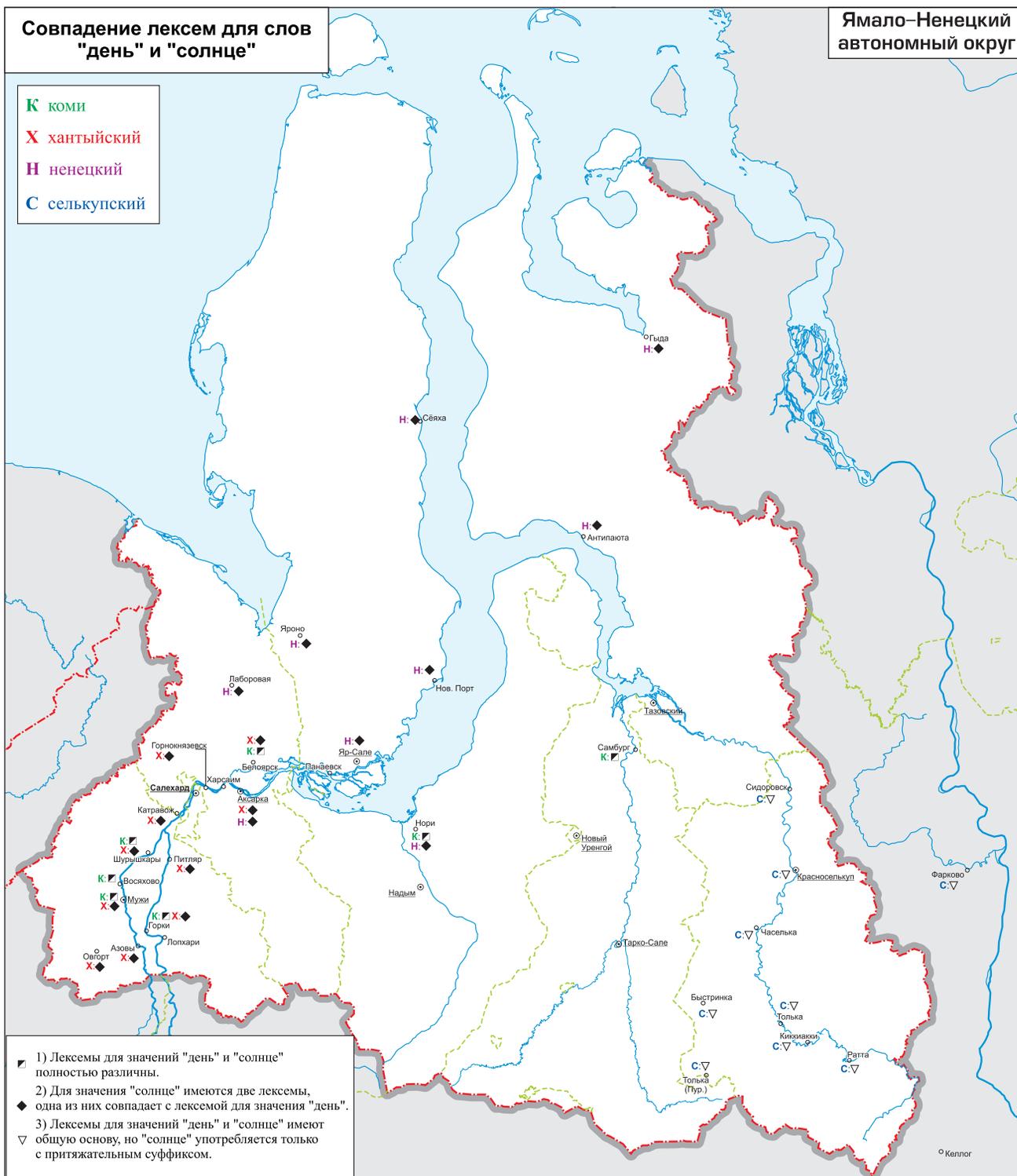
Для описания восхода солнца в хантыйском языке используется не глагол движения типа *подниматься*, *выходить* или *всходить*, а глагол *этты* со значением 'появиться', который употребляется и со словом *най*, и со словом *хятэл*. Для обозначения захода используется глагол *дўңты* 'войти', который подразумевает проникновение внутрь замкнутого пространства, ср.: шур. *Имед па Унт ики пддэн хота дўңсатэн* 'Жена вместе с Унт ики вошли в дом'. Этот же глагол имеет значение 'уйти в глубину' (о рыбе): шур. *мдл тэхайа дўңты* 'уйти в глубину' (о рыбе).

Совпадение лексем для слов
"день" и "солнце"

Ямало-Ненецкий
автономный округ

- К коми
- Х хантыйский
- Н ненецкий
- С селькупский

- 1) Лексемы для значений "день" и "солнце" полностью различны.
- ◆ 2) Для значения "солнце" имеются две лексемы, одна из них совпадает с лексемой для значения "день".
- ▽ 3) Лексемы для значений "день" и "солнце" имеют общую основу, но "солнце" употребляется только с притяжательным суффиксом.

Таким образом, процесс перемещения небесного светила по небосводу метафорически описывается, как появление и исчезновение в глубине.

Синонимичность этих двух лексем поддерживается также и сочетанием с одними и теми же прилагательными при описании сходных процессов и явлений, ср.: сынск. *Рўвэң най илпийэн уддэт* 'Под жарким солнцем они живут'; сынск. *Рўвэң хйтэд әд саңхрәщәд* 'Жаркое солнце так и жарит'.

Коми

Солнце обозначается в обследованных говорах существительным *шонди* и его фонетиче-

ским вариантом *шонды*. В [КСК II: 790] приведены оба варианта, распределенные по разным диалектам (для ижемского диалекта отмечен вариант *шонды*). Значение 'день', в свою очередь, выражается существительным *лун* – и в контексте времени суток, и в контексте единицы календаря, ср. примеры из говора с. Мужи: *Ме луннас муна турун ытшыкыны* 'Я днем пойду сено косить'; *Каньмыс мунли, а куйим лун мысьтын югди* 'Кошка пропала, а через три дня объявилась'. Насколько можно судить по данным [КСК I: 863], в других диалектах коми языка существительное *лун* имеет такую же сферу употребления.

ЛУНА

Ненецкий

В ненецком языке для обозначения ночного небесного светила используется слово *иры* 'луна, месяц (светило)': *Иры хой' тяха лынарэй* 'Месяц спрятался за гору'; *Иры тире тяха' сэя* 'Луна скрылась за облака'; *Иры тарпы (надимя)* 'Луна взошла (показалась)'.

Для обозначения лунных циклов используются сочетания существительного *иры* с прилагательными или инфинитными формами глагола, указывающими на процесс роста или убывания луны / месяца: *вадәдана иры* 'растущий месяц'; *лабаравы иры* 'убывающий месяц'.

Это же слово употребляется для обозначения временного отрезка – части календарного года: *хаер' надимзь иры* 'январь' (букв.: месяц подъема солнца); *лимбя' иры* 'январь' (букв.: месяц орла); *хэ"нё' тулва иры* 'февраль' (букв.: месяц прихода безветренной погоды); *Сидя иры хая* 'Прошло два месяца'.

Селькупский

Луна во всех северных селькупских говорах называется одинаково – *ирә-ты* – и всегда оформляется посессивным маркером 3-го л. ед. ч. Точно так же во всех говорах называется и отрезок времени,

равный месяцу. Посессивный показатель присутствует и на существительном при употреблении его в этом значении.

Хантыйский

Ночное светило повсеместно называется словом *тыдэщ*, которое является эквивалентом русских слов 'луна' и 'месяц': сынск. *Хулдэнтат, амамэщ тәйләм: тыдэщ ән ванты, хйтэд-най ән ванты ит (Йүх сәм)* 'Слушайте, есть загадка: ни луны, ни солнца не видящий один (Сердцевина дерева)'.

Аналогично обозначению солнечных лучей, лучи, испускаемые луной, также обозначаются словом *йош* 'рука': сынск. *тыдэщ йош* 'луч (букв.: рука) луны'.

Для обозначения полной луны используется прилагательное сынск. *йәрәң* 'полный (о луне)' – *йәрәң тыдэщ* 'полная луна', а также специальный глагол сынск. *йәрәңдәты* / усть-собск. *йирәңдәты* 'стать полным, расти (о луне)': сынск. *Тыдэщев йәшавуд щи йәрәңдәд* 'Наша луна еще немного и станет полной'.

В значении 'луна, месяц' слово *тыдэщ* регулярно принимает лично-притяжательные показатели: сынск. *Пәдәң сайа тыдэщ-әд пентәс* 'За тучей луна (букв.: луна-POSS.3SG.SG) скрылась'.

Второе значение слова *тылэц* – ‘месяц как отрезок времени’, например: сынск. *ван хйтлэп тылэц* ‘декабрь’ (букв.: месяц коротких дней); усть-собск. *сывэс тылэц* ‘февраль’ (букв.: орлиный месяц); усть-собск. *Ныйэд тылэц ведлэсдэдэт* ‘Четыре месяца промышленяют’.

Коми

Значение ‘луна’ в обследованных коми-ижемских говорах передается существительным *тöльсь* (ис-

пользуемым повсеместно и в других коми диалектах, см. [КСК II: 560]). Данное существительное, как правило, оформляется посессивным показателем 3-го л. ед. ч.: *Лёк зверьыс вурзалэ тöльсьыс вылэ* ‘Волк воет на луну’ (с. Мужи); *Тöльсьыс дёляме* ‘Луна убывает’ (с. Белоярск); *Тон небесаын тöльсьыс дёнь* ‘Сегодня на небе полная луна’ (с. Самбург).

Встречаются и примеры использования слова *тöльсь* для обозначения календарного месяца, хотя чаще всего в последнем значении применяется русское заимствование *месеч / месяц*.

ВОДА

Ненецкий

Значение ‘вода’ передается существительным *и"*: *И" хурна* ‘Вода течет’ (с. Антипаюта); *Кран мюня и"* *сюлърна* ‘В кране вода журчит’ (с. Яроно); *Пэдэрахъна я' мюд и" миңа* ‘В лесу из-под земли вода идет’ (с. Самбург); *тетъда и"* ‘холодная вода’ (с. Гыда); *сэр" и"* ‘алкоголь, водка’ (букв.: белая вода; пос. Панаевск); *хэбидя и"* ‘алкоголь’ (букв.: священная вода; пос. Панаевск); *ябей и"* ‘алкоголь’ (букв.: пьяная вода; с. Антипаюта).

Существительное *и"* может выступать и в атрибутивной функции, выражая значение ‘водяной, водный’: *Харбе"э, ид' ня', ид' ня' ха"амад", ид' халы" сит повангу"* ‘Огромная лиственница, к воде, к воде опустились, [а то] продырявят тебя водяные черви’ [Янгасова 2001].

Селькупский

Вода повсеместно обозначается лексемой *јт*. В Рагте и Пуровской Тольке зафиксирован также вариант *јн*. Существительное *јт* может выступать и в атрибутивной функции, однако чаще в этой функции используется адъективная форма, например: *јты-ль зопы* ‘водяная мозоль’ (букв.: водяная шкура).

Хантыйский

Общее название – *йиңк* во всех говорах западных диалектов, например: сынск. *Умтийэн йэша йиңк*

ймәрма ‘Зачерпни-ка ковшом немного воды’. Имеется фонетический вариант *йиңк*, зарегистрированный в сс. Мужи и Восяхово.

В функции определения существительное *йиңк* используется в значении ‘водяной, водный’, например: сынск. *йиңк вой* ‘бобр’ (букв.: водяной зверь); фолькл. *йиңк куль* ‘водяной’ (в хантыйской мифологии – сказочное существо, живущее в воде); сынск. *йиңк сõх* ‘поверхность воды’ (букв.: шкура воды); *йиңк лот* ‘лужа’: *Õв йэрти йиңк лотэн йõнтрэт* ‘В луже перед домом играют’.

Коми

Вода повсеместно обозначается словом *ва*: *Ваыс ляпкыд, позе подэн вуджны* ‘Вода мелкая, можно пешком перейти’ (с. Восяхово); *Кисъты васэ ведрасъыс* ‘Вылей воду из ведра’ (с. Шурьшкары). Здесь данные обследованных нами говоров совпадают с предыдущими описаниями коми диалектов, ср. [КСК I: 143]. Лексема *ва* может, как и в других диалектах, использоваться и в атрибутивной либо предикативной позиции, выражая в этом случае значение ‘мокрый; влажный; сырой’: *Ин ветлы ылла ва юрсинад* ‘Не ходи на улицу с мокрыми волосами’ (с. Белоярск); *Пессэ чамъе иг димлялэ, и зэрнас ние кõtэдис, пекъыс ва* ‘Дрова в чум не убрали, и дождем их намочило, дрова сырые’ (с. Самбург); *Ва дõра пыр утюген гладитисныс гачсэ* ‘Через влажную тряпку утюгом гладили брюки’ (с. Мужи). Зафиксировано также употребление лексемы со значением *ва* в значении ‘полноводный’: *Тулъсьыс*

тожэ зэй ва вёлэма ‘Весной большой паводок был’ (букв.: Весна тоже очень полноводная была) [Архив ОГТРК, Ф. Ф. Филиппова, с. Харсаим, зап. М. И. Ёлгышевой].

Обобщение данных

В каждом из языков обследованного ареала вода обозначается особой лексемой, для которой

характерно употребление не только в субстантивной, но и в атрибутивной функции. Однако в ненецком, селькупском и хантыйском языках лексема со значением ‘вода’ в атрибутивной функции обычно выступает в значении ‘водяной, водный’, тогда как для соответствующей лексемы в коми более характерно значение ‘мокрый; влажный, сырой’.

ЗЕМЛЯ

Ненецкий

Земля как вещество обозначается словом *я*: *я мя* ‘землянка’ (букв.: земляное жилище). Этим же словом передается значение ‘суша, земная твердь’: *Яхд ня саркабты* ‘Дерево из земли торчит’ (с. Яроно); *ян’ хубкайдась* ‘на землю упасть’ (с. Яроно); *Тю”уй сюрням’ ян’ ха”мола* ‘очень красивая’ (фразеол., о женщине; букв.: Солнце на землю спускает; с. Новый Порт).

Еще одно значение лексемы *я* – ‘территория’: *Яна” понда хубта* ‘Наша земля далеко’ (с. Гыда).

Селькупский

Для обозначения земли в северных селькупских говорах повсеместно используются две лексемы, значения которых не идентичны, но имеют некоторые пересечения. Лексема *тэтты* обозначает и землю как территорию (чаще), и землю как почву (реже). Лексема *сё* ‘земля, почва, глина’ не обозначает территории, а тем более земного шара. Еще одна лексема, значение которой совпадает со значением лексемы *сё*, зафиксирована только в Красноселькупе: *чу* ‘земля, почва, глина’.

Хантыйский

Для передачи понятия «земля» повсеместно используется слово *мўв*, очевидно имеющее финно-угорское происхождение. Система значений этого слова широко разветвлена и включает следующие смыслы: 1) земля (планета): сынск. *Мўң мўвев но-*

мыр, пёталы хёрас ‘Наша земля круглая, в виде шара’; 2) суша: сынск. *Ща́рэс хўват м́нты йох мўв шийадасэт* ‘Едущие по морю люди увидели землю’; 3) почва: сынск. *сорэм мўв* ‘сухая земля’; сынск. *сõх-тайэң мўв* ‘глинистая земля’; сынск. *йиңки мўв* ‘сырая земля’; сынск. *Молицяң понэл мўв хўват тадэсэл* ‘Подол малицы по земле тащится’; 4) рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты: сынск. *хыши соряң вёйцлахэң мўв* ‘земля с песком и глиной’; 5) страна, государство, место жительства, территория: нўм мўв ‘южные земли’: сынск. *Дунтэт нўм мўва мандэт* ‘Гуси улетают на юг’; усть-собск. *Т́йм мўв, с́йсэм мўв нэңхет* ‘Этой земли, местные люди’; шур. *Шбиши мўвел мосман ат т́йдэл, щиты н́ав-рэмэт ута́таты мосдэт* ‘Чтобы имели любовь к родной земле, так нужно воспитывать детей’.

Коми

Земля как вещество обозначается словом *му*: *Ме тавнам маратчи мунас* ‘Я весь испачкался землей’ (с. Восяхово); *Кõрыслы сьõкыд мусэ кодьдьыны, лымйыс кыз* ‘Оленям тяжело землю копать, снег толстый’ (с. Самбург). Эта же лексема описывает землю как какую-либо территорию. Ср. название известной песни *Коми му кузя ме муна...* ‘По коми земле я иду...’, адаптированной жителями многих исследованных поселков на свой диалект. Это же значение представлено в примерах: *Мада муэ, лымья дорэ, // Ме тэнэ сидь радейта* ‘Милая моя земля, снежный мой край, // Я тебя так люблю’ [Архив ОГТРК, участницы клуба «Битор», г. Надым,

зап. М. И. Ёлтышевой] (автор примера из с. Нори); *Ме шоччыны шоныд мулаздорас муна* ‘Я отдыхать в теплые земли поеду’ (с. Белоярск). Описанная полисемия существительного *му* в целом характерна для коми диалектов, см. [КСК I: 938].

Обобщение данных

Для большинства языков обследованного ареала характерно совмещение в одной лексеме значе-

ний ‘земля как вещество’, ‘земля как суша, земная твердь’ и ‘земля как территория, место жизни и деятельности людей’. Исключением является селькупский язык, в котором значения ‘почва, грунт’ и ‘территория’ частично дифференцированы: в нем зафиксированы две лексемы, использующиеся для описания земли только как вещества, и лексема, совмещающая значения ‘почва, грунт’ и ‘территория’, причем обозначение территории для данного слова является основным.

КАМЕНЬ

Ненецкий

Значение ‘камень’ передается существительным *пэ*: *пэхэд сертавы* ‘сделанный из камня’. Эта же лексема используется в значениях ‘стекло’, ‘чугун’, ‘стеклянная бутылка’: *ензарюй пэ* ‘прозрачное стекло’; *Халя юр пэ хульньдад* ‘Взболтай бутылку рыбьего жира’ (с. Сёяха). Слово *пэ* в форме множественного числа может также использоваться в значении ‘гора’: *пэ" мал* ‘вершина горы’ (букв.: конец камней). Лексема *пэ* может выступать в атрибутивной функции: *пэ харьд* ‘каменный дом’; *пэ ята"ма* ‘каменный уголь’; *пэ ед* ‘чугунный котел’; *пэ хой* ‘гора’ (букв.: каменный холм).

Словосочетание *пэ хой* используется как для передачи общего значения ‘гора’, так и для описания Уральских гор: *Пэ хой' нэва' малан' танад* ‘Поднимись на вершину горы’ (с. Сёяха); *Пэ хой' няю хань* ‘Иди в сторону горы’ (с. Сёяха); *Пэ хоян' танад* ‘Поднимись в гору’ (с. Сёяха); *Пэ хой / Пэ" хой* ‘Уральские горы’.

Селькупский

В северных селькупских говорах камень повсеместно описывается лексемой *пү*. Иногда добавляется суффикс единичности *-лака*, особенно популярный среди селькупской молодежи, в какой-то мере владеющей своим этническим язы-

ком: *пү-л-лака* (из **пү-т-лака*, где *-т* – показатель родительного падежа, ассимилированный в *-л*). Адъективная форма *пү-ль* используется в общем значении ‘горная местность’: *пү-ль тэтты* ‘восток’ (букв.: каменная земля – правый каменистый берег Енисея). В Красноселькупской Тольке была записана сказка о великане-камнееде, который в нелегкой для него жизненной ситуации выблевал все ранее проглоченные им камни, и таким образом на земле появились горы.

Хантыйский

Слово *кев* ‘камень’ употребляется повсеместно: сынск. *лопсэх кев* ‘плоский камень’; шур. *Хотэт кев элты верэдысайэт* ‘Дома строили из камня’.

Оно служит также названием для Уральских гор: шур. *Кев пелэк элты мьрткем вот рүв пьдэд* ‘Со стороны Уральских гор небольшой ветер подул’. Такой тип именования горного массива является общим для данного ареала.

Система переносных значений включает понятия «драгоценный камень, стекло», с одной стороны, и «чугун», с другой. Это существительное может употребляться в роли определения: сынск. *кев пүт* ‘чугунный котел’; усть-собск. *кев иишьи* ‘стеклянные окна’; сынск. *кев ан* ‘бутылка’ (букв.: стеклянная чашка); шур. *Лүв кев анэд лай пудэптэды* ‘Он заткнул бутылку пробкой’; сынск. *Кев пухрэт элна этсэт* ‘Каменные острова вышли на поверхность (из воды)’.

Существительное *кев* употребляется также в составе устойчивого сочетания, обозначающего глазное яблоко: сынск. *сэм кев* ‘глазное яблоко’ (букв.: глазной камень); шур. *Сэм кевэл ўртыйа йўвмад* ‘Глаза (букв.: глазное яблоко) покраснели’.

Коми

Значение ‘камень’ передается существительным *из* (повсеместно распространенным в коми диалектах, см. [КСК I: 582]). Этим же словом описываются Уральские горы: *Миян Из сайысь воисныс айко-мамко* ‘У нас отец-мать приехали из-за Урала’ (с. Восяхово). Такое расширение значения лексемы *из* зафиксировано и в [КСК I: 583] – как

для ижемского диалекта, так и для некоторых других диалектов (верхневычегодского, печорского, удорского), носители которых проживают на европейской территории России.

Обобщение данных

Для лексемы со значением ‘камень как вещество’ во всех обследованных языках характерно метонимическое развитие значения ‘горы, горная местность’. В тундровом ненецком, хантыйском и коми это производное значение часто конкретизируется как описание Уральских гор, а в селькупском – как наименование правого каменистого берега Енисея.

ЛЕД

Ненецкий

Значение ‘лед’ выражается существительным *салаба*: *Салаба марна* ‘Лед трещит’ (с. Сёяха); *Салаба хорпада* ‘Лед необходимо попробовать’ (с. Сёяха); *Салабам' медпи* ‘Он грызет лед’ (с. Сёяха); *Салабам' яугаби* ‘Он долбит лед’ (с. Сёяха); *И' салабанэ хэвы* ‘Вода превратилась в лед’ (с. Сёяха).

Лексема *салаба* может выступать также и в атрибутивной функции: *салаба хад* ‘град’ (букв.: ледяная пурга; сс. Яроно, Новый Порт, Панаевск); *салаба сарё* ‘град’ (букв.: ледяной дождь; с. Антипаюта); *Салаба хад нэй* ‘Начался град’ (с. Сёяха).

Лексема *салаба* используется также в значении ‘глыба, кусок льда; льдина’: *Салабарка' хоё" хый лабтаха"на нарка сэр" варк – сэроко явэ ханена хасавам' ядабтасетыда* ‘Рядом с льдинами в низине большой белый медведь, белый медведь встречал мужчину-охотника’ [Янгасова 2001].

Селькупский

Лед повсеместно описывается лексемой *улџа*, в Красноселькупской Тольке и Ратте встречается также вариант с начальным *џ* – *џулџа*. От суще-

ствительного *улџа* с помощью суффикса единичности *-лака* (из * *улџа-т-лака*, где *-т* – показатель родительного падежа, ассимилированный в *-л*) образуется существительное *улџа-л-лака* ‘льдина’.

Хантыйский

Для обозначения понятия «лед» используется слово *йэңк* (шурышкарский диалект) / *йуңк*, *йоңк* (приуральский диалект), имеющее, очевидно, прафинноугорское происхождение: сынск. *Асән йэңк пӧхӧд* ‘На Оби лед растрескался’; *Йэңк пӧхӧдмийман йисэв, ўрайән йӧхӧтсэв* ‘Ехали, откалывая лед, кое-как приехали’; усть-собск. *Јуңк wanti хӧсӧм пӧлатна ісі пӧтарӧл sulӧkna lӧp nerlajӧt* ‘Лед, видишь, теплый, во всю его высоту края жиром смазывают’ [Николаева 1995: 235].

Слово *йэңк* / *йуңк* / *йоңк* может принимать лично-притяжательные аффиксы, указывающие на прагматические факторы, определенность или топикальность описываемого предмета: усть-собск. *А tӧwina śi јуңк-en* (лед-POSS.2SG.SG) *lӧlti pitsӧn* ‘А весной этот твой лед начинаешь растапливать’ [Николаева 1995: 235].

Слово *йэңк* / *йуңк* / *йоңк* употребляется в функции определения: *йэңк поталы* ‘ледяной ком’; усть-

собск. *Tinəŋ kew iʃni nɔx ulləla, juŋk iʃni rɔnlət* ‘Сте-
клянные окна снимают, ледяные окна ставят’ [Нико-
лаева 1995: 235].

Коми

Лед повсеместно описывается существитель-
ным *йи*, которое используется в этом значении и
в других диалектах коми языка [КСК I: 598]: *Ta vo
tai iʃyis vodʹ muni* ‘В этом году лед пошел рано’
(с. Мужи); *Бурэнэн оз позь войлыны вӧснид йи кузя,
верман вӧйны* ‘На «Буране» нельзя ездить по тон-
кому льду, можешь провалиться’ (с. Самбург). Лек-
сема *йи* может использоваться и в атрибутивной

позиции: *Бурэданас ваыс зэй сӧстэм, сыа локтэ
йи ва* ‘В водопадике вода очень чистая, это идет
ледниковая вода’ (с. Мужи).

Обобщение данных

В каждом из обследованных языков лед обо-
значается особой лексемой, которая в самодий-
ских языках (тундровом ненецком и селькупском),
по-видимому, восходит к разным источникам, в то
время как в хантыйском и коми она имеет общее
прафинно-угорское происхождение. Повсемест-
но это существительное может употребляться и в
определительной функции.

ОБОЗНАЧЕНИЕ СТОРОН СВЕТА

СЕВЕР, ЮГ, ЗАПАД, ВОСТОК

Ненецкий

В ненецком языке север обозначается специальной лексемой *уэрм* (*уэрм*) и словосочетаниями на ее основе: *уэрм я* (*уэрм я*) (букв.: северная земля), *уэрм'я* (*уэрм'я*) (букв.: земля севера), *уэрм няңы я* (*уэрм няңы я*) (букв.: в стороне севера земля), см. также пример, записанный в с. Новый Порт: *Мань уэрм'я хана иледм' 'Я живу на севере'*.

Наименования юга основаны на температурных признаках 'теплый', 'жаркий': *иба* (букв.: теплый; с. Сёяха), *иба я* (букв.: теплая земля; сс. Яроно, Гыда), *иба няңы* (букв.: теплая сторона; с. Антипаюта), *иба няңы я* (букв.: земля теплой стороны; сс. Яроно, Сёяха), *иба сей* (букв.: центр тепла; с. Антипаюта), *ядембада я* (букв.: жаркая земля; с. Новый Порт), *ядембада няңы* (букв.: жаркая сторона; сс. Новый Порт, Самбург). См. также следующие примеры: *Мерця ибанда няд то' 'Ветер с юга подул'*; *Иба ня нув сармик хая 'Птицы на юг полетели'* (с. Сёяха); *иба я мерця 'южный ветер'* (с. Яроно).

Наименования востока связаны с солнечным циклом: *ялэмдад' / ялэмд' няңы я* (букв.: земля со стороны рассвета), ср. глагол *ялэмзь* 'настать (о дне), просветлеть (о небе), рассвести' (сс. Яроно, Самбург); *яля' тэрпол'ава* (букв.: место, [где] начинает восходить солнце; сс. Гыда, Сёяха); *яля' надибел'ава* (букв.: место, где обычно появляется свет / день / солнце; с. Сёяха); *яля' тарп* (букв.: восход; выход света / дня / солнца; с. Сёяха); *яля' няңы* (букв.: сторона света / дня / солнца; с. Антипаюта); *яля' ылы* (букв.: сторона под солнцем; сс. Верхняя Хадыга, Нори); *хуны хаер" юркута* (букв.: где солнце встает; с. Самбург); *ханыд хаер" юркута* 'откуда солнце встает' (с. Гыда). Отмечено также наименование, связанное с местоположением тундровых ненцев относительно других народов: *пяку" няд* (букв.: со стороны пяков (т. е. лесных ненцев); с. Нори); *пяд" хасев" няңы* (букв.: сторона, где живут лесные ненцы; с. Яроно).

Наименования запада следуют двум стратегиям. Большинство из них связаны с солнечным циклом: *яля' падь няңы* (букв.: сторона заката солнца; с. Яроно); *яля' падю* (букв.: закат солнца; с. Сёяха); *яля' п'адила'ва* (букв.: место, [где] заходит солнце; с. Гыда); *пиньдя ылы* (букв.: сторона под ночью; с. Антипаюта). Некоторые иллюстрации представлены в следующих примерах: *ялям' падь няңы мерця* 'западный ветер' (букв.: ветер со стороны заката; с. Яроно); *Яля' падюнд то' 'Он пришел с запада'* (с. Сёяха). Кроме того, зафиксировано наименование, связанное с географическим ориентиром: *пэ" няңы* (букв.: сторона Уральских гор; с. Яроно).

Селькупский

Сегодня знание названий сторон света у носителей селькупского языка встречается нечасто. Немногочисленные знатоки во всех говорах называют север одним и тем же словосочетанием, с точностью до фонетических особенностей: *таўзыль пэлак* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Фарково), *таўзыль пэлау* (говоры Верхнего Таза и Тольки). Буквальное значение этого сочетания – 'нижняя (лежащая ниже по течению) сторона', т. е. в данном случае сторона света соотносится с направлением течения реки. Практически повсюду в этом названии 'сторона' может быть заменена на 'землю': *таўзыль тэтты / таўзыль тэтты*. Имеется и еще одна группа наименований, связанная с температурным признаком 'холодный': *жэньы* (букв.: мороз); *жэньыль тэтты* (букв.: морозная земля); *жэньы-ль пэлак/у* (букв.: морозная сторона); *жантыыль тэтты* (букв.: замерзшая земля); *жантыыль пэлак/у* (букв.: замерзшая сторона; ср.: *жоукаль* (Красноселькуп) / *жоукый* (Ратта) (букв.: прохладный, охлажденный).

Наименования юга могут быть связаны с несколькими признаками. Большинство из них сопоставляется с направлением течения реки: *ненй /*

няннă / неннă / еннă / яннă ‘вперед’, ‘вверх по течению реки’ и ‘на юг’; *неннăль тэтты* (букв.: верховская земля); *неннăль пэлăк/у* (букв.: верховская сторона); *тэммы* (букв.: вверх по течению); *тэммыль тэтты* (букв.: верховская земля); *тэммыль пэлăк/у* (букв.: верховская сторона). Лексема *тэммы* заимствована в кетский язык с тем же набором значений ‘вверх по течению’ и ‘на юг’. Кроме того, в кетском языке от этого заимствования было образовано название южного божества (южной матери) *тэмм-ам* (*тэммы* + *ам* ‘мать’).

Несколько селькупских названий юга связаны с солнечным циклом, небом и температурным признаком ‘теплый’: *чэлынты ылыль пэлăк/у* (букв.: солнца нижняя сторона), т. е. сторона, находящаяся под солнцем; *нўль пэлăк/у* (букв.: небесная сторона); *пөттыль пэлăк/у* (букв.: теплая сторона).

Названия востока известны во всех северных говорах. Они подразделяются на несколько групп. Первая из них связана с существительным *пў* ‘камень’, используемым в данном случае как обозначение гор. По такой стратегии восток обозначается как ‘каменная сторона’: *пўль пэлăк* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск), *пўй пэлăу* (Красноселькупская и Пуровская Тольки, Рагта, Киккиакки, Быстринка, Фарково). В составе этих наименований имеются компоненты *пў* ‘камень’, *-ль/-й* – адъективатор, *пэлăк / пэлăу* ‘сторона’. Действительно, правый, восточный, берег Енисея, восточной границы расселения северных селькупов, каменистый (в отличие от болотистого левого, западного).

Еще одна большая группа селькупских наименований востока связана с характеристиками солнечного цикла. Здесь можно выделить несколько подгрупп:

а) место, где восходит солнце: *этырмо* (букв.: место восхода (солнца)); *чэлыты этырмоль пэлăк/у* (букв.: солнце-восходная сторона);

б) место, где находится солнце: *чэлыты этыль пэлăк/у*, *чэлынты этый пэлăк/у* (букв.: солнце-бытующая сторона);

в) место, где солнце находится утром: *зарыт чэлынты тэтты* (букв.: утром солнца земля); *зарыт чэлынты пэлăк/у* (букв.: утром солнца сторона).

В с. Рагта, где река течет с востока на запад, отмечаются также наименования востока с соответствующей географической мотивацией: *неннăль тэтты* (букв.: верховская земля); *неннăль пэлăк/у* (букв.: верховская сторона).

Наименования запада в селькупских говорах могут быть связаны, во-первых, с течением реки. Так, в с. Рагта, где река Таз течет с востока на запад, в значении ‘запад’ выступают словосочетания: *таккыль тэтты* (букв.: низовая земля); *таккыль пэлăк/у* (букв.: низовая сторона).

Во-вторых, запад может характеризоваться как ландшафт левого берега большой реки, текущей с юга на север: *сăжы* (букв.: чашоба, чернолесье); *сăжыль тэтты* (букв.: чашобная земля); *няжы* (букв.: глина; ил); *няжыль пэлăк/у* (букв.: глинистая сторона).

В-третьих, обозначения запада могут связываться с солнечным циклом: *патырмо* (букв.: место, где садится (солнце)); *чэлынты патырмоль пэлăк/у* (букв.: солнца западная сторона); *чэлынты патырыль пэлăк/у* (букв.: солнца западная сторона).

Наконец, зафиксировано обозначение запада, связанное с ночью: *пиль нўль пэлăк/у* (букв.: ночная небесная сторона).

Хантыйский

Наименования севера в хантыйских говорах связываются с течением реки, температурным признаком ‘холодный’ либо подземным миром.

1) Течение реки. Повсеместно употребляется лексема *эвас* ‘север’, однокоренная со словом *эв* ‘течение’. Эта связь обусловлена тем, что Обь течет с юга на север, где и находится устье реки, ее низовья.

Слово *эвас* употребляется самостоятельно или в атрибутивной позиции в сочетании с именами существительными со значением ‘земля’, ‘сторона’, ‘ветер’: *эвас мўв* ‘северная земля’, *эвас пелăк* ‘северная сторона’, *эвас вот* ‘северный ветер’, например: сынск. *Эвас пелă майнтсэт* ‘На Север уехали’; сынск. *Эвасэн йўхэт кўтэн наңк йўх мет так йўх* ‘На севере среди деревьев у лиственницы самая крепкая древесина’.

Ориентация в пространстве чаще всего связана с течением реки, поэтому наиболее частотными являются указания на низовье реки как географический ориентир: сынск. *Намэн удты йох тащиңэт уддэт* 'В низовье живущие люди богато живут'; приуральск. *ным мўв* 'низовья' (букв.: нижняя земля).

2) Температурный признак. Частотным описательным способом указания на север является сочетание *ицки мўв* (букв.: холодная земля) в противовес обозначению юга как «теплой» земли.

3) Ассоциация с подземным миром. По мифологическим представлениям ханты, в нижнем течении находится царство мертвых, которое именуется *хйда мўв / пелэк* (букв.: земля / сторона мертвых). Устройство мира предстает не в виде вертикальной оси, а в виде ее горизонтальной проекции, в которой нижнее течение Оби связано с загробным миром, а верхнее течение представляется как место, откуда приходят божества (ср., например, культ *Ас тый ики* – Мужчина верховьев Оби; а также устойчивое сочетание *бвса мйнты* 'умереть' (букв.: на север вниз по течению уйти)).

Наименования юга устроены по двум моделям, симметричным наименованиям севера. Они осмысляются либо через направление течения реки, либо через температурный признак 'теплый': *нўм мўв* 'верхняя / южная земля', *нўм пелэк* 'верхняя / южная сторона'; шур., сынск. *хошэм / приуральск. хасэм мўв / пелэк* (букв.: теплая земля / сторона), например: *йбхан нўм одэң йох* 'люди верхнего течения реки'; *нўм мўв* 'южные земли'; *Дунтэт нўм мўва мйндэт* 'Гуси улетают на юг'.

При этом не исключено, что по крайней мере в некоторых идиомах / идиолектах такие наименования сохраняют семантику высокой температуры и не во всех случаях функционально эквивалентны русскому слову *юг*. Так, носители, опрошенные нами в сс. Овгорт и Восяхово, сочли неуместной фразу *Мўң хошэм мўва мйндэв* 'Мы едем в теплую землю' по отношению к перемещению из г. Салехард в с. Мужи, хотя оно и направлено с севера на юг.

Названия востока и запада образуются путем отсылок к солнечному циклу. Первым компонен-

том словосочетаний являются наименования солнца *хйтэд* или *най*, его атрибутов или указание на его восход или закат, второй компонент – это лексема пространственной семантики *мўв* 'земля', *тйха* 'место', *пелэк* 'сторона'. Например: 'восток' – *хйтэд этты пелэк* (букв.: сторона, [где] появляется солнце); 'запад' – *хйтэд омэсты пелэк* (букв.: сторона, [где] садится солнце; с. Питляр); *най даңты тйха* (букв.: место, [где] заходит солнце; с. Мужи). Встречаются, кроме того, наименования востока как «завтрашней земли или стороны», в таких словосочетаниях первый компонент – слово *хйдэвэт* со значением 'завтра' или однокоренное ему *хйда*, а второй компонент – те же слова пространственной семантики *мўв* 'земля', *тйха* 'место', *пелэк* 'сторона'. Например: *хйдэвэт пелэк* 'восток' (букв.: завтрашняя сторона; с. Катравож), *хйда мўв / пелэк* (с. Питляр).

Другая стратегия наименования запада связана с расположением Уральских гор, которые повсеместно называются *Кев* (букв.: камень). Соответственно, в сс. Азовы, Овгорт, Мужи, Катравож зафиксированы обозначения запада как стороны, на которой находятся Уральские горы, – *кев* или *кев пелэк*.

В с. Восяхово зарегистрирована пара терминов, обозначающих восток и запад через указание на направление, в котором дует ветер: *шйни вот* 'западный ветер' (букв.: спина ветер) и *вени вот* 'восточный ветер' (букв.: лицо ветер). Возможно, эта оппозиция символизирует значимую для культуры или типичную в процессе перемещения ориентацию человека лицом на восток, спиной на запад.

Ср. также названия ветров, дующих с разных сторон света: сынск. *бвс вот* 'северный ветер'; *нўм вот* 'южный ветер'; *хйдэвэт вот* 'восточный (букв.: завтрашний) ветер', *кев вот* 'западный (букв.: каменный, уральский) ветер'.

Коми

В коми-зырянском языке отмечены следующие наименования севера:

– Мужи, Восяхово: *вой* 'ночь', *войвыы* 'ночь + верх', *кытыд* 'низовье реки';

– Овгорт: *войвыы, кыытыд*;

– Белоярск: *вой, войвыы, кыытыд, тӧлоо местэ* ‘ветренное место’, *вой тӧӧ* ‘ночь + ветер’;

– Самбург: *вой тӧӧ, кӧддыд тӧӧ* ‘холодный ветер’.

Любопытной является стратегия, связанная с использованием слова *тӧӧ* ‘ветер’. Она может быть проиллюстрирована следующими примерами: *Седельниково сулалэ вой тӧӧ вылын* ‘Седельниково находится на севере’ (букв.: на ночном ветру; с. Белоярск); *Ми мунім кӧддыд тӧӧлаздорэ* ‘Мы поехали на север’ (букв.: в сторону холодного ветра; с. Самбург).

К наименованиям юга относятся следующие слова и словосочетания:

– Мужи, Восяхово: *лун* ‘день’, *лунвыы* ‘день + верх’, *катыд* ‘верховье реки’;

– Овгорт: *лунвыы, катыд*;

– Белоярск: *лун, лунвыы, катыд, лун тӧӧ* ‘дневной ветер’;

– Самбург: *шондыд тӧӧ* ‘теплый ветер’; *шондыд му* ‘теплая земля’.

Наименования запада строятся следующим образом:

– Мужи, Восяхово: *из* ‘камень; Урал’ *извыы* (букв.: камень + верх), *ретоо* (диалектное соответствие лит. *рытыв* < *рыт* ‘вечер’, см. их сведение в одну словарную статью в [Лыткин, Гуляев (ред.) 1970: 247]);

– Овгорт: *из, ретоо*;

– Белоярск: *из*;

– Самбург: *шонді (шонды) лэччаннин* ‘место, где спускается солнце’.

От одного из самбургских оленеводов как наименование запада было также записано существительное *кылас* ‘низовье реки’: *Ми стаднумес нуведім кыласлаздорэ* ‘Мы наше стадо увели к западу’ (букв.: к стороне низовья реки; с. Самбург). Степень конвенционализации такого употребления не совсем ясна. Можно предположить, что это наименование могло быть мотивировано ориентацией по р. Таз, в районе которой проходит маршрут каслания данной оленеводческой бригады и которая протекает в низовье с востока на запад.

Наконец, в коми-зырянском языке фиксируются следующие наименования востока:

– Мужи, Восяхово: *асы / асыы* ‘утро’, *асывыы / асыывыы* ‘утро + верх’;

– Овгорт: *асыыыы / асыыыыыы*;

– Белоярск: *асъя* ‘утренний’, *асъявыы* ‘утренний + верх’;

– Самбург: *асы / асыы; шонді (шонды) каваннин* ‘место, где поднимается солнце’.

В говоре с. Самбург используются также описательные конструкции, связанные с солнечным циклом, ср.: *Коротчаево кытэн шонды петэ* ‘Коротчаево находится на востоке’ (букв.: где выходит солнце; с. Самбург).

Таким образом, коми-ижемская система наименования частей света ориентирована, с одной стороны, на время суток, с другой стороны, на географические ориентиры (Уральские горы, течение рек).

Организация системы сторон света в литературном коми явным образом ориентирована на время суток, см. данные, представленные в словаре [Лыткин (ред.) 1961]:

– север – *вой* ‘ночь’, *войвыы* ‘ночь + верх’;

– юг – *лун* ‘день’, *лунвыы* ‘день + верх’;

– запад – *рыт* ‘вечер’, *рытыы* (< *рыт*);

– восток – *асыы* ‘утро’, *асыывыы* ‘утро + верх’.

В коми диалектах на европейской территории России представлена та же стратегия. Так, полисемия ‘север’ + ‘ночь’ и ‘юг’ + ‘день’ типична для коми диалектов, согласно [КСК I: 231; 863].

В говорах зауральских коми-ижемцев эта стратегия, однако, перестраивается и начинает уступать место моделям, свойственным для языков коренного населения Ямало-Ненецкого АО. Во-первых, для наименования сторон света становятся значимыми географические ориентиры (реки и горы), как в хантыйском языке. Для европейских диалектов коми такая стратегия, судя по всему, нетипична. В [КСК I: 648, 784, 808] для слов *катыд* и *кыытыд* (лит. *кыытыд*) приводятся их базовые значения (верховье и низовье реки соответственно), но не приводятся употреблений для обозначения сторон света. Для слова *из* ‘камень’ в европейских говорах логически можно было бы ожидать употреблений для наименования востока, однако в [КСК I: 582–583] подобных примеров не дается.

Во-вторых, в Самбурге возникают наименования сторон света, апеллирующие к конкретному указанию на движение солнца – и здесь коми-ижемские говоры копируют модель полисемии из ненецкого языка.

Отдельный интересный сюжет в коми-зырянской системе связан с существительным *ретоо* ‘запад’. В [КСК II: 287, 328] оно трактуется как ижемский диалектный вариант литературного *рытыв*, но вместе с тем оно претерпело очевидный фонетический отрыв и от своего литературного когната, и от слова *рыт* ‘вечер’. В говорах Шурышкарского района (сс. Мужи, Восяхово) это слово еще известно как наименование запада (хотя и используется, по нашим наблюдениям, реже, чем слово *из* ‘камень; Урал’). Однако в говорах Белоярска и Самбурга лексема начинает переосмысляться как интенсификатор со значением ‘сильный’, ср. следующие примеры, где это слово сосуществует с другими эксплицитными указаниями стороны света: *Тон зэй ретоо вой тӧлыс* ‘Сегодня очень сильный северный ветер’ (с. Белоярск); *Ретоо асья тӧлыс* ‘«Сердитый» восточный ветер’ (перевод информанта, с. Самбург).

Нами зафиксированы единичные примеры использования лексемы *ретоо* как интенсификатора не только по отношению к природным явлениям, например: *Этия челядьыс зэй ретоо (зэй ретивэй)* ‘Этот ребенок очень ретивый’ (с. Белоярск). Не исключено, что в таких случаях *ретоо* отождествляется носителями языка уже не со словами *рыт* и *рытыв*, а с русским заимствованием *ретивый* (на что косвенно указывает взаимозаменяемость слов *ретоо* и *ретивэй* в приведенном примере).

Обобщение данных

Наименования сторон света в языках ареала строятся по нескольким моделям. В первую очередь, они соотносятся с географическими ориентирами (горами, течением рек), температурными характеристиками (теплом, холодом), солнечным циклом и временем суток. Далее обобщим распределение стратегий по сторонами света и языкам.

Наименования севера связываются с течением реки в селькупском, хантыйском и коми-зырянском языках, со временем суток в коми-зырянском языке. Кроме того, они строятся через отсылку к низкой температуре в селькупском, хантыйском и коми-зырянском языках. В хантыйском языке север осмысляется также как ‘загробный, подземный мир’. Особое слово имеется в ненецком языке.

Наименования юга соотнесены также с течением реки в селькупском, хантыйском и коми-зырянском, с температурными признаками в ненецком, селькупском, хантыйском и коми-зырянском языках, со временем суток в коми-зырянском. В селькупском языке имеются также обозначения, связанные с солнечным циклом и небом.

Наименования востока могут быть мотивированы солнечным циклом в ненецком, селькупском, хантыйском и коми-зырянском языках, временем суток в коми-зырянском языке, географическими ориентирами (горами и реками) в селькупском языке. В тундровом ненецком языке зафиксировано также обозначение, связанное с расположением одного из соседних народов (лесных ненцев).

Наконец, наименования запада в ненецком, селькупском, хантыйском и коми-зырянском языках могут быть связаны с солнечным циклом. В ненецком, хантыйском и коми-зырянском языках запад отождествляется с географическим ориентиром – Уральскими горами. В селькупском языке имеется обозначение, связанное со временем суток, а также «географическая» стратегия – отсылки к течению рек или к близлежащему с рекой ландшафту. В коми-зырянском языке имеется искаженный вариант литературного слова, исходно связанного с существительным ‘вечер’.

Коми-зырянская система наименований сторон света перестраивается в исследуемом ареале под влиянием соседних языков. Если в литературном коми эти наименования системно связаны с временем суток, то в зауральских говорах добавляются наименования, соотносимые с географическими ориентирами (течением рек, горами) и солнечным циклом, а исконная система начинает расшатываться.

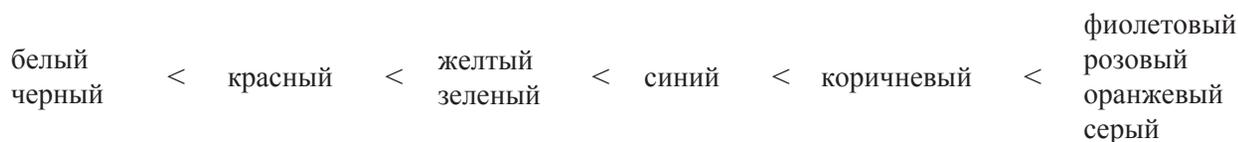
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, СИНИЙ, ЗЕЛЕНый, ЖЕЛТЫЙ

Системы цветообозначений в языках мира были подробно исследованы в [Berlin, Kay 1969] и многих последующих работах. Б. Берлин и П. Кей предложили шкалу развития базовых цветообозначений. Под этим термином понимаются те цветообозначения, которые, во-первых, являются непроизводными и не относятся к сложным словам (ср. рус. *синий*, но не *сине-зеленый*, *небесно-голубой* или *пепельный*); во-вторых, являются «психологически выделенными» (*psychologically salient*),

а именно присутствуют во всех идиолектах, в ответ на просьбу к информанту перечислить известные цветообозначения попадают в число первых реакций, имеют устойчивый денотат для разных носителей; в-третьих, имеют широкую сочетаемость (ср. рус. *красный*, *зеленый*, но не *пегий* или *карий*).

Шкала Б. Берлина и П. Кей предполагает наличие 11 универсальных цветовых категорий, организованных в соответствии со следующими иерархическими принципами:

Знак «<» символизирует, что если в языке есть базовое обозначение для цвета, названного в правой секции, то в нем есть и базовое обозначение для цвета, названного в левой секции.

Системы цветообозначений развивались в соответствии с данной иерархией, т. е. последовательно от простейших систем, в которые входили только два цвета, к сложным, включающим 11 элементов.

В дальнейшем изложении мы покажем, как накладывается на шкалу из [Berlin, Kay 1969] материал уральских языков Ямало-Ненецкого АО. Дополнительно будут обсуждаться и другие особенности организации систем цветообозначений в рассматриваемых языках. В частности, для лексем со значениями 'белый' и 'черный' будет показана возможность развития значений 'чистый; прозрачный' и 'грязный' соответственно (см. о такой полисемии [Сидорова 2016, 2017]).

БЕЛЫЙ

Ненецкий

Значение ‘белый’ повсеместно обозначается при помощи лексемы *сэр*”. Конечный гортанный смычный часто утрачивается, а дифтонг произносится как открытый гласный э: *сэр хабт* ‘белый кастрированный олень’; *сэр нянь* ‘белый хлеб’. В словаре [Терещенко 1965] для данной лексемы в качестве первого указано значение ‘лед’, однако в материалах, собранных в Ямало-Ненецком АО, лексема *сэр*” в таком значении не зафиксирована. В качестве дополнительного информанты указывают значение ‘светлый’, реализующееся в сочетании с существительными ‘волосы’, ‘глаза’, либо метонимически с наименованиями лиц, ср.: *Ябта сэр’ луца тедахав’ тэва” махаданда паранодауэ таралъй”* ‘Стройный светлый русский стал царем после того, как они пришли’ [Янгасова 2001]; *сэр сэв”* ‘светлые глаза’; *сэр узэва таретана* ‘светловолосый’ (с. Антипаюта).

Значения ‘чистый’ и ‘прозрачный’ у слова *сэр*” не зафиксированы. Значение ‘седой’ (развивающееся у прилагательного ‘белый’ в селькупском языке, см. далее) у ненецкого *сэр*” не отмечено, такая семантика может быть выражена словом *хорха* (букв.: похожий на березу; с. Лаборовая).

Селькупский

Значение ‘белый’ во всех северных селькупских говорах передается лексемой *сэры*, являющейся когнатом ненецкого *сэр*”. Словосочетания *сэры оптыль* (букв.: беловолосый) и *сэры олыль* (букв.: белоголовый) означают ‘седой’, а *сэры сайы* (букв.: белый глаз) описывает бельмо. Значения ‘чистый’ и ‘прозрачный’ у слова *сэры* отсутствуют: так, прозрачная вода (и только вода) описывается прилагательным *чаңаль / чаңай*, а чистые предметы (например, посуда, одежда, помещение) характеризуются лексемой *тамкытыль*, представляющей собой деривационный каритив от существительного *там / тамы* ‘грязь’.

Хантыйский

Общее наименование белого цвета для всех рассмотренных хантыйских диалектов – *нөви / нови / нави* с типичным для диалектов чередованием гласных в корне: шур. *нөви доңиц* ‘белый снег’; сынск. *нөви щайшкан* ‘белая ткань’; *нөви ньань* ‘белый (пшеничный) хлеб’; *нөви ошньи* ‘белый медведь’; *нөви вўна* ‘белое вино’.

Данное прилагательное используется также для характеристики окружающей среды, светлого времени суток: сынск. *нөви хйтэл* ‘светлый день’; *нөви сыс* ‘в светлое время’; *нөви пўлаң* ‘при свете’; *нөви йэпти* ‘перед рассветом’; *Камән нөви* ‘На улице светло’; шур. *Йэ-ээй! Турмев хўвән-ванән нөвийа йўвмад* ‘Йэ-ээй! Давно рассвело’ (букв.: небо давно-недавно светлым стало). Такое значение отмечено также для ненецкого наименования белого цвета (при этом между хантыйской и ненецкой лексемами не исключены сочетаемостные различия, требующие отдельного исследования).

На основе значения ‘светлое время суток’ возникает образный оборот, обозначающий мир вообще: шур. *Нөви турэмн удты каш* ‘На белом свете жить весело’.

При описании внешнего вида человека это прилагательное приобретает значение ‘бледный’: шур. *нөвийа цошхатты* ‘бледнеть’; *Щи арат пайдтамэс на вениэд нөвийа цошхаттэс* ‘Человек испугался, и лицо его побледнело’.

У этой лексемы развивается также значение ‘прозрачный’: *нөви йиңк* ‘прозрачная вода’ (с. Овгорт).

Яркий, ослепительно белый цвет передается прилагательным *ньарава*: сынск. *ньарава ўды* ‘ослепительно белый олень’; *ньарава ньопэлув* ‘белая шкура оленя для пошива женской шубы’.

Коми

Белый цвет описывается прилагательным *едждыд*. Зафиксированы также его фонетические варианты с упрощением аффрикаты *дж*: *ежыд*

К коми
Х хантыйский
Н ненецкий
С селькупский

(Белоярск, Овгорт), *едьид* (Нори, Самбург), *еди́д* (Самбург). В говорах сс. Мужы, Восяхово, Белоярск отмечена также лексема *няревей* (ср. хант. *ньарава*). Прототипически она описывает масть белого оленя, но в говоре с. Белоярск иногда встречается ее использование и в других контекстах, например, по отношению к белобрысому человеку. Не исключено, что это прилагательное могло быть заимствовано из ненецкого языка, см. фиксацию в [Терещенко 1965: 356] прилагательного *няравэй* ‘очень белый’. Однако в наших ненецких материалах, записанных в Ямало-Ненецком АО, такое прилагательное не встретилось (что ставит некоторые вопросы к гипотезе о заимствовании, но не опровергает ее, поскольку теоретически заимствование могло произойти и в ходе контактов ненцев и коми-ижемцев на севере европейской территории России, либо

лексема *няравэй* могла утратиться в современных ненецких говорах Ямало-Ненецкого АО).

Значения ‘чистый’, ‘прозрачный’ и ‘светлый’ лексемами *еджы́д* и *няревей* не передаются.

Обобщение данных

Наименования белого цвета во всех языках ареала входят в число базовых цветообозначений. В ненецком и хантыйском языках на их основе развивается значение ‘светлый’, в хантыйском языке также развивается значение ‘прозрачный’. В селькупском языке прилагательное с семантикой ‘белый’ имеет значение ‘седой’. Не исключено заимствование одного из наименований белого цвета (не базового наименования) из ненецкого языка в коми-ижемские говоры и в хантыйские диалекты.

ЧЕРНЫЙ

Ненецкий

Черный цвет повсеместно описывается словом *п̄риденя* (часто встречающийся фонетический вариант *п̄ридена*), представляющим собой адъективировавшееся причастие от глагола *п̄ридесь* ‘быть черным’: *п̄риденя нянь* ‘черный хлеб’; *п̄риденя т̄ня* ‘чернобурая лиса’; *п̄риденя н̄эбт* ‘черные волосы’. Значение ‘грязный’ данной лексемой не выражается (в отличие от некоторых других языков ареала, см. далее).

Селькупский

Черный цвет во всех без исключения северных селькупских говорах описывается прилагательным *с̄а̄зы*, которое выступает в качестве первого элемента ряда сложных слов и словосочетаний, например *с̄а̄з-зун* ‘смуглый’, *с̄а̄зы о̄птыль* ‘черноволосый’. Значение ‘грязный’ данной лексемой не выражается.

Хантыйский

Общее обозначение черного цвета в хантыйских говорах – прилагательное *питы* (шур., сынск.) / *путы* (приуральск.) ‘черный’: шур. *питы пусэң* ‘черный дым’; сынск. *питы васы* ‘черная утка (чернядь)’; *питы л̄ук* ‘черный глухарь’; сынск. *питы, лавэм х̄р-пи, о̄х с̄о̄хэт* ‘черные, на уголь похожие волосы’; шур. *Лотхэмтэмпиты д̄арахэң сэмңидал ш̄в̄эңа йисңан* ‘Выцветшие черные круглые глаза дымчатыми стали’; *Й̄хэн унпиты т̄о̄хлэң вой омэсэл* ‘На дереве сидит большая черная птица’.

Также эта лексема может описывать темный оттенок другого цвета, ср.: *Ма п̄о̄хемпиты ўрты*

йэрнас дутэс ‘Мой сын темно-красную рубашку купил’ (с. Овгорт); *Ма н̄аң урңеңэнпиты в̄осты машинайэн й̄о̄хэтлэм* ‘Я за тобой на темно-синей машине приеду’ (с. Овгорт).

Эта лексема имеет также значение ‘грязный’: *Й̄иңк т̄ом дорэн шеңкпиты, д̄үв нэмэлт х̄ойатэн а̄т й̄иңьцда* ‘Вода в том озере очень грязная, ее никто не пьет’ (с. Овгорт); *Хотх̄ар дапэт а̄т л̄ухэтса, д̄үвпиты* ‘Пол неделю не мыли, он грязный’ (с. Мужы) (примеры предоставлены М. А. Сидоровой).

Коми

Черный цвет описывается в обследованных говорах прилагательным *с̄ьод̄*. По данным [КСК II: 469], оно повсеместно используется в диалектах коми языка в значениях ‘черный’, ‘грязный’. Такая полисемия отмечена и в обследованных нами идиомах: так, в говорах сс. Мужы и Овгорт зафиксированы примеры употребления слова *с̄ьод̄* по отношению к грязному полу, грязным рукам и в некоторых других подобных ситуациях. Подтверждением сдвига цветовой семантики в таких контекстах является возможность сочетания прилагательного *с̄ьод̄* с прилагательным *еджыд̄* ‘белый’: *Миян керкаын еджыд̄ с̄остэм посуда. Обед б̄орас с̄яа лоо с̄ьод̄* ‘У нас дома белая чистая посуда. После обеда она становится грязной’ (с. Мужы).

Обобщение данных

Наименование черного цвета является во всех языках ареала базовым. В коми и хантыйском языках у него имеется дополнительное значение ‘грязный’.

КРАСНЫЙ

Ненецкий

Красный цвет повсеместно описывается словом *няръяна*, представляющим собой адъективированное причастие от глагола *няръясъ* 'быть красным': *няръяна мя* 'красный чум'; *няръяна ной* 'красное сукно'.

Селькупский

Во всех северных селькупских говорах красный цвет описывается прилагательным *няръы*, которое участвует в качестве первого компонента в образовании сложных слов, часто в усеченной форме: *няръы топыр* (чаще *няр топыр*) 'брусника' (букв.: красная ягода), *няркэсы* 'медь' (букв.: красное железо), *няркуры* 'колонок' (букв.: красный горноста́й). Прилагательное *няръы* служит также для описания рыжего (а иногда и фиолетового) цвета: *няръы бптыль* 'рыжеволосый'.

Хантыйский

Прилагательное *вўрты* / *ўрты*, используемое для обозначения красного цвета, является однокоренным со словом *вўр* / *ўр* 'кровь', соответственно, хантыйское цветообозначение «красный» ассоциируется с цветом крови. В словаре В. Штейница [DEWOS: 1617–1618], построенном по гнездовому этимологическому принципу, прилагательное 'красный' помещается в одной словарной статье со словом 'кровь'. Тем самым наименование красного цвета в хантыйском языке не является базовым, поскольку представляет собой производное от существительного.

Однако значение 'красный' не является простым переносным значением от прилагательного со значением 'кровавый'. Специализация значений 'кровавый' и 'красный' фиксируется разными суффиксальными производными от существительного *вўр* / *ўр* 'кровь'. Ср. прямое значение «кровавый» в следующем примере с прилагательным *ўр-эң* 'кровавый', в составе которого выделяется суффикс

имен прилагательных *-эң*: шур. *Мушмэ́дтэм вой до́нш сѳх э́нты ўрэ́ң кэ́дтэмдэ́л хэ́ймал* 'Раненый зверь оставил на снегу кровавые следы'.

Суффикс *-ты* в составе прилагательного *вўрты* / *ўрты* 'красный' материально тождествен суффиксу причастий настоящего-будущего времени, что формирует параллель к соответствующей лексеме ненецкого языка, являющейся отглагольным производным.

В хантыйском языке имеется еще одно слово *ка́ды*, которое может употребляться в значении 'кровь': *ка́ды дэр* 'кровеносные сосуды' (букв.: кровь корень). От него образуется прилагательное *ка́дэң* с прямым значением 'кровавый'. Однако система переносных значений лексемы *ка́ды* связана не с цветовой гаммой, не с хроматическими характеристиками непосредственно, а с яркостью цвета, например: сынск. *Сорэм йўхэ́т ка́ды тўтэ́н дэ́да* 'Сухие дрова горят ярким огнём'; *Пэ́санэд ка́ды о́льэпэ́н нэ́рэм* 'Стол окрашен яркой краской'.

Таким образом, на основе двух синонимичных существительных образуются прилагательные, одно из которых характеризует цветовую гамму, а другое – степень яркости, насыщенности цвета.

Коми

Значение 'красный' выражается в обследованных говорах прилагательным *гѳрд* (по данным [КСК I: 356], широко употребляющимся в диалектах коми языка). Используется также лексема *гѳрдоо* (*гѳрдов* в литературном коми [КСК I: 358]), с семантикой 'красноватый': *Тури туу́йыс гѳрдоо на, абу на воэ́ма* 'Клюква еще красноватая, еще не поспела' (с. Мужы).

Обобщение данных

Наименования красного цвета являются базовыми во всех языках ареала, кроме хантыйского (где соответствующая лексема прозрачно связана с существительным 'кровь'). В самодийских языках –

ненецком и селькупском – они содержат общий компонент *няр-* (мы не претендуем, однако, на принятие каких-либо этимологических решений по данному вопросу, требующему дальнейшего изучения).

Слово *нярава* ‘медь, латунь’ с этим общим компонентом, возможно, могло быть заимствовано в хантыйский и коми-зырянский языки для обозначения чисто-белого цвета шкур животных и при-

обрести более широкое значение для обозначения цвета вообще – ‘яркий, ослепительно-белый’. Нельзя полностью исключить такой сценарий, что в ненецком языке базовым значением слов с компонентом *няр-* является не хроматический оттенок, а степень яркости, при этом в ненецком языке яркость ассоциируется с зоной красного, а в хантыйском – с зоной белого.

СИНИЙ

Ненецкий

Синий цвет повсеместно описывается лексемой *сюнрӑха*, буквально означающей ‘похожий на дым’ и образованной от основы *сюн* ‘дым, пар’ при помощи аффикса симилиатива *-рӑха*: *сюнрӑха ной* ‘сине-ее сукно’ (букв.: как дым сукно).

Селькупский

Синий цвет иногда описывается лексемой *норӑль / норӑй*. Впервые лексема была зафиксирована К. Доннером в Церковенском (на Среднем Тазе) как часть названия утки: *норӑль пакӑ* ‘утка чирок с зелеными крыльями’ (*пакӑ* ‘чирок’) [Хелимский 2007]. Лексема гораздо менее частотна, чем прочие обозначения цвета, сейчас ее вспоминают только хорошо владеющие языком информанты на Среднем Тазе и на Турухане. Кроме *норӑль / норӑй* синий цвет иногда описывается прилагательным *патыль / патый*, чаще используемым для передачи желтого и зеленого цветов (см. [Кузнецова и др. 1980: 25]).

Хантыйский

Зона синего и зеленого цветов обозначается одним и тем же прилагательным *вӑсты / восты*. В описательных словосочетаниях используется и сравнительная конструкция «как небо», ср.: *турӑм хӑрты вӑсты* ‘синий, как небо’ (с. Восьхо-

во), *этӑр хӑры хӑрты* (букв.: как небесный свод; сс. Катравож, Шурышкары).

Коми

Синий цвет описывается прилагательным *лӧз*, повсеместно используемым в коми диалектах [КСК I: 854]. Оно же описывает и голубой цвет. При необходимости подчеркнуть светлый оттенок цвета используется композит *югыдлӧз* ‘светло-голубой’.

Обобщение данных

Наименование синего цвета относится к базовым цветообозначениям только в коми-зырянском языке. В остальных языках лексема со значением ‘синий’ используется также для номинации оттенков зеленого спектра, а при необходимости разграничения условных зон «синего» и «зеленого» употребляются разнообразные сравнительные обороты, в которых в качестве эталона для цветообозначения выступают предметы окружающего мира (небо, пар, дым). Это позволяет предположить, что соответствующие лексеммы в исследуемых нами языках отражают светлые тона данного спектра, а темные оттенки условно «синего» цвета относятся к зоне «черный / темный». Однако без проведения специальных экспериментов это утверждение остается пока только гипотезой.

ЗЕЛЕНЫЙ

Ненецкий

Зеленый цвет повсеместно описывается лексемой *падяр́аха* (фонетический вариант *падер́аха*), буквально означающей ‘похожий на желчь’ и образованной от основы *пáдйá* ‘желчь’ при помощи аффикса симилятива *-р́аха*: *падер́аха ной* ‘зеленое сукно’ (букв.: как желчь сукно).

Селькупский

В современных северных селькупских говорах для обозначения зеленого цвета используется исключительно лексема *патыль* (Средний Таз и Турухан) / *патый* (Верхний Таз и Верхняя Толька), та же, что и для обозначения желтого. Это перешедшая в разряд прилагательных адъективная форма существительного *паты* / *паты* ‘желчь’, также зафиксированная во всех диалектах. Зеленый цвет – это цвет желчи.

Раньше для описания зеленого цвета использовалось и прилагательное *норáль* / *норáй*, обозначающее также и оттенки синего спектра. Сейчас мало кто из носителей северных селькупских говоров помнит эту лексему, а если помнит, то рассматривает ее в первую очередь как обозначение синего цвета. Впервые лексема была зафиксирована К. Доннером в Церковенском (на Среднем Тазе) как часть названия утки: *норáль пакá* ‘утка чирок с зелеными крыльями’ (*пакá* ‘чирок’).

Хантыйский

Для обозначения зеленого цвета используется то же прилагательное *вóсты* / *восты*, что и для обозначения синего цвета. При необходимости уточнить оттенок цвета используется сравнительное сочетание «как трава», ср.: *һар пом хóрпи* ‘как свежая трава’ (с. Катравож), *тóрэн хóрпи* ‘как трава’ (с. Питляр), *һар тóрэн вóсты ваниши* ‘травка-муравка, зеленая, как свежая трава’ (с. Шурышкары).

Коми

Лексемы *веж* и *виж* повсеместно смешиваются информантами относительно того, какой цвет – желтый или зеленый – они описывают. В наших материалах встречаются обе интерпретации. Как следует из [Лыткин, Гуляев 1970: 49], по этимологическому критерию эти лексемы должны включаться в число базовых цветообозначений (хотя следует отметить некоторую неустойчивость их денотатов между идиолектами разных носителей). В диалектах коми лексема *веж*, согласно [КСК I: 167], повсеместно описывает и зеленый, и желтый цвет. В свою очередь, прилагательное *виж* в большинстве диалектов относится к желтому спектру, а в верхнесысольском и присыктывкарском дополнительно описывает зеленый цвет [КСК I: 202]. Для зеленого цвета также распространено сложное наименование *турунвиж* (от *турун* ‘трава’), для желтого – *чайвиж* (от слова *чай*), в с. Самбург отмечено также *кольквиж* (от *кольк* ‘яйцо’).

Обобщение данных

Наименование зеленого цвета является базовым в коми-зырянском языке. Информанты не уверены в определении цвета, который символизирует соответствующая лексема, – «зеленый» или «желтый». Интересно, что и в базе данных Starling значение соответствующей прауральской лексемы **wiša* определяется как ‘желтый; зеленый’. В ненецком и селькупском языках эталоном для обозначения «зеленого» является цвет желчи (ср. далее: в хантыйском цвет желчи является эталоном для обозначения «желтого»). Можно предположить, что цветовая гамма типа «зеленого» в ненецком и селькупском языках, как и в коми-зырянском, помещается в желто-зеленом спектре. В хантыйском языке значение лексемы *вóсты* / *восты* охватывает другую зону спектра – сине-зеленую. В ненецком и селькупском языках соот-

ветствующие лексемы не являются базовыми, они представляют собой отыменные образования от существительных, называющих предметы,

символизирующие эталон данного цвета, в хантыйском языке для этого используются сравнительные конструкции.

ЖЕЛТЫЙ

Ненецкий

Значение 'желтый' повсеместно выражается прилагательным *масехэй*: *масехэй ной* 'желтое сукно'. В [Терещенко 1965: 639] *масехей* и его производные отчетливо связываются с желтым цветом, в том числе на основании употреблений с названиями прототипически желтых объектов – как листья осенью или опавшая морошка. В то же время данная лексема, по-видимому, словообразовательно связана с прилагательным *масо* 'желтовато-бурый' [Терещенко 1965: 640]. Точные различия между денотатами слов *масо* и *масехэй* с точки зрения их расположения на цветовом спектре нами пока не проверялись. Если судить по словообразовательным характеристикам, то в рамках подхода Б. Берлина и П. Кея лексема *масехэй* не является базовым цветообозначением в силу своей словообразовательной производности, тогда как лексема *масо* может претендовать на такой статус, однако для окончательного разрешения вопроса требуется более детальное исследование ее семантики и употребления.

Селькупский

Значение 'желтый' во всех северных селькупских говорах передается прилагательным *патыль* / *патый*, образованным от существительного *паты* 'желчь'. Это же прилагательное может описывать зеленый, а иногда и синий цвет. Выражение *патыль олы* означает 'рыжеволосый' (букв.: рыжая голова).

Хантыйский

В с. Азовы отмечено прилагательное *вуйцдам* 'желтый', в с. Катравож – *вуйцэм* 'желтый', ср. в казымском диалекте фиксируется слово *вуйцэм* 'желтый' [Соловар 2014: 62]. Чаще всего используются разнообразными описательные обороты, например: шур. (*ицкийэн*) *хойэм лыпэт хөрти* 'желтый' (букв.: как тронутые морозом листья); сынск. *хойэм лыпэт хөрти ольэт* 'желтая краска' (букв.: похожая на тронутый лист краска); *Хойэм лыпэт йэрнасэн нох думты* 'Надень желтую рубашку'. Другим эталоном для сравнения является желчь, используются сравнительные сочетания «как желчь». В с. Аксарка информанты затруднились подобрать специальное наименование для желтого цвета и использовали слово *нави* 'белый', отнеся тем самым этот цвет к светлому, яркому спектру без спецификации хроматических оттенков.

Коми

См. зеленый.

Обобщение данных

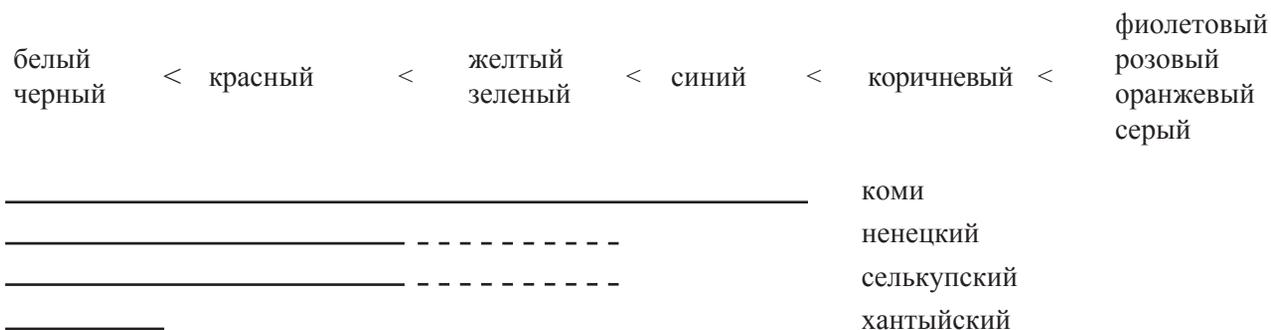
Название желтого цвета входит в число базовых цветообозначений для коми языка. В ненецком языке его статус неочевиден. В селькупском языке это цветоименование не входит в набор базовых. В хантыйском языке устойчивого наименования желтого цвета нет, используются разнообразные описательные конструкции.

Обобщение данных о системах цветообозначений

Шкала, предложенная в [Berlin, Kay 1969], охвачена уральскими языками Ямало-Ненецкого АО, как показано на схеме далее. Сплошная линия указывает

на то, что данное цветообозначение является в языках ареала базовым, пунктирная линия указывает на спорные случаи, оговоренные в тексте выше.

Явно выделяется среди языков данного региона коми-зырянский язык, для которого базовыми можно признать белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий цвета.

В хантыйском языке базовыми являются по сути только черный и белый, все остальные именуется на основе ассоциаций с предметами окружающего мира, которые выступают эталонами для данных цветообозначений: красный – с кровью, синий – с небом, зеленый – с травой, желтый – с осенними листьями или желчью.

Четкие границы между стереотипными представлениями о «синем», «желтом», «зеленом» цветах провести сложно, так как одна и та же лексема в одних языках обозначает сине-зеленую часть спектра (в хантыйском), а в других – зелено-желтую (как в коми-зырянском, ненецком и селькупском).

Типичным средством уточнения оттенка являются либо специальные аффиксы со значением сравнения или уподобления (в самодийских языках), либо сравнительные обороты, содержащие указание на эталон сравнения (в финно-угорских языках).

КАЧЕСТВЕННО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА

ОСТРЫЙ / ТУПОЙ (КОНЧИК), ОСТРЫЙ / ТУПОЙ (ЛЕЗВИЕ) ГОРЯЧИЙ / ЖАРКИЙ / ТЕПЛЫЙ ПРОХЛАДНЫЙ / ХОЛОДНЫЙ ШЕРШАВЫЙ / СКОЛЬЗКИЙ КРАСИВЫЙ

ОСТРЫЙ / ТУПОЙ

Лексемы с семантикой ‘острый’ и ‘тупой’ изучались в лексической типологии, см., например, [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012]. Однако материал исследуемых нами языков, за исключением коми-зырянского, в указанных работах учтен не был.

Типологически в семантической зоне ‘острого’ развиваются два основных противопоставления, релевантных для организации лексической системы языка:

а) функция – форма: ср. острые нож, топор, иголку, которые человек специально сделал острыми для определенного функционального использования, и острые вершущу горы, нос человека, колпак, у которых острота является визуально воспринимаемым признаком формы и не используется для физического воздействия на что бы то ни было;

б) функция-линия – функция-точка; ср. инструменты с острым лезвием (нож, пила, топор) и с острым кончиком (иголка, гвоздь, стрела).

Семантическая зона ‘тупого’ устроена, согласно типологическим данным, менее богато. В частности, тупая форма предмета, по имеющимся на сегодняшний день данным, не описывается специальной лексемой, а во многих языках не описывается лексемами поля вообще. В некоторых языках для затупленных инструментов развивается противопоставление «линия – точка», но часто оно не развивается даже при богатой системе лексем со значением ‘острый’.

Типологически лексемы исследуемых семантических зон (в большей степени зоны ‘острого’, чем зоны ‘тупого’) развивают различные метафорические сдвиги.

Ненецкий

В ненецком языке зафиксировано несколько лексем с общим значением ‘острый’. В словаре [Терещенко 1965] центральные лексемы поля описываются следующим образом: *савяк* ‘острый, остроконечный, заостренный’; *савлюй* ‘остроконечный, заостренный’; *пй"мя* ‘острый, отточенный’.

Повсеместно используется слово *пй"мя* (с фонетическими вариантами *пй"ме*, *пэ"мя*; от информанта из с. Яроно получены также однокоренные слова *пй"норуй* и *пй"нуй*, оба используются для описания заостренных небольших предметов), описывающее инструменты с острым, заточенным лезвием: *пй"мя хар* ‘острый нож’.

Повсеместно используется слово *савяк* со значением ‘заостренный (о кончике ножа, иглы и т. п.)’: *савяк нибя* ‘острая игла’; *савяк тюр' мал* ‘заостренный наконечник хорея’; *Тибяда савак"* ‘Зубы у него острые’; *Хадада савак"* ‘Когти у него острые’ (с. Сёяха).

Встречаются также примеры использования лексемы *савяк* для характеристики заостренной формы предмета: *Тайкуй хэ' надомд маниер? Хэ' надо таб уэтенда тинню тикан' намдаугув' пыдарэ пуняд тад нявота тутанэ' пья савкахана тад сими матидеугунэ' хэ' ит' лясугув* ‘Видишь обрыв над омутом? Вон выступ песчаного обрыва, я сяду туда, а ты разбежишься и столкнешь меня острым носом, и я упаду в омут’ [Пушкарева, Хомич 2001: 154; Надымский р-н Ямало-Ненецкого АО, Верхняя Хадьгта, зап. 1980 г.]; *Сэр" янзавэм' салик савак лабиде нивув* ‘Я острием локтя толкнул своего пятнистого оленя’ [Пушкарева, Хомич 2001: 306; Ямальский р-н Ямало-Ненецкого АО, с. Яр-Сале, зап. 1953 г.].

В то же время для обозначения остроконечной сопки есть специальное слово *сохо* 'высокая остроконечная сопка с широким основанием': *Сохо' ний пэ удьринда уади* 'Камень на сопке еле виднеется' [Янгасова 2001], ср. также *соты* 'большая возвышенность с плоской вершиной и пологими склонами': *Нопой мюселмахананандо' нудондана нултава' пойм' ям-бумдавы, паугараха соты' ни' нултада* 'В одно из кочевий едущий впереди увеличил расстояние между остановками, остановился возле колодообразной сопки' [Янгасова 2001].

В словаре [Терещенко 1965] для слова *савяк* приводятся также переносные значения: *савяк" вада"* 'резкие слова', *савяк тецьда* 'резкий холод', *савяк мерця* 'пронизывающий ветер', которые в наших материалах не отмечены.

В сс. Яроно, Новый Порт, Самбург и Антипаюта зафиксировано также слово *савлюй*; в сс. Антипаюта, Новый Порт фонетический вариант *савлюй*, например: *Нод нибклабта пэдо' савлюй есян' теберуа* 'Через каждый шаг, Солдат окружая, в пол острые колья воткнуты' [Пушкарева, Хомич 2001: 192; Надымский р-н Ямало-Ненецкого АО, Верхняя Хадыта, зап. 1973 г.]; *Савлюй еся' ни' пынтё хамгуд"* '(Семь-Солдат, по волшебству моей Восьмиухой-Бабушки, засните на миг!). Они [заснут и] на острые свои штыки ничком упадут' [Пушкарева, Хомич 2001: 192; Надымский р-н Ямало-Ненецкого АО, Верхняя Хадыта, зап. 1973 г.]. В полевых материалах из с. Самбург отмечены и примеры использования этого прилагательного по отношению к острой форме предметов, ср.: *савлюй мя"* 'остроконечный чум', *сэлик савлюй* 'локоть острый', *савлюй хой* 'остроконечная гора'.

В с. Гыда и с. Самбург зафиксировано также слово *няндота* 'острый, наточенный' (о лезвии, режущих предметах), представляющее собой адъективировавшееся причастие от глагола *няндоць* 'быть острым', который, в свою очередь, образован от существительного *нянд* 'лезвие, острие'.

Для значения 'тупой' повсеместно фиксируются слова *тынха* (о ноже, топоре): *тынха хар* 'тупой нож' и *няндсяда* (букв.: без острия; об игле, кончике ножа). От информанта из с. Сёяха записана также лексема

мэтой 'тупой, со сглаженным концом', а от информанта из с. Яроно *муйха* 'тупой, зазубренный'.

Селькупский

В северных селькупских говорах зафиксировано две группы лексем с общим значением 'острый'. Первая группа описывает признак инструментов с острым, хорошо заточенным лезвием. В Красноселькупе и Пуровской Тольке зафиксирована безаффиксальная форма прилагательного *мина* 'острый (о лезвии)'. Повсеместно, в том числе и в этих двух названных поселках, встречается образованная от исходного прилагательного посредством суффикса *-тыль / -тый* лексема *мин-тыль* (Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Фарково) / *мин-тый* (Толька Красноселькупская, Ратта, Киккиакки, Толька Пуровская, Быстринка) с тем же значением. Кроме того, в Красноселькупе и Пуровской Тольке отмечено прилагательное *энты-сымыль* (Красноселькуп) / *энты-сымый* (Пуровская Толька) 'острый' (букв.: имеющий лезвие), образованное от существительного *энты* 'лезвие' посредством суффикса обладания *-сымыль / -сымый*.

Вторая группа селькупских лексем со значением 'острый' описывает остроконечные предметы, признак острого, заточенного кончика. В этой группе представлена одна лексема с фонетическими вариантами по говорам: *сб-пыль* (среднетазовские и туруханские говоры) / *сб-тый* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры); исходно это причастие прошедшего времени (показатель *-пыль / -тый*) от глагола *сб-зо* 'заострить', перешедшее в разряд прилагательных.

Значение 'тупой' передается двумя противопоставленными лексемами. Тупое, нена точенное лезвие повсеместно описывается каритивной формой прилагательного *энты-кытыль* (среднетазовские и туруханские говоры), *энты-кытый* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры) 'тупой' (букв.: без лезвия), образованного от существительного *энты* 'лезвие' при помощи каритивного показателя *-кытыль / -кытый*.

Значение 'тупой, с тупым концом' тоже передается одной лексемой с фонетическими вариантами по говорам: *мулталь* (среднетазовские и турухан-

**ОСТРЫЙ
(кончик)**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

**ОСТРЫЙ
(лезвие)**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

ские говоры) / *мултай* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры).

Хантыйский

В хантыйском языке значение ‘острый’ выражается лексемами *пӑсты* (повсеместно), *йуц* (с. Овгорт, Восяхово, Питляр, Катравож) / *йуцэу* (с. Овгорт) и *тӑйэу* (с. Шурышкары). Прилагательное *пӑсты* прототипически применяется к режущим инструментам (параметр «функция – линия»), а прилагательные *йуц* / *йуцэу* и *тӑйэу* – к колющим инструментам (параметр «функция – точка») и к предметам заостренной формы, ср.: *Пӑсты кеши, йӑма эвӑтӑл* ‘Острый нож, хорошо режет’ (с. Овгорт); *Йинтпэмшэнкйуц* ‘Иголка очень острая’ (с. Восяхово); *Мӱн йӱх тӑй нэла хоп элты вантсэв йуц* ‘Мы смотрели из лодки на острые верхушки деревьев’ (с. Восяхово); *Йуц кэв тӑйэт тӑлта нылайэт* ‘Острые верхушки гор отсюда видно’ (с. Овгорт).

Прилагательное *тӑйэу* образовано от существительного *тӑй* ‘вершина, конец’ (ср. казымские *тый* и *тыйэу* соответственно) и имеет значение ‘острый, остроконечный’.

Лексема *пӑсты*, помимо значения ‘острый’, имеет также значение ‘быстрый’. Этимологическое соотношение этих двух значений пока не совсем ясно. Не все информанты подтверждают возможность употребления прилагательного *пӑсты* в значении ‘быстрый’. Так, в с. Восяхово и Овгорт были получены отрицательные ответы.

Значение ‘тупой’ выражается прилагательными *һайш*, *мӑйш* и *һӱмэр*. Прилагательное *һайш* применимо только к режущим инструментам, ср. примеры, записанные в с. Овгорт: *Кешэм һайш, нэмӑлты ӑт эвӑтӑл* ‘Нож тупой, ничего не режет’; *Лаймэм һайш, лӑхӑтты мосӑл* ‘Топор тупой, поточить надо’; *Картлӱнкет тӑй ӑт тӑйӑл, сэнкты ӑт верӑтлӑм* ‘Гвоздь тупой (букв.: не имеет кончика), вбить не могу’ (при невозможности **картлӱнкет һайш*, так как гвоздь не имеет режущей поверхности, а только заостренный конец). Как видно из последнего примера, тупой кончик может обозначаться и описательной конструкцией со значением ‘не

имеющий кончика’. Прилагательные *мӑйш* и *һӱмэр* сочетаются с названиями и режущих, и колющих инструментов, см. примеры, зафиксированные в говорах с. Овгорт и с. Восяхово: *мӑйш / һӱмэр кеши* ‘тупой нож’, *мӑйш / һӱмэр картлӱнкет* ‘тупой гвоздь’. Семантических различий между указанными лексемами в тех контекстах, где их сочетаемость пересекается, выявить не удалось.

Коми

Прилагательное *лэчыд* (с фонетическим вариантом *лэтьыд*) описывает инструменты с острым лезвием (нож, топор, пилу, косу), прилагательное *юэс*, имеющее в некоторых говорах фонетический вариант *ювес* (в литературном коми ему соответствует прилагательное *ёсь*, см. [КСК I: 507]), – инструменты с колющим концом (гвоздь, иголку), природные объекты с колющим кончиком (шипы растений), форму суживающихся к концу предметов (вершину горы, верхушку дерева, нос ботинка).

Переносно лексема *лэчыд* описывает в рассматриваемых говорах, во-первых, пронизывающий ветер (*Бура тай таво тулысоо тӧлыс зэй нин лэчыд* ‘Нынче весенний ветер пронизывающий’, пример из с. Мужи), во-вторых, непоседливого ребенка (*Лэчыд челядыыс ӧтик местэын оз нукоо, отторэ бергалэ* ‘Непоседливый ребенок на одном месте не сидит, все время вертится’, пример из с. Белоярск), в-третьих, резвого, беспокойного, активного оленя или лошадь (*Ваедэныс лэчыд кӧр* ‘Ведут беспокойного оленя’, с. Самбург); в-четвертых, острого на язык человека (*Менам друге кыынас лэчыд, вермас дойдны мортсэ* ‘Мой друг острый на язык, может обидеть человека’, пример из с. Мужи).

Лексема *юэс* в переносном употреблении обозначает, во-первых, острый слух или зрение (*юэс синма* ‘с острым зрением’, *юэс пеля* ‘с острым слухом’, примеры из с. Мужи), во-вторых, высокий голос (*Нылыс сьылэ юэс гӧлэсэн* ‘Девушка поет высоким голосом’, пример из с. Белоярск), в-третьих, недобрый взгляд (*Юэс синнас ме вылам визьлысис и менум лёк лои* ‘Он взглянул на меня недобрыми глазами, и мне плохо стало’, пример из с. Мужи).

**тупой
(кончик)**

**Ямало-Ненецкий
автономный округ**

Обобщение данных

Прилагательное *ныж* описывает инструмент с тупым лезвием (нож, пилу, косу, топор), прилагательное *тутти* – инструмент с тупым кончиком (гвоздь, иглу). Для лексемы *ныж* в [КСК I: 1023] повсеместно фиксируется значение ‘тупой’ (о режущих предметах). В литературном коми-зырянском языке значение, передаваемое в обследованных говорах Ямало-Ненецкого АО прилагательным *тутти*, выражается не используемым на данной территории прилагательным *тиõтиыд* [Лыткин (ред.) 1961: 703]. В словаре [КСК II: 595] для прилагательного *тутти* отмечается достаточно узкий ареал употребления – только в ижемском и удорском диалектах.

Лексемы со значением ‘острый’ устойчиво противопоставлены в языках ареала по тому, описывают ли они режущие инструменты с острым лезвием либо колющие инструменты с острым кончиком. Лексемы второго типа дополнительно описывают заостренную форму предмета.

Лексемы со значением ‘тупой’ также системно подразделяются по признаку «режущие или колющие инструменты». Типологически такое их подразделение, согласно предыдущим исследованиям, возможно, но менее частотно по сравнению с лексемами из зоны ‘острого’.

ТЕМПЕРАТУРА

ГОРЯЧИЙ, ЖАРКИЙ, ТЕПЛЫЙ, ПРОХЛАДНЫЙ, ХОЛОДНЫЙ

Признаковые слова с семантикой температуры очень подробно исследованы типологически, ср. недавний сборник [Kortjevskaja-Tamm et. al. 2015]. Вместе с тем материал уральских языков Ямало-Ненецкого АО не получил в этом сборнике подробного освещения, поэтому его сопоставление с типологическими данными представляет интерес.

Типологически в семантической зоне температуры выделяются два основных типа противопоставлений. Во-первых, это температурное значение и количество элементов на соответствующей шкале (ср. в русском языке *горячий – жаркий – теплый – прохладный – холодный*). Во-вторых, это тип температурного фрейма:

а) температура тактильно воспринимаемых объектов – *горячий суп, теплая вода, холодные батареи* и т. д.;

б) температура среды (или «амбиентная температура» в терминах М. Копчевской-Тамм) – *жаркий (*горячий) день, на улице жарко / тепло / холодно* и др.;

в) личная температура – субъективное температурное ощущение экспериенцера – *мне жарко / тепло / холодно*.

Дальнейшее изложение строится в первую очередь с опорой на эти противопоставления, учитываются также некоторые другие семантические особенности описываемых языков.

Ненецкий

Температура выше некоторой средней нормы повсеместно описывается четырьмя лексемами: *ядембáда, ендя, иба* и *хольмэй* (в с. Яроно зафиксирован фонетический вариант *хорьмэй*).

Слово *ядембáда* представляет собой адъективированное причастие от глагола *ядембáсь* ‘быть горячим, жарким’ и описывает высокую температуру как тактильно воспринимаемых предметов, так и среды: *ядембáда нянь* ‘горячий хлеб’; *ядембáда яля* ‘жаркий день’. В словаре [Терещенко 1965] для слова *ядембáда* указано также переносное значение ‘горячий, вспыльчивый’, не зафиксированное в наших материалах.

Для лексемы *ендя*, которая тоже представляет собой причастие, образованное от глагола *епáсь* ‘быть горячим’, имеется всего два иллюстративных примера: *Ет, тю"у тидэ, вунин хаёд. Ендя*

тухувм, тухувм хон ‘Сядь на нарту, не остаётся же тебе. Горячий очаг ты нашла’ (г. Салехард). В словаре [Терещенко 1965] это слово имеет помету б.-з. и, судя по его описанию, тоже может использоваться как для обозначения высокой температуры предметов: *епдя сяй* ‘горячий чай’, так и среды: *Епдя" яля" то"* ‘Наступили жаркие дни’; *епдя яля' ер'й* ‘знойный полдень’. Чем обусловлен выбор между лексемами *ядемб'ада* и *епдя*, пока не ясно.

Лексема *иба* в словаре [Терещенко 1965] имеет помету б.-з., однако многократно фиксируется в наших материалах. Судя по примерам, она тоже используется для указания как на тактильно воспринимаемую температуру предмета, так и на температуру среды, однако обозначает более низкую температуру по сравнению со словами *ядемб'ада* и *епдя*: *иба яля* ‘теплый день’; *иба нум* ‘теплая погода’; *иба я* ‘юг’ (букв.: теплая земля); *иба мер'чя* ‘теплый ветер’; *иба лад* ‘теплая кофта’; *иба нукас'я* ‘теплый платок’. Имеется и пример использования лексемы *иба* в переносном значении: *с'ензя иба* ‘добрый’ (букв.: нутро теплое).

Лексема *хольм'ей* (*хор'м'ей*), как и лексема *епдя*, также используется для указания и на тактильно воспринимаемую температуру предмета, и на температуру среды, при этом обозначает более низкую температуру по сравнению со словами *ядемб'ада* и *епдя*: *хольм'ей яля* ‘теплый день’; *хольм'ей сяй* ‘тёплый чай’. Чем обусловлен выбор между лексемами *иба* и *хольм'ей*, пока не ясно.

Температура ниже некоторой условной нормы повсеместно описывается в нашем материале лексемами *течьда* (с фонетическими вариантами *тедьда* и *тецьда*; последний характерен для западных говоров тундрового ненецкого языка, но оценивается информантами в Ямало-Ненецком АО как возможный) ‘холодный, холод, мороз’ и *х'анюй* ‘замороженный, мерзлый, холодный, остывший’. Лексема *течьда* представляет собой субстантивированное причастие от глагола *течьсь* / *течьсь* ‘быть холодным’ и может использоваться как для указания на тактильно воспринимаемую температуру предметов, так и на температуру среды: *течь-*

да и" ‘холодная вода’; *течьда нум* ‘холодная погода’. Лексема *х'анюй* употребляется только для обозначения тактильно воспринимаемой температуры предметов: *ханюй н'амза* ‘мороженое мясо’; *ханюй хал'я* ‘мерзлая рыба’; *И" иб'эй, ханюй ни ну"* ‘Вода талая, не замершая’ (с. Лаборовая). От информанта из с. Яроно зафиксирована лексема *яп'ада* ‘холодный’. Приводимые в словаре [Терещенко 1965: 850] примеры позволяют предположить, что это слово обозначает прежде всего температуру, воспринимаемую тактильно. В с. С'ёяха, Гыда и Антипаюта зафиксирована лексема *х'анзо* ‘прохладный, свежий’, употребляемая только для указания на температуру окружающей среды: *Пин'якуна тамна ханзон'э хал'я* ‘К ночи немного посвежело’; *ханзо мер'чя* ‘свежий ветер’; *ханзо нум* ‘прохладная погода’.

Селькупский

Температура воздуха выше некоторой средней нормы во всех северных селькупских говорах описывается формой результата *п'от-ны-жо* ‘быть теплым, быть горячим’ от глагола *п'от-жо* ‘нагреться, согреться’ с показателем 3-го л. ед. ч. *п'от-н-а* (нагреться-RESULT-3SG.SBJ) ‘жарко, тепло’. В качестве определения по отношению не только к температуре воздуха, но и к температуре воды и любых других предметов используется причастие прошедшего времени (показатель *-п'иль* / *-п'ий*) от глагола *п'от-жо* – *п'от-п'иль* (среднетазовские и туруханские говоры) / *п'от-п'ий* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры) ‘жаркий, теплый’.

Кроме того, в Красноселькупе, Часельке, Ратте, и Фаркове зафиксирована лексема *у'эчы* ‘жара’ и ее адъективная форма *у'эчы-ль* (Красноселькуп, Часелька, Фарково) / *у'эчы-й* (Ратта).

Для описания температуры ниже нормы в северных селькупских говорах представлено большее количество лексем. От глагола *занты-жо* ‘замерзнуть, подмерзнуть’ образуется причастие прошедшего времени (показатель *-п'иль* / *-п'ий*), перешедшее в разряд прилагательных и употребляемое повсеместно с фонетическим варьированием по говорам –

- К коми
- Х хантыйский
- Н ненецкий
- С селькупский

занты-пыль (среднетазовские и туруханские говоры) / *занты-пый* (верхнетазовские верхнетолькинские и туруханские говоры) ‘замерзший, подмерзший, холодный’. Это прилагательное употребляется и по отношению к предметам, и по отношению к человеку и частям тела человека.

Повсеместно употребляемое прилагательное *часы-зыль* (среднетазовские и туруханские говоры) / *часы-зый* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры) ‘холодный, морозный’ может описывать погоду, температуру жидкости или предметов. В отношении погоды употребляется наречие *часык/у* ‘холодно’.

Прилагательное *зоукыль* (Красноселькуп, Сидоровск, Часелька, Фарково) / *зоукый* (Ратта, Красноселькупская Толька, Киккиакки, Пуровская Толька, Быстринка) ‘прохладный, остывший, холодный’ также используется повсеместно. Оно описывает погоду, температуру жидкости или еды. Зафиксированы также глаголы *зоук-алты-зо* ‘остудить’ и *зоукы-мѳт-зо* ‘остыть, стать прохладным’. У последнего глагола есть и второе значение – ‘заплыть, покрыться бельмом (о глазе)’. Наконец, на фактории Быстринка зафиксировано прилагательное *лысызый* со значением ‘теплый, тепловатый, остывший (например, о супе)’.

Хантыйский

Зона горячей и жаркой температуры покрывается в хантыйском языке лексемами *каврѳм* и *рѳвѳн*.

Лексема *кавр-ѳм* представляет собой застывшую форму причастия прошедшего времени от глагола *кавр-ты* ‘кипеть’ и описывает тактильно воспринимаемые горячие объекты, см. следующие примеры из шурышкарского диалекта: *Ун или сѳрѳм лѳтѳт/лѳл анѳт сахѳт пѳнѳс, шай йѳтшѳм кемѳн, каврѳм шай, муй кев анѳт пѳсана опсѳс* ‘Старая женщина сухие пайки по тарелкам разложила, а когда чай закипел, то горячий чай и бутылки на стол поставила’; *Нѳрѳн ан пѳтѳл шѳн/к каврѳма йѳвмѳл* ‘Чашка сильно раскалилась’ (букв.: очень горячая стала).

Прилагательное *рѳв-ѳн* – производное от существительного *рѳв* ‘жара, зной; жар, пыл; воздух’,

поэтому оно используется для описания температуры окружающей среды: *Хѳтѳл муйкем пѳла элѳл, щикем рѳвѳна йил* ‘По мере того как солнце поднимается выше, становится жарче’ (шурышкарский диалект). Тактильно воспринимаемые объекты этим словом не характеризуются, ср.: *Ма ицкиѳн потсайѳм, каврѳм (*рѳвѳн) шай йиңцты лѳнхалайѳм* ‘Я замерз, хочу выпить горячего чаю’ (с. Овгорт). Интересно, что существительное *рѳв*, от которого образовано данное прилагательное, имеет более широкую семантику воздействия на органы восприятия, в некоторой степени даже энантиосемичную: помимо значения ‘жара; зной’, оно может выражать значение ‘крепость; хмель’ (например, об алкогольном напитке), а также значение ‘веяние, дуновение’ (например, о ветре).

Семантика ‘теплый’ выражается, по нашим данным, прилагательными *мелѳк*, *луңци* и *хошѳм* (в приуральском диалекте *хосѳм*).

Лексема *мелѳк* относится к теплой температуре среды: *Мелѳк пѳрайѳн йѳх камѳн верѳт/лѳт* ‘В теплую погоду мужчины обычно мастерят на улице’ (с. Овгорт). При этом данное прилагательное характеризует именно уличную температуру, но не температуру в помещении. В последнем случае используется прилагательное *хошѳм*, которое выполняет роль сказуемого как в двусоставном, так и в односоставном предложении: *Мѳн йѳлѳп хотѳв щикем хошѳм (*мелѳк)* ‘Наш новый дом такой теплый’; *Мѳн йѳлѳп хотѳвѳн щикем хошѳм (*мелѳк)* ‘В нашем новом доме так тепло’ (с. Овгорт).

Лексема *луңци* относится к зоне тактильной температуры, но применяется только к жидкостям: *Мѳнѳм луңци шай пѳна* ‘Налей мне теплого чаю’ (с. Овгорт); *Певѳлты мѳнтсѳм, йиңкѳл цци кем луңци* ‘Я пошла купаться, вода такая теплая’ (с. Овгорт); *Анѳтьѳм йѳшѳт хошѳмѳт (*луңцѳт)* ‘Маминь руки теплые’ (с. Овгорт); *Хошѳм (*луңци) хѳлѳн лѳва!* ‘Теплую рыбу ешь!’ (с. Восяхово).

Лексема *хошѳм* описывает как тактильную температуру, так и температуру среды, при этом для ее семантики важен акцент на идее согревания экспериментера (что ранее отмечалось для близкого тегин-

ского говора в [Ладыгина 2011, 2013]), ср. примеры из сынского говора: *хошэм йицк* ‘уха’ (букв.: теплая вода; в стяженном варианте *хошийцк* > *хошик*); *хошэм мус йицк* ‘теплое молоко’; *Йо́лэн хошэм* ‘Дома тепло’; *Илтта хошэм йиц* ‘Снизу идет тепло’; *Аньтем йошнэ́лэл хошэмун* ‘Мамины руки теплые’.

Интересен также следующий текстовый пример из сынского говора: *Щимэц хопэн, мәнты пбрайэн, хошэм* ‘В такой лодке, когда едешь, тепло’. Речь в контексте идет о крытой лодке, которую покрывают брезентом специально, чтобы внутри было тепло.

Прилагательное *хошэм* описывает, кроме того, теплую, согревающую человека одежду, ср.: *О́вэс мўва мәнтан йэ́лпийэн, аньтемэн хошэм сэвэм вайэн сэвлайты* ‘До того, как вы уедете на север, мать свяжет вам теплые носки’ (шурышкарский диалект).

В пределах обследованной территории наблюдаются идиомные различия в том, может ли лексема *хошэм* характеризовать уличную температуру.

В частности, сочетаемость этого слова была подробно проверена в говорах с. Овгорт и с. Восяхово. В с. Овгорт лексема *хошэм* к уличной температуре, как правило, не применяется: *Камэн тэмхятэ́л мелэк (*хошэм)* ‘На улице сегодня тепло’. В свою очередь в с. Восяхово такие употребления вполне регулярны – в первую очередь по отношению к температуре воздуха в теплое время года, ср.: *Ин хошэм, ма нык йа́ука мәнлэм лохитыты́йа* ‘Сейчас тепло, я на речку пойду искупаться’; *Мо́лхятэ́л ньа́й йа́у кем градус ицки ус, тэмхятэ́л мелэк / ?хошэм* ‘Вчера было 40 градусов мороза, сегодня тепло’.

Семантика согревания явно проявляется в словообразовательном гнезде, к которому относится прилагательное *хошэм*: *хошты* ‘обогреться’, *хошийты* ‘согреть’, *хошэмтты* ‘согреться’ и др.

Теплая, согревающая одежда может описываться также прилагательным *пўнэ́н* (от *пўн* ‘шерсть’), ср. примеры из сынского говора: *пўнэ́н молицау* ‘теплая (букв.: с шерстью) малица’, *пўнэ́н сэхпи эвийэ* ‘девочка в теплой (букв.: с шерстью) шубе’. Указание на наличие шерсти в таких предметах одежды, как малица или шуба, является, в прин-

ципе, избыточным, поэтому на первый план в таких словосочетаниях выходит именно идея тепла, поддерживаемого одеждой вследствие наличия в ее составе шерсти.

Область низких температур покрывается лексемами *йолэх*, *ицки* и *потэм*.

Прилагательное *йолэх* имеет значение ‘прохладный’, характеризуя тем самым промежуточную область между теплой и холодной температурными зонами. Согласно нашим данным, оно применяется к температуре среды и к личной температурными: *Мо́лхятэ́л йолэх ус, тэмхятэ́л рўвэу* ‘Вчера было прохладно, а сегодня жарко’ (сынский говор); *Мәнэм йолэх* ‘Мне прохладно’ (с. Овгорт). В качестве среды, характеризующей прилагательным *йолэх*, может выступать как уличное пространство (см. пример выше), так и помещение: *Музейэн йолэх, интернатэн хошэм* ‘В музее прохладно, а в интернате тепло’ (с. Овгорт); *То́нты хотэн йолэх* ‘В берестяном чуме прохладно’ (с. Овгорт). По отношению к тактильно воспринимаемым объектам эта лексема не используется, ср.: **йолэх йицк* – ожидаемое значение ‘прохладная вода’ (с. Овгорт), **йолэх шай* – ожидаемое значение ‘прохладный чай’ (с. Овгорт). Таким образом, зона тактильной температуры оказывается в хантыйском языке менее детализирована, чем зоны температуры среды и личной температуры.

Прилагательные *ицки* и *потэм* имеют значение ‘холодный’: первое из них относится к температуре среды и к личной температуре, второе – к тактильной температуре, ср. примеры: *Хотэ́лэн ицки ус* ‘В их доме было холодно’ (шурышкарский диалект); *Потэм йицкэн ки лўвэ́л рэ́ньэмэ́лэн, сора нōх верлэ́л* ‘Если холодной водой его побрызгаешь, то быстро проснется’ (сынский говор).

Коми

Прилагательное *ным* описывает высокую температуру (‘горячий’) тактильно воспринимаемых объектов (суп, сковородка, лоб и т. п.): *ным шы́д* ‘горячий суп’ (с. Мужа); *Пачыс ным, ин вёрзедлы* ‘Печка

горячая, не трогай’ (с. Самбург). Прилагательное *жар*, заимствованное из русского языка, характеризует высокую температуру среды (‘жаркий день’, ‘в доме / на улице жарко’): *Тон зэй жар луныс, да ме пукала керкаас* ‘Сегодня очень жаркий день, и я сижу дома’ (с. Мужо); *Ыллаыс жар* ‘На улице жарко’ (букв.: Улица жаркая); *Пысыянын тон зэй жар* ‘В бане сегодня очень жарко’ (с. Мужо). Эта же лексема характеризует личное температурное ощущение человека: *Ме куля курткаас, менум жар* ‘Я сниму куртку, мне жарко’ (с. Мужо).

Согласно [КСК II: 256], лексема *пым* встречается в вымском, ижемском, нижневичегодском и удорском диалектах. Лексема *жар* (см. [КСК I: 512]) используется повсеместно. По данным [КСК II: 198], более распространенной, чем лексема *пым*, в коми диалектах является лексема *пось* со значениями ‘горячий’, ‘жаркий’, ‘теплый’. В ижемском диалекте она, однако, не фиксируется, отсутствует она и в наших материалах. Насколько можно судить по данным [Лыткин (ред.) 1961: 566], в литературном коми эта лексема применима и к тактильной, и к нетактильной температуре, ср.: *пось утюг* ‘горячий утюг’; *пось нянь* ‘горячий хлеб’; *пось сёян* ‘горячая пицца’ vs. *пось пывсян* ‘жаркая баня’; *Талун зэв пось* ‘Сегодня очень жарко’; *Менум пось* ‘Мне жарко’.

Толкование ‘теплый’ в [Лыткин (ред.) 1961: 566; КСК II: 198] не позволяет исключить и возможность употребления этой лексемы по отношению к более низкому уровню температур, но приведенный в словарях иллюстративный материал не позволяет уверенно это утверждать. Видно, однако, что обследованные нами ижемские говоры отличаются как минимум от литературного коми не только составом лексем, описывающих высокую температуру, но и тем, каким образом эти лексемы покрывают базовые классы контекстов.

Прилагательные *көдьыд* ‘холодный’ и *шоньыд* ‘теплый’ описывают все перечисленные классы ситуаций (тактильно оцениваемая температура, температура среды, личное температурное ощущение). Эти лексемы, с точностью до некоторой фонетической вариативности, широко используются

в указанных значениях и в других коми диалектах [КСК I: 725; КСК II: 791].

Прилагательное *сайкыд* имеет значение ‘прохладный’ и характеризует температуру среды, а также личное температурное ощущение: *Ыллаыс сайкыд, а тэ көмтэг ветлала* ‘На улице прохладно, а ты босяком ходишь’ (с. Мужо); *Керкаын оторни сайкыд, и ме кымма* ‘Дома все время прохладно, и я мерзну постоянно’ (с. Мужо); *Ошынсэ сипты, менум сайкыд* ‘Закрой окно, мне прохладно’ (с. Мужо). Для описания тактильной температуры прилагательное *сайкыд* не используется. По данным [КСК II: 333], эта лексема распространена в вымском, ижемском, нижневичегодском, печорском и удорском диалектах. Прилагательное *ыркыд* ‘прохладный’, употребляемое в коми диалектах, включая присыктивкарский, несколько более широко [КСК II: 840], в наших материалах отсутствует.

У прилагательных температуры в обследованных говорах практически не развиваются переносные употребления, зафиксированы лишь единичные примеры такого рода: *Сылэн көдьыд сьёлэм* – букв. ‘У него холодное сердце’ (о равнодушном человеке; с. Мужо).

Обобщение данных

Уральские языки Ямало-Ненецкого АО характеризуются богатыми системами температурных лексем. Основные параметры их противопоставления отвечают типологическим предсказаниям, сделанным в [Кортжевская-Тамм (ed.) 2015]. В целом несколько более дробная категоризация наблюдается в зоне температуры среды (по сравнению с тактильной температурой), что также ожидается типологически.

В качестве любопытных особенностей систем обследованных нами языков можно отметить очень дробную категоризацию наименований холодной температуры в селькупском языке наряду с наличием общего термина для выражения семантики ‘теплый; горячий’. До определенной степени такое устройство системы может быть мотивировано климатическими особенностями, в которых проживают носители язы-

ка, но важно, что климатический фактор не определяет устройство системы автоматически, ср. хотя бы более дробную категоризацию зоны высокой температуры в других языках ареала. Еще одной интерес-

ной особенностью является наличие в хантыйском языке лексемы со значением 'теплый', употребление которой предполагает акцент на функции согревания и соответствующем ощущении экспериенцера.

ШЕРШАВЫЙ

Типологически, согласно [Кашкин 2013], семантическим прототипом лексем со значением 'шершавый' оказываются поверхности, на которых имеются твердые, регулярно расположенные небольшие неровности (ср., например, точильный брусок или язык кошки). Широта употребления такого слова от языка к языку может варьировать в довольно широких пределах. Например, оно может описывать (либо не описывать) поверхности с мягкими неровностями, как небритые щеки, может расширяться (или не расширяться) на одновременную характеристику жесткой структуры всего объекта и негладкости его поверхности, как в случае грубой ткани или веревки. Такие вопросы составляют один из аспектов нашего рассмотрения слов с семантикой 'шершавый'. Другой аспект касается словообразовательной мотивированности данных лексем, поскольку в целом для лексем, описывающих неровные поверхности, часто характерно отыменное происхождение, ср. рус. *бугристый*, *кочковатый*, *холмистый*, *морщинистый* и пр.

Ненецкий

Значение 'шершавый' повсеместно выражается словом *насортйна*, представляющим собой континуативное причастие от глагола *насорчь / насорць* 'стать шероховатым, бугристым': *насортйна ня* 'шершавое дерево'. Как вариант, может использоваться форма *насортэй* (перфектное причастие от глагола *насорць*). Лексико-семантических различий между указанными формами в наших материалах не выявлено. Словообразовательно все они, очевидно, связаны с существительным *насор"* 'шероховатость, шершавость, неровность; что-либо мешающее'.

Семантически формы глагола *насорць* могут описывать поверхности с регулярно расположенными твердыми, тактильно воспринимаемыми неровностями (например, необработанную доску, высушенный ягель, язык кошки). Они же характеризуют поверхности с мягкими неровностями (например, плохо выбритые щеки) и грубую ткань. Интересно также использование данной лексемы для описания ощущений, возникающих у человека при контакте с тактильно воспринимаемыми объектами небольшого размера – когда человеку попала соринка в глаз, камешек в ботинок или волосы за воротник в процессе стрижки, ср. следующий пример из с. Белоярск:

Сэв-ми' *сэв-хэна-ни'* *насорта*
глаз-POSS.1SG.SG глаз-LOC-POSS.1SG.SG быть.шершавым:3SG
'Мне в глаз что-то попало' (букв.: В моем глазу шершаво).

Селькупский

Значение 'шершавый' повсеместно передается одной лексемой с фонетическими вариантами по говорам: *кърсаль* (среднетазовские и туруханские говоры) / *кърсай* (верхнетазовские и верхнетолькинские говоры). Корень этого слова по своему происхождению изобразителен.

Хантыйский

В хантыйском языке шершавые поверхности описываются прилагательным *карэу*, образованным путем добавления суффикса прилагательного к существительному *кар* 'кора, корка, короста, скорлупа'. Для носителей языка такая словообразователь-

ная связь является достаточно прозрачной, поэтому прилагательное *карэу* применяется в первую очередь к тем объектам, на поверхности которых есть какая-либо корка либо отчетливо похожее на нее покрытие: *Нянь карэуа йис* ‘Хлеб корочкой покрылся’ (с. Белоярск); *Йошлэн хул вайэн нэралэн, карэуа йиты титсэт* ‘Руки [при аллергии] рыбьим жиром потрите, корочкой покрываться стали’ (с. Шурышкары). Некоторые употребления этого прилагательного, вместе с тем, теряют связь с его словообразовательной структурой и описывают просто объекты с твердыми регулярными неровностями: кожу рук в результате воздействия мороза; загрубевшую кожу лица; язык кошки, коровы, оленя; рогожу; точильный брусок: *Ма кйтэм ма йошлам ньлүйдэл, ньлмэл щикэм карэу* ‘Моя кошка мне руки лижет, ее язык такой шершавый’ (с. Мужы). Однако носители обычно не допускают употребления слова *карэу* по отношению к занозистой шершавой доске, понимая соответствующий контекст как ‘доска с неснятой корой’. Кроме того, эта лексема предполагает наличие на поверхности достаточно твердых неровностей и не употребляется для описания таких объектов, как небритые щеки, грубая ткань или колючее шерстяное одеяло.

Коми

Значение ‘шершавый’ выражается прилагательными *созора* и *созорэсь* (каких-либо смысловых различий между ними выявить не удалось). Вероятнее всего, они образованы с помощью двух разных атрибутивизаторов от существительного *созор*, имеющего в ижемском диалекте, по данным [КСК II: 400], значения ‘рубец’, ‘морщина’. При этом в наших полевых материалах данное суще-

ствительное не встречается. Приводимое в [КСК II: 342] прилагательное *сарога* ‘шершавый, шероховатый, заскорузлый, загрубелый’, встречающееся в т. ч. в присыктывкарском диалекте, опрошенным нами носителям незнакомо.

Данные прилагательные описывают в первую очередь объекты достаточно стабильной формы, на поверхности которых имеются регулярно расположенные твердые неровности, ср. *созора / созорэсь кыы* ‘шершавый язык’ (у кошки, коровы, оленя), *созора / созорэсь кырсь* ‘шершавая кора’. Они не описывают объектов с нерегулярно расположенными неровностями (так, о доске с отдельными шероховатостями говорят *абу мольыд* ‘негладкая’), грубую ткань и веревку (по отношению к ним используется прилагательное *чорыд* ‘твердый’), а также объектов с относительно мягкими неровностями (например, о небритых щеках можно сказать *банбёкыс еналэ* ‘щеки колются’, о колючем шерстяном одеяле – *курччасе* ‘кусается’).

Обобщение данных

Лексемы с семантикой ‘шершавый’ в обследованных языках являются исходно отыменными, но происходят от существительных с нетождественной семантикой: в ненецком языке – от обозначения неровности, чего-либо мешающего, в хантыйском – от наименования коры дерева или корки, в коми-зырянском – от слова с семантикой ‘рубец, морщина’. Степень сочетаемостного отрыва данных лексем от мотивирующих имен в разных языках разная: более значительная в ненецком и менее значительная в коми, тогда как хантыйское прилагательное довольно жестко связано для носителей языка с исходным именем.

СКОЛЬЗКИЙ

Признак ‘скользящий’¹ включается в более широкую семантическую зону отсутствия неровностей на поверхности объекта, куда также входят контексты ровных поверхностей (качество которых оценивается зрительно, как поле или тундра) и гладких поверхностей (фактура которых оценивается на ощупь, как в случае выструганной доски). Лексемы с семантикой ‘скользящий’ предполагают высокую степень гладкости поверхности, приводящую или к тому, что на этой поверхности трудно удержаться (ср. дорога, пол, деревянные мостки, полка в бане и др. опорные поверхности, скользкие, например, из-за наличия льда или влаги), или к тому, что соответствующий предмет трудно удержать в руках (ср. покрытые влагой рыба, кусок мыла, черенок лопаты и т. п.). По данным [Кашкин 2013], в языках мира регулярно противопоставляются лексически именно два указанных типа скользких поверхностей. Промежуточным контекстом между ними является скользкая подошва обуви, которая, как правило, категоризируется либо тем же лексическим средством, что и опорная поверхность, либо так же, как поверхность выскальзывающих предметов. Среди более частных типов важной для дальнейшего обсуждения является скользкая опорная поверхность, покрытая льдом (дорога после заморозков), которая может характеризоваться специализированной лексемой. Кроме того, в некоторых языках лексемы с семантикой ‘скользящий’ могут описывать также гладкие поверхности (см., например, данные китайского языка в [Холкина 2014: 170–171]).

Помимо базовых лексем, выражающих значение ‘скользящий’, данное семантическое поле содержит много периферийных лексем, характеризующих поверхность с точки зрения наличия на ней постоянного вещества. Как правило, этим веществом выступает слизь: в хантыйском *ньдхлэу* ‘скользящий’

(покрытый слизью – о рыбе; верхним раскисшим слоем – о глинистой дороге; также о мыле, долго пролежавшем в воде; ср. казымск. *ньбухэл* ‘слизь’); в коми-зырянском *нюлег* ‘осклизлый (например, о рыбе, мыле, стенках бочки)’, в селькупском *някылай* ‘скользящий и влажный, слизистый’. Ср. в русском языке *ослизлый* / *осклизлый*. Мы не рассматриваем все такие лексемы подробно, но учитываем их при составлении карт в тех случаях, когда они выступают основным средством описания какого-либо из типов скользких поверхностей.

Иногда информанты дифференцируют типы скользких поверхностей еще более подробно в зависимости от типа вещества, находящегося на поверхности, ср. хантыйские лексемы *йэуки* (Шурышкары, Мужы, Азовы, Овгорт) / *йууки* (Катравож) ‘обледенелый’ от *йэук* / *йуук* ‘лед’, *йиуки* ‘мокрый’ (и поэтому часто скользкий) от *йиук* ‘вода’, *ньаврау* ‘скользящий от пены’ от *ньавар* ‘пена’. Рассмотрение подобных примеров, несомненно, представляет интерес в свете того, в каких случаях лексемы из смежных полей в первую очередь используются для описания скользких поверхностей (ср. здесь также [Павлова 2014] об анализе подобного типа явлений для признакового поля ‘мягкий’ – ‘твердый’). Однако в данной статье мы не останавливаемся на указанных примерах.

В рамках исследования уральских языков Ямало-Ненецкого АО нами рассмотрены следующие лексемы:

– коми-зырянский язык: *вольк* ‘скользящий’ (опорная поверхность, подошва), *вольсьёоны* ‘скользить’ (подошва, выскальзывающие предметы) – единообразно в говорах сс. Мужы, Шурышкары, Восяхово, Белоярск, Самбург. В сс. Белоярск и Овгорт зафиксирован также фонетический вариант *вольх* (в Овгорте он является основным). В с. Самбург, помимо варианта *вольк*, отмечены варианты *вольс* и *вольск*;

– хантыйский язык: говор с. Шурышкары, Азовы – *вёльэк* ‘скользящий (все типы), гладкий’,

¹ Здесь и далее при описании признака ‘скользящий’ подразумеваются прямые употребления соответствующих лексем (ср. рус. *скользящая дорога*, *скользящее мыло*) и не рассматриваются их метафоры (ср. рус. *скользящий тип*, *скользящий вопрос*).

вõлькэмтты ‘выскользнуть’ (выскальзывающие предметы); говор с. Овгорт – *вõльэк* ‘скользкий’ (все типы), *вõлькэмтты* ‘выскользнуть’ (выскальзывающие предметы); *вõццжэмтты* ‘выскользнуть’ (выскальзывающие предметы – рыба), *нõхжэмтты* ‘выскользнуть’ (выскальзывающие предметы – покрытая слизью рыба, мыло), *хåtтльийты* ‘скользить’ (о подошве); говор с. Мужи – *вõльэк* ‘скользкий’ (опорная поверхность, подошва), *вõлькэмтты* ‘выскользнуть’ (выскальзывающие предметы); говор с. Белоярск – *нõсты* ‘скользить’ (все типы), *вõльэк* ‘скользкий’ (опорная поверхность, покрытая льдом); говор с. Катравож – *вõльэк* ‘скользкий’ (опорная поверхность, в том числе обледенелая и покрытая водой, слизью, верхним раскисшим слоем), *нõсты* ‘скользить’ (о подошве)²;

– ненецкий язык: говор с. Белоярск – *нõсõдõрць* ‘скользить’ (все типы), *салт* ‘скользкий’ (опорная поверхность, покрытая льдом)³; говор с. Яр-Сале – *нõсõдõрць* ‘скользить’ (все типы), *салт* ‘скользкий’ (опорная поверхность); говор с. Антипаюта – *нõсõдõрць* ‘скользить’ (все типы), *салт* ‘скользкий’ (опорная поверхность), *нõлпõдõсь* ‘выскальзывать из рук’, *хõңгõдõсь* / *хõңгõдõрць* ‘соскользнуть, скользить’ (например, о подошве, о ребенке, соскальзывающем со стула, о покотившейся по склону нарте);

– селькупский язык: говоры Красноселькуп, Сидоровска и Часельки *выляль* / *вытылалъ* ‘скользкий (опорная поверхность, подошва, некоторые выскальзывающие предметы), гладкий’, *вытыл-мõт-жõ* ‘поскользнуться; выскользнуть’;

² По говору с. Катравож в нашем распоряжении есть заполненные с носителями анкеты, в которых они употребили глагол *нõсты* только применительно к подошве, а в других случаях сами использовали другие слова, но нет эксплицитных суждений информантов о том, допустим ли глагол *нõсты* для других типов скользких поверхностей. По этой причине, в т. ч. в сопоставлении с данными по близкому говору с. Белоярск, нельзя полностью исключать более широкой сферы употребления глагола *нõсты* и в говоре с. Катравож.

³ По частеречной принадлежности лексема *салт* является именем существительным со значением ‘гладь, гладкая поверхность льда’, см. также [Терещенко 1965: 525]. Однако эта лексема может использоваться в атрибутивной конструкции в функции определения, описывая в этом случае скользкий характер поверхности, поэтому мы включаем лексему *салт* в наш анализ.

улыль ‘слизистый, скользкий (например, о рыбе)’, *люньчыль* ‘слизистый, липкий (о рыбе)’; говор с. Фарково (Туруханский район) – *мыляль* / *мытылалъ*, говор с. Толька (Красноселькупский район – далее Толька КС) – *мыяй* / *мытылай* (с той же семантикой, что и *выляль* / *вытылалъ*); *мытыл-мõт-жõ* (с той же семантикой, что и *вытыл-мõт-жõ*, *няукылай* ‘скользкий и влажный, слизистый’); говор с. Толька (Пуровский район – далее Толька Пур) – *мытылай*; говор с. Рагта – *мытылай*, *мытылмõтжõ*, *няукылай* (с той же семантикой, что и соответствующие лексемы в с. Толька Красноселькупская).

Визуализация этих данных может быть произведена на четырех различных картах диалектологического атласа.

На первую карту нанесены лексемы, обозначающие понятие ‘скользкий’ (в контексте скользкой опорной поверхности), что позволяет продемонстрировать ареальное распространение различных фонетических вариантов его обозначения. На данной карте, в частности, заметно материальное сходство коми-зырянского *вольк* и хантыйского *вõльэк*: в данном случае оно объясняется их происхождением из общего прафинно-угорского корня [Rédei 1988: с. 564]. Кроме того, распространение этих прилагательных в коми-зырянском и хантыйском языках не ограничивается ареалом Ямало-Ненецкого АО: лексема *вольк* фиксируется в коми-зырянских говорах европейской территории России, не контактирующих с хантыйским языком [ССКЗД 1961: с. 58], а в хантыйском языке фонетические варианты лексемы *вõльэк* отмечены в восточных говорах, не контактирующих с коми-зырянским языком [DEWOS: 1592]. Для селькупского языка на карте наглядно видны регулярные фонетические соответствия: *в* в говорах Красноселькупа, Сидоровска и Часельки соответствует *м* в говорах сс. Толька КС, Толька Пур, Рагта, Фарково; *ль* в говорах Красноселькупа, Сидоровска, Часельки и Фаркова соответствует *й* в говорах сс. Толька КС, Толька Пур, Рагта.

Вторая карта посвящена типу грамматической конструкции, используемой для описания ситуации,

когда скользкий предмет выскальзывает из рук. В некоторых идиомах на эту ситуацию распространяется общая стратегия категоризации скользких поверхностей и используется прилагательное со значением 'скользкий'. Часто, однако, в ситуации выскальзывания применяются только глагольные лексемы, как в рассмотренных коми-зырянских (глагол *вольсьёоны*) и ненецких (глагол *нэсэдэриць*, в с. Антипаюта также *нэлтэдэсь*) говорах, в хантыйских говорах сс. Мужи и Белоярск. В селькупском языке в этих случаях применимы глаголы *вытымлэтьо* / *мытымлэтьо*, но одновременно используются и некоторые прилагательные, о чем будет подробнее сказано далее.

Оставшиеся две карты отражают семантические особенности устройства зоны скользких поверхностей.

Обследованные говоры языков Ямало-Ненецкого АО различаются по наличию vs. отсутствию доминантной лексемы 'скользкий', описывающей все типы скользких поверхностей. Такая лексема есть во всех рассмотренных ненецких говорах (*нэсэдэриць*), в хантыйских говорах сс. Азовы, Шурышкары, Овгорт (*вёлэк*) и Белоярск (*нэсты*), и она не зарегистрирована в хантыйском говоре сс. Мужи, Катравож, а также во всех рассмотренных коми-зырянских говорах. В селькупском языке доминантной лексемы 'скользкий' также нет, однако в целом распределение этого признака устроено более сложно. В говорах сс. Толька КС и Рагта зафиксировано прилагательное *няукылай*, применяющееся к объектам, скользким из-за наличия слизи или иного вещества подобной консистенции (*няукылай бэлы* 'скользящая рыба', *няукылай боны* 'скользящая кора'), лексемы с аналогичной семантикой – *улыль* 'слизистый, скользкий (например, о рыбе)', *люньчыль* 'слизистый, липкий (о рыбе)' – отмечены и для говора с. Красноселькуп. Другие прилагательные со значением 'скользкий' – *мылай* и *мытылай* – не применяются к таким объектам, но могут описывать выскальзывающие предметы, не покрытые такого типа веществом, например мокрую деревяшку.

В говорах хантыйского языка наличие / отсутствие доминантной лексемы представлено нерав-

номерно. В сс. Азовы, Шурышкары и Овгорт доминантной лексемой является прилагательное *вёлэк*, которое в зоне «выскальзывающие предметы» может конкурировать с глаголом *вёлэкмтты* 'выскользнуть' (достоверно зафиксировано для говоров сс. Шурышкары и Овгорт, есть основание предположить наличие такого глагола и в других говорах, для которых специального обследования пока проведено не было). В с. Белоярск доминантной является другая лексема – глагол *нэсты*. В остальных поселках зоны функционирования доминантных для других говоров лексем распределяются по-разному: в с. Мужи прилагательное *вёлэк* обозначает свойства опорной и соприкасающейся поверхностей (включая подошву), в с. Катравож – свойства опорной поверхности и поверхности выскальзывающих предметов. Весьма вероятно, что такое разнообразие полученных данных связано с недостаточно детализированным опросом информантов. После уточнения некоторых параметров картина может несколько измениться.

В некоторых языках встречается отдельная лексема со значением 'скользкий', применяемая только к покрытой льдом опорной поверхности. В наших материалах такая лексема отмечена в говорах хантыйского и ненецкого языков с. Белоярск – *вёлэк* и *салт*" соответственно. В ненецких говорах сс. Яр-Сале и Антипаюта зафиксированы примеры употребления лексемы *салт*" по отношению к скользкой опорной поверхности, не покрытой льдом. Однако степень распространения такого употребления в ненецком языке нуждается в дополнительной проверке: так, один носитель говора с. Яр-Сале связал лексему *салт*" именно с заледенелой поверхностью; кроме того, в нашем распоряжении имеются аналогичные суждения информантов родом из с. Гыда и из Тамбейской тундры.

Описанное сужение семантики хантыйского *вёлэк* в говоре с. Белоярск может быть калькой с ненецкого языка, учитывая, что для ненецкого *салт*" прототипическим контекстом выступает именно заледенелая поверхность, а в других хантыйских говорах, не имеющих столь тесных контактов с ненецким языком, сфера функционирования прилагательного *вёлэк* существенно шире.

Способы описания ситуации,
в которой скользкий предмет
выскальзывает из рук

Ямало-Ненецкий
автономный округ

Наличие специальной лексики с семантикой 'скользящий' (о покрытой льдом опорной поверхности)

Ямало-Ненецкий автономный округ

Наличие доминантной лексемы
с семантикой 'скользящий'

Ямало-Ненецкий
автономный округ

К коми
Х хантыйский
Н ненецкий
С селькупский

▼ наличие доминантной лексемы
▽ отсутствие доминантной лексемы

КРАСИВЫЙ

Ненецкий

В тундровом ненецком языке имеется несколько лексем для выражения признака ‘красивый’, при этом красота человека и красота предмета описываются по-разному.

В случае, когда речь идет о красивом человеке, в предикативной функции повсеместно используется глагол *сядоць* ‘1) быть красивым, иметь красивое лицо; 2) быть обращенным куда-либо лицом’, образованный от существительного *ся* ‘лицо’: *Таня нядябата Тысья’ нюдя ню сядм’ сядо”мы* ‘Так вот видно, младший сын Тысья очень красивый’ (с. Яроно); *Тадхав толь’ ядхана Няхар”-Не намдэ-вы, нули” сядо”, нули” илебей не”* ‘Вот рядом за столом Три-Женщины сидят, очень красивые, очень молодые женщины’ [Пушкарева, Хомич 2001: 128; зап. в 1979 г. в Гыде]; *Пудана нер, – маним”, – пыда неда уэдакые, няхаюта няд сядомы* ‘Последняя женщина, – сказали, – его женщина, видно, других сестер красивее’ [Пушкарева, Хомич 2001: 134; зап. в 1987 г. в Ныде].

В атрибутивной функции на большей части обследованной территории при описании красоты человека используется адъективировавшееся причастие от глагола *сядоць* – *сядота* (фонетический вариант *сядотэ*; с. Яроно) ‘красивый’: *Недясядота не уэдакы* ‘Жена у него, наверное, красивая’ [Янгасова 2001: 17; ямальский говор]; *Интернат мяня-на / Хуркари таяна-на / Сядота таяна-на* ‘В интернате-нга / Разные-нга / Красивые девушки есть-нга’ [Пушкарева, Хомич 2001: 390; зап. в 1987 г. в Ныде]. В с. Нори от информантов нами была записана лексема *сядоуэ*, которая тоже употребляется в атрибутивной функции, когда речь идет о красоте человека. Можно предположить, что это слово представляет собой результат стяжения конструкции «глагол *сядоць* + деепричастие от бытийного глагола *уэ*- ‘быть’», буквально означающая ‘с красивым лицом будучи’. Значение ‘красивый’, в случае, когда речь идет о человеке, может быть

выражено и описательно, при помощи словосочетания *сава ся*” (букв.: хорошее лицо): *Сава сядаданда таси сырада хэвананараха* ‘От его красивого лица снег внизу как будто кровью окрашен’ (с. Яроно).

Кроме того, в тундровом ненецком языке имеются фразеологизмы, повсеместно используемые для описания женской красоты: *тю”уй сюрнам’ ян’ ха”мола* (фонетический вариант *хамола*) ‘солнце (букв.: верхнее кружащееся) на землю спускает’; *тю”уй сюрням’ ядэла* ‘солнце на землю уводит’; *Сякваннанда тю”уй сюрням’ ян’ хамола* ‘Женщина очень красива’ (букв.: лицом верхнее кружащееся на землю спускает) [Вануйто и др. 2010: 335], записано в с. Антипаюта.

Для описания красоты человеческого лица важным оказывается также признак ‘румяный’ как указание на молодость и хорошее здоровье. Поэтому красота женского или мужского лица часто описывается при помощи метафорического сравнения, указывающего на наличие румянца: *Ян’ ха”амнари вэарида ягу* ‘Она красивая’ (букв.: на землю падающей крови только нет; с. Яр-Сале); *Сякваннанда нохо’ сяд хэв” хэвананараха”* ‘Лицом-то он очень красив’ (букв.: на лице-то у него песцовая опушка шапки как будто кровью обмазана) [Янгасова 2001: 68], ямальский говор.

Значение ‘красота’ выражается описательно, при помощи словосочетания *сава мирбя* (букв.: хороший внешний облик). В имеющемся у нас материале оно используется только применительно к человеку: *Тикы, уодям’ намы няда, сава мирбян’ ха”амы”* ‘Та, съев красную ягоду, стала красавицей’ (букв.: в хороший внешний облик упала); *Параюода’ не ню сядота нямда манэкава Вано саван’ сюрбы”*. *Сава мирбян’ ха”амаван’ нани’ харбилы”* ‘Дочь царя, увидев красивую женщину, побежала к Вану Сава. И она захотела стать красавицей’ (букв.: упасть в хороший внешний облик) [Янгасова 2001: 32], ямальский говор.

Признак ‘некрасивый, уродливый’ по отношению к человеку обычно выражается при помощи

словосочетания *сята вэва* (букв.: лицо его / ее плохое): *Сята выли вэвакоя* ‘Он очень некрасивый’ (Гыда). От информанта в с. Сёяха было также зафиксировано прилагательное *сяцйда*, образованное путем присоединения к основе *ся* ‘лицо’ аффикса необладания *-сяда / -цйда*: *сяцйда хасава* ‘некрасивый (букв.: без лица) мужчина’.

Если речь идет об уродстве как следствии какого-либо физического недостатка, увечья, повсеместно используется лексема *варючи* с фонетическими вариантами *варюти* (с. Нори) и *варюци* (с. Сёяха).

Для обозначения красоты предмета, может использоваться прилагательное *паской* ‘красивый’: *Паскойха" убадами сэд"* ‘Сшей мне красивые рукавички’ [Янгасова 2001: 128], ямальский говор. Возможно, данное слово представляет собой заимствование рус. диал. *баский* ‘красивый, хороший’.

В опубликованных текстах на надымском говоре встречается лексема *сомбой* ‘красивый, хорошенький’. В словаре [Терещенко 1965] это слово приводится с пометой *ям.*, а в западных говорах тундрового ненецкого ему соответствует *сйамбой*. Во всех имеющихся у нас примерах эта лексема используется только при описании предметов: *Нена" сомбой хыдя нэвы!* ‘Эта чашка такая красивая!’ [Пушкарева 2003: 172; зап. в 1987 г. в Ныде]; *Тюкоме хантер нэда якакотя' яханта яёлоку таминду нади' хадрю сомбой и"!* ‘Что за речка, все дно ее видно, какая красивая вода!’ [Пушкарева, Хомич 2001: 92; зап. в 1980 г. в Верхней Хадыте].

При описании красоты вещи, особенно одежды, важную роль играет признак ‘наличие узора’. Красивая одежда всегда с узором: *мадавы* ‘резной, расшитый узорами’: *Варэй мадавэни-нэй / Няби явыкана-нэй / Тетэйм' ёңотами-нэй / Таняна падарме-нэй* ‘В моей расшитой ягушке-нэй / В кармане-нэй / Четырехугольный-нэй / Лежит мандат-нэй’ [Пушкарева, Хомич 2001: 382, 383].

Признак ‘некрасивый’ по отношению к предмету повсеместно обозначается лексемой *вэва* ‘плохой’.

Лексемы, используемые для описания красоты животного, в нашем материале практически не встречаются. Исключением является слово *мывуте* и его вариант *мывутэй* ‘красивый, стройный и высокий’, употребленное несколько раз в тексте, записанном от носителя тазовского говора. По свидетельству информантов, так можно сказать о предмете или о животном, прежде всего об олене, но не о человеке, ср.: *Саць мывуте луци" паряраха"* ‘[Олени] очень красивые и длинноногие, похожи на русские амбары’; *Тет туиркада, нобтики вада, саць мывутэй луци" паряраха"* ‘Ее четыре серых [оленя] – то же самое: высоки, красивы, как русские амбары’ [Вануйто и др. 2010: 301].

Селькупский

Лексический арсенал для описания красоты в говорах северных селькупов невелик. Прежде всего, это прилагательное *сома* ‘хороший’, которое может обозначать также ‘добрый’ и ‘красивый’. Соответственно, словосочетание *сома нэтак* может описывать как духовные, так и физические качества девушки и переводиться, как ‘хорошая девушка’, ‘добрая девушка’ или ‘красивая девушка’. Прилагательное *сома* имеет довольно широкую сочетаемость, причем в некоторых контекстах может приобретать специфические значения, с красотой практически не связанные. Так, в селькупских фольклорных текстах словосочетание *сома зуп* (*зуп* ‘человек’) означает не ‘хороший человек’ или ‘красивый человек’, а ‘богатый и / или знатный человек’. Подробно о значениях и сочетаемости лексемы *сома* см. [Казакевич 2004а].

Кроме того, в селькупском языке есть прилагательное *курассымыль* со значением ‘красивый’. Эта форма образована с помощью селькупского суффикса обладания *-сымыль* от существительного *курас* ‘образ, вид, внешность’, которое является заимствованием из ваховского диалекта хантыйского языка (хант. вах. *қорас* ‘образ, вид, внешность’). *Курассымыль* буквально означает ‘имеющий образ’. Вот пример из текста на говоре Турухана (Фарко-

во), записанный Г. Н. Прокофьевым еще в 1925 г.: *Тысия, курасымыль неньнял эй кун ёмта?* ‘Тысия, красивая сестра твоя где сидит?’ Соответственно, ‘некрасивый’ по-селькупски будет *кураскытыль* (с каритивным суффиксом *-кытыль*) ‘не имеющий вида, внешности или образа’ (ср. русское *безобразный*). В говоре Ратты известно еще одно слово со значением ‘красивый’ с аналогичной внутренней формой: *џоаксымый* (*џоак* ‘образ’ + *-сымый* ‘имеющий’). Итак, красота рассматривается как наличие образа, вида, внешности.

Наконец, для описания красоты, но уже не людей, а вещей, помимо прилагательного *сома*, используется еще одно прилагательное *накырыль* ‘узорчатый’ (адъективная форма существительного *накыр* ‘узор’). Узорчатый – это всегда красивый. Узорчатым может быть кисет, рукоятка ножа и, конечно, любая одежда и обувь. Иногда эти два прилагательных могут дополнять друг друга: *сома накырыль порџы* ‘красивая узорчатая парка’ (с. Фарково).

Интересно, что в имеющихся в нашем распоряжении фольклорных текстах на северных селькупских говорах прилагательные со значением ‘красивый’ встречаются очень редко, и вряд ли это можно рассматривать как случайность: красота, являющаяся столь важной характеристикой героев (особенно женщин) в европейском или тюркском фольклоре (например, положительные героини русских сказок, если они не старухи, то непременно писанные красавицы), в селькупском фольклоре занимает периферийное положение. Гораздо важнее оказывается проворство, мастерство, гостеприимство, учтивость. Эпизоды, в которых специально отмечается красота персонажей, можно пересчитать по пальцам. Чтобы отметить особую красоту героев, употребляется фразеологизм *миты ўтџыны џомпышџо* (букв.: словно из воды вынырнуть, т. е. быть красивым): *Нильчык џумытџо эссия, миты ўтџыны џомпышна* ‘Таким человеком стал, будто из воды вынырнул’ (т. е. стал таким красивым; с. Красноселькуп; см. также [Казакевич 2004б]).

Значение ‘красивый’ выражается в хантыйском языке прилагательными *хёрам-эң* (> *хёрам* ‘украшение, узор; красота’ + суффикс прилагательного *-эң*) и *хёрас-эң* (> *хёрас* ‘внешность, облик, вид; красота’ + суффикс прилагательного *-эң*), которые восходят к общему корню *хёр* ‘образ, облик; внешность, вид’. Отсутствие красоты, некрасивый внешний вид обозначаются однокоренным словом с суффиксом необладания *-ды* – *хёрас-ды* ‘не имеющий вида; некрасивый’.

Лексемы *хёрам* и *хёрамэң* являются наиболее общим способом выражения семантики ‘красивый’, свободно сочетаясь с наименованиями людей, животных, неодушевленных предметов, ср. примеры из говора с. Овгорт: *хёрам / хёрамэң эви* ‘красивая девушка’, *хёрам / хёрамэң ими* ‘красивая женщина’, *хёрам / хёрамэң пёх* ‘красивый парень’, *хёрам / хёрамэң амп* ‘красивая собака’, *хёрам / хёрамэң сәх* ‘красивая ягушка’, *хёрам / хёрамэң хот* ‘красивый дом’, *хёрам / хёрамэң лыптэт* ‘красивые цветы’, например: сынск. *Хёрамэң сәхэң нэңэт* ‘Женщины в красивых ягушках’; *Ўдэм хёрамэң сапэдэн йонттлэм* ‘Оленю своему красивый ошейник сошью’; *Хёрамэң йёрнасэн ищи кёрмийэнэн сонъэдтмен* ‘Красивое платье ты так быстро загрязнила’; *Пәщар опса, лыптэдл хёрамэңэт* ‘Рябину посади, листья красивые’; *Щимэц хёрам* ‘Такой красивый’ (высказывание относится к человеку).

Лексема *хёрасэң*, в свою очередь, используется преимущественно для описания внешности людей: шур. *Дүв дөваталэн хёрасэң хёйат* ‘Он очень красивый человек’. Ср. также примеры, полученные от информантов, проживающих в с. Овгорт: *хёрасэң эви* ‘красивая девушка’, *хёрасэң нэ* ‘красивая женщина’, *хёрасэң пёх* ‘красивый парень’. Лексема *хёрасэң* акцентирует в этих сочетаниях красоту самого человека (например, по отношению к девушке с красивым лицом), тогда как лексема *хёрамэң* может, по оценкам носителей, обозначать приобретенные признаки (например, *хёрамэң эви*

можно сказать о красиво одетой девушке). Однако имеются примеры из того же поселка, полученные спонтанно от компетентных информантов, где слово *хӧрасэң* относится к описанию нарты: *Ий ухэл хӧты ньаӧрдэмад, катра аӧ кӧш хӧрасэң ус* 'Одна нарта как искривилась, раньше, наверное, красивой была'.

В атрибутивной функции слово *хӧрам* может характеризовать также и выразительную речь: *хӧрам йасӧт* 'красивые слова', так же как прилагательное *хӧрасэң* в значении 'образный, выразительный': *хӧрасэң пӧтэр* 'образная речь'.

Реже для описания красоты используется прилагательное *вант-эпсай-эң* 'красивый', образованное от имени действия *вант-эпсы*, которое, в свою очередь, образовалось от глагола *вант-ты* 'смотреть, глядеть, видеть': сынск. *Сӧхен, эвийэ, туса йӧнтмен, вантэпсайэң* 'Шубу, доченька, мастерски пошила, красивая'. Это прилагательное передает тот же образ, связанный с внешним видом, «наличие» которого оценивается как признак красоты.

Как и в других языках, образное описание красоты связано с указанием на «наличие» лица, например: сынск. *сэв-эң нэ, вени-эң нэ* 'красивая женщина' (букв.: с косой женщина, с лицом женщина; коса-ADJ женщина, лицо-ADJ женщина).

Коми

В рассмотренных коми-зырянских говорах значение 'красивый' выражается прилагательным *мича* (встречается также прилагательное *лӧсьыд* 'приятный, подходящий, удобный, красивый', однако его семантика и сочетаемость требуют дальнейшего исследования). Прилагательное *мича* сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными именами, см. примеры из говора с. Мужи: *мича ныы* 'кра-

сивая девушка', *мича керка* 'красивый дом', *мича, гажса улица* 'красивая, веселая улица'. В других коми диалектах, по данным [КСК I: 921], это прилагательное тоже широко употребительно. В наших говорах фиксируется и отмеченное в диалектном словаре употребление прилагательного *мича* по отношению к хорошей погоде: *Тон ыллаыс шондыа, яснэй, мича луныс* 'Сегодня на улице солнечно, ясный, погожий день' (с. Овгорт).

Обобщение данных

Для самодийских языков исследуемого ареала в целом типично противопоставление средств для описания красоты человека и красоты предметов, тогда как в финно-угорских языках отчетливое противопоставление одушевленности / неодушевленности при выражении этого признака стерто: одни и те же слова в равной мере употребляются по отношению и к людям, и к материальным предметам. В пределах ареала обнаруживаются различия по внутренней форме лексемы с семантикой 'красивый': встречаются как непрямые лексемы с такой семантикой (коми-зырянский, селькупский), так и образования от существительных, таких как 'лицо', 'внешность' (ненецкий, селькупский, хантыйский). Зафиксирована и полисемия лексем поля: так, селькупское прилагательное, обозначающее красоту, имеет более широкую семантику 'добрый', 'хороший', а коми-зырянская лексема со значением 'красивый' применима также к хорошей погоде. Используется большое количество образных оборотов для переносного описания внешности человека, в которых фиксируется не столько гармония черт лица, сколько здоровый вид, «наличие» лица или внешности самих по себе без специальной качественно-оценочной характеристики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить некоторые лингвистические результаты того уникального многовекового взаимодействия четырех уральских народов, которое сложилось на территории Ямало-Ненецкого АО.

Безусловно, языковые явления, рассмотренные в этом атласе, были выбраны до некоторой степени субъективно, и набор конкретных карт мог бы быть иным, как и набор тех характеристик лексических единиц (например, моделей полисемии или каких-либо конструктивных свойств), которые обсуждаются в комментариях к ним. Отсутствие фиксации какого-либо явления в атласе не означает его фактическое отсутствие в уральских языках Ямало-Ненецкого АО – в равной степени оно может быть просто неизвестно конкретным носителям языка, не встретиться при опросе или иметь очень узкую территорию распространения. Однако и описанный нами материал позволил высветить некоторые особенности взаимодействия языков в ареале. Перечислим их.

1. География языковых параллелей

Распространение многих языковых параллелей наглядно коррелирует с расселением носителей обсуждаемых языков. Так, ненцы активнее всего контактируют с приуральскими хантами в северо-западной части ареала, что приводит к большому количеству хантыйско-ненецких параллелей именно в этой зоне. Северные селькупы имеют контактные области с тундровыми ненцами на севере, с лесными ненцами на западе и с ваховскими хантами на юго-западе. Исторически селькупско-хантыйские контакты были интенсивнее, чем селькупско-ненецкие, поэтому на юго-востоке Ямало-Ненецкого АО фиксируются отдельные параллели в погра-

ничной зоне с хантыйским языком, тогда как результатом селькупско-ненецких контактов стало одностороннее заимствование части оленеводческой терминологии из ненецкого в селькупский, но заимствований из селькупского в ненецкий на нашем материале практически не наблюдается.

Коми-зырянский язык, как язык пришлого населения, дисперсно проживающего в разных контактных зонах с хантами и ненцами, характеризуется наибольшим количеством инновационных черт, специфичных для разных контактных зон. Такие черты наглядно видны при сопоставлении наших материалов с ранее опубликованными данными по коми-зырянским говорам европейской части РФ, контактирующим с русским языком и в северной зоне с ненецким языком, но в целом не попадающим в столь же плотный «клубок» языковых контактов.

Ненецкий язык в данном регионе занимает наиболее сильную позицию и является частым источником заимствований в другие языки.

2. Социолингвистические факторы

Различия между диалектами обследованных нами языков, в том числе касающиеся и контактно мотивированных феноменов, во многих случаях связаны с их социолингвистическими характеристиками, не сводящимися просто к тому, в каком районе проживают носители того или иного языка. Например, коми-зырянские говоры оказались в доминирующем хантыйском окружении в с. Овгорт и в доминирующем ненецком окружении в с. Самбург. Однако в самбургском говоре они приобретают значительно больше инновационных черт, чем в овгортском, и тому есть несколько социолингвистических причин.

Во-первых, доминантным языком в смешанных семьях в Самбурге часто оказывается не только русский, но и ненецкий. В свою очередь, в Овгорте смешанные семьи, насколько удалось установить при работе в этом поселке, стабильно переходят на русский язык. Поэтому собственно «внутриуральское» многоязычие оказывается сильнее именно в Самбурге.

Во-вторых, в Самбурге и окрестной тундре до сих пор существуют смешанные ненецко-коми оленеводческие бригады, и доминантным языком общения в них оказывается ненецкий. В районе же Овгорта оленеводством в настоящее время занимаются только ханты; овгортские коми-зыряне лишены такого вида хантыйской языковой среды.

В-третьих, с. Овгорт расположено в Шурышкарском районе, где находится и несколько других крупных поселений коми-ижемцев (в первую очередь Мужы и Восяхово). Помимо этого, в адекватной транспортной доступности расположены города Салехард и Лабытнанги, где тоже есть носители ижемского диалекта коми-зырянского языка. Многие жители села поддерживают связь с родственниками и знакомыми из этих мест, что усиливает роль коми языковой среды в их жизни. При этом носители ижемского диалекта коми-зырянского языка из Мужей и Восяхово уже не находятся в доминантном хантыйском окружении, поэтому их язык оказывается в этом смысле более аутентичным (насколько это слово может быть применимо при текущем воздействии русского языка). Что же касается Самбурга, то он расположен в Пуровском районе в отрыве и в достаточно сложной транспортной доступности от основного ареала проживания коми-зырян в Ямало-Ненецком АО, поэтому его носители оказались в существенно более замкнутой языковой среде, а доминантное окружение этой среды сформировали ненцы.

Социолингвистические факторы могут способствовать и сохранности тех или иных характеристик исходной системы в конкретном идиоме. Так, коми-зырянские говоры сс. Мужы, Восяхово, Шурышкары и Овгорт, носители которых проживают

в одном и том же районе, характеризуются разной степенью сохранности самых разных лексических единиц. Например, в Мужах и Восяхово, где по крайней мере в старшем поколении еще поддерживается языковая среда, достаточно хорошо сохраняется сложная система глаголов плавания, наблюдаемая и в европейских говорах коми. В Шурышкарах и Овгорте, где в повседневной жизни коми-зыряне уже нечасто говорят на родном языке, она существенно расшатана. В комментариях к картам атласа приводятся и другие подобные примеры.

3. Предмет заимствования

Интересным является и то, какие именно лексические группы заимствуются чаще всего (включая семантические кальки, о которых речь пойдет в следующем пункте). Этот вопрос значим и для современной лингвистической теории (см., например, базу данных WOLD и приводимые на сайте этого ресурса ссылки). На наших материалах в силу некоторой субъективности их подбора и ограниченности объема мы не можем провести строгого статистического сопоставления с типологическими данными, но можем наметить некоторые тенденции. По данным WOLD, чаще многих других в языках мира заимствуются слова, обозначающие какие-либо объекты материальной культуры: сельскохозяйственные реалии, предметы домашнего обихода, части строений, одежду и пр. Такие заимствования в большом количестве отмечены в атласе: ярким примером служит заимствование из ненецкого языка в другие языки ареала оленеводческой терминологии, сопряженное с заимствованием и самого этого вида деятельности. С другой стороны, термины родства, по типологическим наблюдениям проекта WOLD, обычно входят в исконную лексику, тогда как в нашем ареале они сами и модели устройства их систем заимствуются достаточно часто (как из русского языка, см. в первую очередь коми-зырянские данные, так и между уральскими языками ареала). Например, в хантыйском языке система противопоставле-

ния кровных родственников по роду отца и матери устойчиво прослеживается вплоть до поколения «дедушек» и «бабушек», однако в приуральском диалекте, находящемся в контактной зоне с ненецким языком, это противопоставление утрачивается: для понятия «бабушка» используется заимствованное из ненецкого языка слово *хада*, которое употребляется независимо от того, какой линии – отцовской или материнской – принадлежит данный родственник. В малой степени, по данным WOLD, подвержены заимствованиям и наименования сторон света. В наших материалах мы не обнаружили заимствований собственно лексем данного поля, однако выявили существенное контактное влияние на модели образования этих наименований – в первую очередь в коми-зырянском языке.

4. Типы заимствований

В уральских языках Ямало-Ненецкого АО встречаются не только лексические заимствования, но и кальки некоторых моделей полисемии. Сам феномен заимствования моделей общеизвестен в ареальной типологии (см. некоторые базовые сведения в [Curnow 2001; Thomason 2001: 70–71] и по ссылкам, которые приводятся в этих работах). Однако закономерности калькирования лексики изучены пока не очень подробно как в работах по языкам нашего ареала, так и в соответствующей области типологии. В атласе разобран целый ряд примеров, где с разной степенью уверенности можно предполагать семантическое калькирование. В частности, они включают некоторые наименования животных, растений, родственных отношений, сторон света, ряд качественных признаков (например, ‘скользкий’). Интересно, что в отдельных случаях при процессах калькирования могут взаимодействовать одновременно несколько

языков. Так, в коми-зырянских говорах, находящихся в ненецком окружении, отмечается обозначение мужа (независимо от его возраста) словом *старик*. Сама эта лексема, очевидно, заимствована из русского языка, тогда как подобная модель полисемии имеет ненецкую параллель. Влияние русских диалектов и в этом случае тоже, конечно, не исключено, однако важно, что такое употребление фиксируется в первую очередь в контактной зоне с ненецким языком. Любопытно, кроме того, что в ряде случаев семантические кальки имеют культурную подоплеку. Например, в коми-зырянских говорах Ямало-Ненецкого АО широко распространены эвфемизмы для наименования волка. Они повсеместно встречаются и в других языках ареала, и в говорах зауральских коми, как следует из их сопоставления с европейскими диалектами, с большой вероятностью являются новообразованиями, вызванными как контактирующими языками, так и заимствованием культурных практик их носителей.

5. Некоторые итоги

Безусловно, содержащийся в атласе материал не исчерпывает всех вопросов, которые можно было бы поставить при исследовании уральских языков Ямало-Ненецкого АО. В книге нами охвачена лишь малая толика лексического фонда этих языков и только намечен эскиз сопоставительного грамматического описания. В более подробном изучении нуждаются и говоры многих населенных пунктов. Мы надеемся, тем не менее, что нам удалось внести посильный вклад как в фиксацию для будущих поколений пока еще сохранный богатства уральских языков округа, так и в осмысление процессов языковых контактов в современной уральской лингвистике и типологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск: Наука, 2000.
- Архив ОГТРК* – Архивные аудиозаписи Творческого объединения коми программ Дирекции программ народов Севера Окружной государственной телевизионной и радиовещательной компании «Ямал-Регион», г. Салехард.
- Бармич М. Я.* Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралоистики. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 148–299.
- Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Букварь для 1-го класса ненецких школ (лесной диалект). – СПб.: Просвещение, 1994а (2-е изд. СПб.: Просвещение, 1999).
- Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Пособие для учащихся начальной школы. – СПб.: Просвещение, 1994б (2-е изд. СПб.: Просвещение, 2002).
- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. Электронная версия: http://komiperm.ru/komi_eo
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукöр (Коми-русский словарь). – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2000.
- Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н.* Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / Под ред. А. И. Кузнецовой. – Екатеринбург: Баско, 2010.
- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009.
- Буркова С. И.* Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого АО. – Вып. 6 (58): Уральские языки севера Сибири. – Салехард, 2008. – С. 104–138.
- Буркова С. И.* Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка / сост. С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер и др. Диалектологический словарь ненецкого языка / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. – Тюмень: БАСКО, 2010. – С. 179–349.
- Буркова С. И.* Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. – Новосибирск, 2004. – С. 149–162.
- Буркова С. И., Баркалова М. Л., Шилова В. В.* Тексты на пуровском говоре лесного диалекта ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 10: Экспедиционные материалы. – Новосибирск, 2003. – С. 141–191.
- Вануйто Э. Б., Вануйто В. М., Буркова С. И.* (сост.) Няхар" Хэхо" То" Вэра" (Вэра трех Священных озер) (текст на тазовском говоре тундрового диалекта ненецкого языка) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.) / Отв. ред. С. И. Буркова. – Новосибирск: Любава, 2010. – С. 292–353.
- Волжанина Е. А.* Лесные ненцы: расселение и динамика численности в XX веке, современная демографическая ситуация // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 2. – 2007. – С. 143–154.
- Вострикова Н. В.* Глаголы перемещения в воде в селькупском, коми и удмуртском языках // ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М.: Индрик, 2007. – С. 406–438.
- Вэлло Ю.* Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004.
- Вэлло Ю.* Триптихи: Три по семь: на ненецк., рус. и фр. яз. / Пер. на фр. Е. Тулуз. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001.
- Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982.
- Жилина Т. И.* Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужики и Шурышкар). – Ч. II. – 1959 г. – Архив ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Фонд 1, опись 11, ед. хр. 192.
- Зенько-Немчинова М. А.* Сибирские лесные ненцы: историко-этнографические очерки. – Екатеринбург: Баско, 2006.
- Игушев Е. А.* К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Этнография и фольклор Коми. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО АН СССР. – Вып. 17. – Сыктывкар, 1976. – С. 116–118.

- Игушев Е. А.* О некоторых особенностях коми говора Зауралья // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, Удм. гос. ун-т, 1987. – С. 157–160.
- Интернет-сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие», URL: <http://siberian-lang.sgcc.msu.ru/>
- Казакевич О. А., Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. О. А. Казакевич. – Екатеринбург: Баско, 2010.
- Казакевич О. А.* Истина, добро и красота, отраженные в селькупской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004а. – С. 221–233.
- Казакевич О. А.* Красота в фольклоре народов Сибири (селькупы и их соседи) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004б. – С. 603–612.
- Кашкин Е. В.* Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 6 (58). – Салехард: Красный Север, 2008. – С. 33–46.
- Кашкин Е. В.* Семантика глаголов разделения объекта на части в эрзянском и коми-зырянском языках (прямые и переносные употребления): Дипломная работа. – М.: МГУ, 2010.
- Кашкин Е. В.* Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2013.
- Колегова Н. А.* Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужы и Шурышкары). – Ч. I. – 1959 г. – Архив ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Фонд 1, опись 11, ед. хр. 193.
- Кошкарева Н. Б.* Местоимения в хантыйском языке (тезисы) // International Symposium on Deixis and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2001.
- Кошкарева Н. Б.* Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. – Новосибирск: Любава, 2005.
- Кошкарева Н. Б.* Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник урведения. – 2013. – № 3 (14). – С. 47–78.
- Кошкарева Н. Б., Буркова С. И., Лантандер Р. И., Янгасова Н. М.* Диалектологический словарь ненецко-го языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско, 2010.
- Кошкарева Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В.* (сост.) Рассказы варьеганских ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Кошкарева Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В.* Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 7: Экспедиционные материалы. – Ч. 2. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003.
- Кошкарева Н. Б., Вальгамова С. И., Онина С. В., Шиянова А. И.* Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско, 2011.
- КСК I* – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / Под ред. Л. М. Безносиновой. – Т. 1. – Сыктывкар: Кола, 2012.
- КСК II* – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / Под ред. Л. М. Безносиновой. – Т. 2. – Сыктывкар: Кола, 2014.
- Кузнецова А. И.* Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. – Ижевск, Лейпциг: Удмуртский государственный университет / Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2003. – С. 249–259.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / под ред. А. И. Кузнецовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушкина Е. В., Хелимский Е. А.* Селькупский язык. Учебное пособие для педколледжей и высших учебных заведений / под. Ред. А. И. Кузнецовой. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002.
- Куприянова З. Н.* Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // Уч. зап. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. – Т. 101. – Л., 1954. – С. 159–179.
- Кюсева М. В.* Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’: Дипломная работа. – М.: МГУ, 2012.
- Кюсева М. В., Рыжова Д. А.* Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической

- перспективе // Acta Linguistica Petropolitana. – Т. 6. – Ч. 3. – СПб., 2010. – С. 90–93.
- Ладыгина А. А.* Дзирыг, meleg или x? Системы температурных прилагательных в венгерском, коми-пермяцком и хантыйском языках // Лингвистический беспредел – 2: Сб. науч. тр. к юбилею А. И. Кузнецовой / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика. Сост. Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 386–400.
- Ладыгина А. А.* Система хантыйских температурных прилагательных // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Кретьева. – Вып. 1. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. – С. 189–193.
- Лельхова Ф. М.* Словарь глаголов хантыйского языка (шурьшкарский диалект). – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.
- Лучина Е. С.* Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. – Т. 7. – № 3. – СПб., 2011. – С. 122–128.
- Лыткин В. И.* (ред.). Коми-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М.: Индрик, 2007.
- Мартынова Е. П.* Этнические и социальные идентификации надымских ненцев // Историческое краеведение Надыма. – Вып. 3. – Омск, 2003. – С. 40–48.
- Нахрочева Г. Л.* Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурьшкарского диалекта): Дис. ... канд. филол. наук. – Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2014.
- Немысова Е. А.* (сост.) Ненецкий поэт Юрий Вэлла: пособие для учителей. – М.: ИКАР, 1997.
- Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка / Унифицированное описание диалектов уральских языков. V. – Москва – Гамбург, 1995. – 256 с.
- Норманская Ю. В., Дыбо А. В.* Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках. – М.: Тезаурус, 2010.
- Олень в культуре народов Севера: Сборник материалов научно-практического семинара «Оленеводческая лексика в уральских языках» (Санкт-Петербург, ИНС, 20 апреля 2016 г.). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016.
- Онина С. В.* Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2003.
- ОФУЯ* – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976.
- Павлова Е. К.* Лексико-типологическое описание признаков ‘мягкий’ – ‘твердый’ в языках разных семей: Дипломная работа. – М.: МГУ, 2014.
- Плесовский Ф. В.* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. Вып. 6. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. – С. 105–129.
- Повод Н. А.* Коми северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). – Новосибирск: Наука, 2006.
- Повод Н. А.* Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья: XIX – первая четверть XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
- Приходько М. С.* Хомаку: Картинный словарь ненцанского языка. – СПб.: Морсар АВ, 2000.
- Приходько М. С., Приходько О. Б.* Краткий русско-ненцанский словарь // Приходько М. С., Приходько О. Б. Хомани: Книга о жизни лесных ненцев. Сказки, стихи, легенды. – СПб.: Светлячок, 2002. – С. 196–220.
- Прокофьев Г. Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // Советская этнография. – 1940. – № 3. – С. 67–76.
- Пушкарева Е. Т.* Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. – М.: Мысль, 2003.
- Пушкарева Е. Т., Хомич Л. В.* (сост.) Фольклор ненцев. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 23. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Рандымова З. И.* Оленеводческая культура приуральских хантов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004.
- Рандымова З. И.* Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект): около 4000 слов. – Салехард: Красный Север, 2011.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А.* Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 456–540.

- Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
- Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Старинные и современные селькупские песни. – Салехард, 1999.
- Северные россыпи. Сборник творчества северян / Сост. Л. С. Лаптева. – Салехард, 1962.
- Сидорова М. А.* Семантические поля ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ и ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ в мокшанском языке // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Кретьева. – Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 135–146.
- Сидорова М. А.* Семантические поля ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ в коми языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 278–284.
- Сказки Татвы:* сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / Составители: Татва и Алла Логаны. Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. – Вып. 1. – Ханты-Мансийск, 2016.
- Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Ханты-Мансийск, 2014.
- Соловар В. Н.* Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. – № 4. – Ханты-Мансийск, 2016. – С. 58–67.
- Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецко-русский словарь. – СПб.: Наука, 2009.
- ССКЗД 1961* – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под общ. ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961.
- Терешкин Н. С.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981.
- Терещенко Н. М.* Материалы и исследования по языку ненцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Турутина П. Г.* Нешау вантлат, шотпялс: Легенды и сказки лесных ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках / Сост. В. В. Шилова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003.
- Устав (основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа (на селькупском языке). – Салехард, 2008.
- Федеральные законы и законы Ямало-Ненецкого автономного округа (на селькупском языке). – Салехард, 2008.
- Хаузенберг А. Р.* Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). – Таллин: АН Эстонской ССР, 1972.
- Хелимский Е. А.* Ненецкий язык / Языки народов России. Красная книга. – М., 2002. – С. 133–137.
- Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь. – Гамбург, 2007. Электронный ресурс.
- Холкина Л. С.* Качественные признаки в китайской лексике. Опыт типологического описания: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2014.
- Шиянова А. А.* Парные слова хантыйского языка (на материале шурьшкарского диалекта). – Тюмень: ООО «Формат», 2015.
- Янгасова Н. М.* (сост.). Ненэцие" лаханако", сюдбабц", ярабц" (Ненецкие сказки и эпические песни "сюдбабц", "ярабц") / Под ред. М. Я. Бармич. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001.
- Alatalo J.* Selkupischrs Wörterbuch / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. – Helsinki: Societe Finno-ougrienne, 2004.
- Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. – Berkeley, 1969.
- Curnow T.* What language features can be "borrowed"? // Aikhenvald A., Dixon R. (eds.) Areal diffusion and genetic inheritance. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 412–436.
- DEWOS* – Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1966–1994.
- Koptjevskaja-Tamm M.* (ed.) The Linguistics of Temperature. – Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2015.
- Nikolaeva I.* Ostyak. – Linkom Europa, 1999.
- Nikolaeva I.* The structure of the Tundra Nenets noun phrase // Ünnepi kötet Honti László tiszteletére. Bakró-Nagy M., Rédei K. (szerk.). – Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2003. – P. 315–327.
- Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Budapest: Akademiai Kiadó, 1988.
- Reznikova T., Rakhilina E., Bonch-Osmolovskaya A.* Towards a typology of pain predicates // Linguistics 50-3. – 2012. – P. 421–465.
- Stassen L.* Comparative Constructions // Dryer M., Haspelmath M. (eds.) The World Atlas of Language Structures

Online. – Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Электронный ресурс: <http://wals.info/chapter/121>.

Stassen L. Comparison and Universal Grammar. – Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Thomason S. Language contact. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.

ValPal – The Leipzig Valency Classes Project, электронный ресурс: <http://valpal.info/>

WALS – The World Atlas of Language Structures Online. – Leipzig: Max Planck Institute for Evolu-

tionary Anthropology. Электронный ресурс: <http://wals.info/>

Wiedemann F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-Deutschen in Anhang und einem Deutschen Register. – St. Petersburg, 1880.

WOLD – The World Loanword Database, электронный ресурс: <http://wold.clld.org/>

WOLD – World loanword database, ed. by M. Haspelmath and U. Tadmor, <http://wold.clld.org/>

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

б.-з. – большеземельский говор тундрового ненецкого языка

вост. – восточные диалекты ненецкого языка

г. – город

ед. ч. – единственное число

зап. – западные говоры тундрового ненецкого языка

коми-ижемск. – ижемский диалект коми-зырянского языка

л. – лицо

м.-з. – малоземельский говор тундрового ненецкого языка

мн. ч. – множественное число

мужевск. – мужевский говор шурышкарского диалекта хантыйского языка (с. Мужы и ближайшие населенные пункты и стойбища)

ненецк. – ненецкий язык

пос. – поселок

приуральск. – приуральский диалект хантыйского языка

р. – река

рус. – русский язык

с. – село

сельк. – селькупский язык

сс. – села

сынск. – сынский говор шурышкарского диалекта хантыйского языка (с. Овгорт и ближайшие населенные пункты и стойбища)

тундр. – тундровый ненецкий язык

усть-полуйск. – усть-полуйский говор приуральского диалекта хантыйского языка (сс. Горнокнязевск, Аксарка и ближайшие населенные пункты и стойбища)

усть-собск. – усть-собский говор приуральского диалекта хантыйского языка (с. Катравож и ближайшие населенные пункты и стойбища)

хант. – хантыйский язык

шур. – шурышкарский говор шурышкарского диалекта хантыйского языка (с. Шурышкары и ближайшие населенные пункты и стойбища)

ям. – ямальский говор тундрового ненецкого языка

ACC – показатель аккумулятива (винительного падежа)

ADJ – показатель адъективной формы существительного

AUG – показатель увеличения признака

CAR – каритивный суффикс (падежный или словообразовательный показатель, обозначающий отсутствие признака)

COLL – показатель собирательной формы существительного

DIM – показатель диминутива (уменьшительно-ласкательный суффикс)

DU – показатель двойственного числа

DUR – показатель длительного вида глагола

GEN – показатель генитива (родительного падежа)

INF – показатель инфинитива

INSERT – вставной согласный, появляющийся между основой и лично-числовыми показателями глагола в формах настоящего времени индикатива (изъявительного наклонения) и императива

INTENS – показатель интенсивности

IPFV – показатель имперфектива

OBJ – показатель объектного типа спряжения

OBJ.1SG.SG – показатель объектного спряжения 1-го лица единственного числа субъекта и единственного числа объекта

PFV – показатель перфектива

PL – показатель множественного числа

POSS – посессивный (лично-притяжательный) показатель

POSS.1SG.SG – посессивный (лично-притяжательный) показатель 1-го лица единственного числа субъекта и единственного числа объекта

PST – показатель прошедшего времени

PSTN – показатель повествовательного прошедшего времени

RESULT – показатель результата

SBJ – показатель субъектного типа спряжения

SG – показатель единственного числа

**Диалектологический атлас уральских языков,
распространенных на территории
Ямало-Ненецкого автономного округа**

Научное издание

Издатель: О. Ю. Прядко-Каныбекова
Редакторы ненецкого текста: Г. П. Харючи, С. Е. Сэрпиво
Редактор селькупского текста: Р. А. Кусамина
Редактор хантыйского текста: Л. Г. Возелова
Редактор коми-зырянского текста: Т. Б. Лапгандер
Корректор: З. Ф. Усенко
Технический редактор: В. Н. Тонковид
Верстка: О. А. Шумакова

Подписано в печать 13.10.2017. Формат 60 x 84/8. Гарнитура Time New Roman.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. п. л. 32,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 17А0209.

ООО «Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК»
236004, Калининградская область, г. Калининград,
пер. Парковый, д. 7, корпус 1, офис 6
www.rosdoafk.ru, т. 8 (4012) 33-69-22